

**ВСЕ
ДЛЯ ФРОНТА,
ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!**

98

ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Сборник воспоминаний
тружеников тыла,
посвященный 40-летию Победы
советского народа
над немецко-фашистскими
захватчиками

1-576649

Новосибирск
ЗАПАДНО-СИБИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1985

Ц 35/2/726-1, 01
ББК63.3(2)722

В84

Составители:

- А. П. АКАЧЕНОК — научный сотрудник
партархива Томского обкома КПСС,
заслуженный работник культуры РСФСР
И. А. МИЗГИРЕВ — член Союза журналистов СССР,
заслуженный работник культуры РСФСР

Рецензенты:

- М. С. КУЗНЕЦОВ — доктор исторических наук
А. Н. НОВОСЕЛОВ — ответственный секретарь
Томской областной журналистской организации,
заслуженный работник культуры РСФСР

Все для фронта, все для победы! (Сост.
В84 А. П. Акаченко, И. А. Мизгирев). — Новосибирск:
Западно-Сибирское книжное издательство, 1985. —
224 с., ил.

Авторы сборника — партийные, советские и комсомольские работники, рабочие и крестьяне, научно-техническая и творческая интеллигенция — все те, кто своим героическим трудом способствовал разгрому врага.

Книга может служить действенным средством патриотического воспитания.

В 0505000000 — 013
М143(03) — 85 — 1—85

ББК63.3(2)722

© Западно-Сибирское
книжное издательство, 1985

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Сборник «Все для фронта, все для победы!» содержит воспоминания тех, кто в годы Великой Отечественной войны жил на томской земле и самоотверженно трудился во имя победы над немецко-фашистскими захватчиками. Среди них — рабочие, крестьяне, партийные и советские работники, комсомольские вожаки, ученые, журналисты, врачи, артисты.

В начальный период формирования сборника большую работу выполнил заведующий партархивом Томского обкома КПСС М. И. Чугунов, безвременно умерший летом 1982 г.

Составители выражают благодарность всем товарищам и организациям, оказавшим помощь в подготовке сборника: редакции газеты «Красное знамя», Зырянскому райкому и Асиновскому горкому КПСС; музеям заводов — резиновой обуви, «Сибэлектромотора», электролампового, Колпашевскому филиалу областного краеведческого музея и другим.

Естественно, литературный уровень воспоминаний не одинаков: их авторы чаще всего лучше владели и владеют делом, нежели словом. При литературной записи и редактировании авторский стиль, в основном, сохранен.

Следует также отметить чрезвычайную лаконичность некоторых воспоминаний, в первую очередь — томских ученых: очевидно, сказывается привычка к точному и краткому научному языку. Но и эти крупницы для нас ценны: без них картина подвига тыла в годы Великой Отечественной войны была бы неполной.

Сборник рассчитан на массового читателя. Он может служить пособием для пропагандистов, лекторов, преподавателей истории, студентов и научных работников.

АНЦИФЕРОВА
СЕРАФИМА
АЛЕКСЕЕВНА

Член КПСС с 1928 г. Родилась в 1905 г. в Москве, в семье служащего. Работать начала с 15-ти лет, одновременно училась в Московском политпросветинституте. После его окончания находилась на партийной и советской работе в Самаре (ныне Куйбышев), Челябинске, Биробиджане и в других городах. С 1938 г. снова в Москве, на заводе «Красный богатырь».

Осенью 1941 г. С. А. Анциферова вместе с заводом эвакуирована в Томск. Здесь она работала партторгом ЦК ВКП(б) на заводе резино-технических изделий, заведующей сектором агитации обкома партии, первым секретарем Куйбышевского, затем Кировского райкомов ВКП(б), а с 1951 г.—заведующей отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов обкома КПСС. С 1959 г.—персональный пенсионер республиканского значения.

Награждена орденом «Знак Почета» и семью медалями.

Второе рождение «Богатыря»

Эти записки — о рабочей гвардии завода, эвакуированного из Москвы в Томск. В те годы его называли «Красный богатырь», а иногда просто «Богатырь». Теперь это завод резиновой обуви. Во время войны я там была секретарем партийной организации и партторгом ЦК ВКП(б).

Оборудование завода и основные кадры прибыли в Томск в декабре 1941 г. и в январе 1942-го. В сотнях вагонов были доставлены станки, котлы паровые, транс-

форматоры, моторы, вальцы, каландры, прессы — иначе говоря, все то, что в Москве было заводом, на котором работало несколько тысяч человек.

Грузы сложили горами на станции Томск-II и на улицах города. Глядели мы на эти причудливые сооружения, заваленные снегом, и невольно думали: где найдутся такие силы, что способны поставить все это оборудование на место, вдохнуть в него жизнь и заставить работать для Родины? Здания, отведенные заводу, не приспособлены для производства. Нужны большие строительные работы. А у нас нет техники, нет транспорта. Топор, молоток, лопата, лом, поперечная и лучковая пила, да еще старенькая маленькая бетономешалка, у кого-то позаимствованная, — вот и вся техника. Обещали нам дать лошадей, но пока их нет, и люди на плечах таскают бревна, на салазках возят гравий, на катках тянут станки и котлы.

Правительство установило срок пуска завода — 1 мая 1942 г. Оставалось всего три с небольшим месяца. Сомнения одолевали многих: сделаем ли?

...В партком завода пришел инженер Бобровский. Я знаю его давно: это старый талантливый инженер, умудренный большим опытом и знаниями.

— Я пришел по долгу своей совести, — начал он разговор, — хочу поделиться сомнениями. Нам сообщили правительственный срок восстановления завода. Считаю этот срок нереальным... Раньше, чем прийти к вам, долго думал, прикинул не только в уме, но и на бумаге. Я — старик, многое на своем веку делал, но такая работа — назвал бы ее титанической — в моем сознании не укладывается. Не подумайте, что я против строительства завода, ни в коем случае! Завод нужен Родине, и он будет построен. Отдам этому все силы и знания, весь свой опыт, но три с половиной месяца — это, извините меня, на грани фантастики. Я ни с кем не делился своими мыслями. Понимаю, что мои сомнения не должны ни на кого оказывать влияния, но заставить себя не думать об этом я не могу.

Бобровский смотрел на меня озабоченно, и я не пербивала его.

— Нам под каждую машину надо делать бетонное основание, а машин больше сотни, — продолжал он. — Нам нужны свои котельная, водонасосная станция,

электроподстанция, подъездные пути и многое другое, без чего завод работать не сможет... Мало строительных материалов, нет ни гужевого, ни автомобильного транспорта, нет строительной техники. Есть люди, хорошие люди, которые хотят и будут работать, но этого, согласитесь со мной, мало, чтобы построить завод за три с половиной месяца.

— Ваши сомнения мне понятны,— говорю ему,— но ведь когда правительство принимало решение о сроках пуска завода, оно исходило из государственных соображений, из требований фронта, защиты Родины. Не буду вас агитировать, вы знаете, что на фронте люди жизни отдают и делают невозможное. Нам предстоит совершить тоже невозможное, но жизни при этом отдавать не придется. Помогите сделать государственное дело. На этом фронте вы генерал, и у вас должна быть уверенность в победе. Перестройте свои мысли на то, как сделать в невозможно короткие сроки действительно титаническую работу. Вдохните уверенность в людей, с которыми работаете.

Некоторое время Бобровский молчит, затем поднимается со стула и говорит задумчиво:

— Я очень хорошо понимаю обстановку, будем делать, но это очень трудно.

И повторяет:

— Очень и очень трудно...

— Вот это уже другой разговор. Действительно, очень трудно, но возможно. Так?

Бобровский пожимает плечами:

— Если другого не дано, будем делать...

И Бобровский работал, не считаясь со временем.

Много предложений, ускоряющих ход строительства, внес и осуществил инженер.

Шли к нам на завод грузы с запада и вдруг пошли с востока. Да какие грузы-то — стратегическое сырье, натуральный каучук! Огромные деньги заплачены за него, чистым золотом. Разгружали вагоны девчонки, а ведь что ни кипа, то сотня килограммов.

Сложили каучук на улице горой, в горе — сотни тонн. Ходит вокруг горы охрана с винтовкой, из тех же женщин и девчат. Забора нет. Днем-то еще ничего — видно кругом, — а ночью темень, не углядишь. Склад есть, да вывозить не на чем.

В партком пришла член партии Брюшкова. Разговор начала без предисловий:

— Я по поручению работников охраны вот с каким предложением. На снегу лежит золото, наше кровное, охранять его трудно. Мотор или станину не возьмут, а к кипам каучука нечестные люди присматриваются. Знаем, что транспорта нет, вот мы на собрании и решили: каждый день сверх того, что на постах стоим, два часа на санках будем возить каучук на склад, пока снег лежит. Одному сто килограммов не увезти — силы не те. Будем возить по двое. Прикинули уже: до десятка тонн в день перекинем, а то и больше. Как, такое предложение приемлемо? Может, и другие помогут.

Действительно, помогли. Без транспорта вывезли весь каучук на склад. Золотыми оказались наши советские люди, у которых душа болела за судьбы Родины.

...Позвонили из горкома партии: завтра утром на завод прибывает группа ленинградцев. «Встречайте на вокзале, устраивайте с жильем, с питанием и с работой».

Утром стоим на перроне, ждем. Подошел поезд, из вагонов выходят мужчины и женщины, перенесшие блокаду, худые, изможденные, в чем только душа держится. Бережно поддерживают друг друга. Помогаем им вынести багаж, складываем узлы, чемоданы на перроне.

— Все вышли?

— Нет, там еще есть люди. Сами выйти не могут, нужны носилки.

Выносим троих на носилках и отправляем сразу в больницу. Старший группы докладывает:

— Прибыли не все, троих похоронили в дороге.

Привезли ленинградцев на завод, разместили в комнатах заводууправления. Сидят на полу, на своих чемоданах. Накормить их — не проблема, есть уже своя столовая, а вот с жильем сложнее. Ходит целая бригада работниц по городу с мандатами райисполкома и горисполкома, ищет не занятые еще кухни и углы. Теснятся люди: кто ворчит, кто отодвигает свою мебель, освобождая угол, проходную комнату, кухню.

Постепенно увезли всех, расселили. Мала площадь — три-четыре метра на душу пришлось, но это уже жилье, крыша над головой.

Прикрепили к приехавшим членов завкома для оказания помощи, добыли дополнительное питание, орде-

ра на одежду и обувь. Некоторые сразу просятся на работу, а большинство не могут работать. Дистрофия с ног валит. Глядишь на человека: кожа да кости, а поговоришь с ним и удивляешься несгибаемому духу ленинградца. Не рассказывают о том, что пережили,— об этом весь мир знает. Не услышишь от них стонов и жалоб. Об одном только сожалеют, что сил еще мало, чтобы по-настоящему, по-ленинградски, взяться за дела, помочь восстановить завод и работать на нем.

Какие же это сильные люди!

В директорском кабинете за столом сидят: директор завода Шанаев, начальник строительства Захаров, главный инженер Быстрицкий и я, секретарь парткома.

Захаров, устало положив руки на стол и сцепив пальцы, говорит:

— Что будем делать с бетонированием оснований для станков? Нет гравия. На острове, напротив завода, его навалом. В воду лезть не нужно, так взять можно. Этот остров весь из гравия. Но возить-то на чем?

Все молчат. В самом деле, на чем возить?

— Сколько нужно гравия? — спрашивает директор у Захарова.

— По точным подсчетам, к тому же самым минимальным, на бетонные работы, связанные с монтажом оборудования, нужно тысячу шестьсот тонн,— отвечает Захаров.— Я снял со строительства сто мужиков, вчера они возили гравий на санках, возят сегодня. Результат такой: на санки больше тридцати пяти килограммов не положишь, потому что на пути гора. Каждый делает три-четыре ездки в день, это значит двенадцать-тринадцать тонн. То есть нужный гравий можно вывезти за четыре месяца, а в нашем распоряжении месяц. Монтажники подпирают, они уже оборудование комплектуют.

Опять все молчат. Но сколько ни думай, кроме воскресника, ничего не придумаешь. Устают люди на строительстве, работают по 10—12 часов в день на тяжелых работах, но иного выхода нет.

— Соберу сегодня коммунистов и комсомольцев, посоветуемся, как лучше организовать это дело,— говорю я.

...Раннее мартовское утро. Погода как на заказ, специально для воскресника: солнечно, безветренно, лег-

кий морозец для бодрости. Идут и идут люди к месту сбора. Если собрать всех в одно место, заполнили бы всю улицу около завода. Но толчеи нет, подходят по двое-трое, берут санки — и на реку, на остров. Там уже работает бригада с ломami и лопатами. Как по конвейеру движутся санки, на них прямо на ходу нагружается гравий.

— Добавляй, не жалеи!

— Пупок разорвешь!

— Ничего, завяжем!

Тяжесть невероятная, да еще гора проклятушая. По нескольку человек тянут в гору санки за лямки, да еще сзади подпирают шестью.

— Давай, давай, не задерживай!

Народу много, санок не хватает, появились розвальни с оглоблями, только без лошадей. Нагружают и их. По обе стороны за оглобли берутся не менее десятка людей. Только и слышно:

— Раз-два, взяли...

На горе пристроился механик Иван Иванович Дулепов. Он приволок с мальчишками-слесарями ручную лебедку. Как только дотянут сани до горы, их зацепляют тросом и подтягивают лебедкой в гору.

...Прибегает на остров диспетчер, докладывает директору:

— Нарком приехал!

— Иди устраивай, — говорит директор своему заместителю.

Но нарком не захотел «устраиваться», переоделся в телогрейку, сменил ботинки на сапоги и пришел на воскресник. Поздоровался, отобрал у женщины лом и включился в работу.

Подмигивают рабочие:

— Давай! Давай!..

Восемь часов работали на воскреснике все, без различия званий и должностей. Тяжелая работа. Устали. Иссякли смех и шутки. Кончать нужно. Последние сани тянут во двор завода.

Митинг. На трибуне директор завода.

— От имени руководства завода благодарю всех участников воскресника. Сделано большое дело. Доставлено на завод более полутора сотен тонн гравия. Строителям обеспечена бесперебойная работа. А те-

¹ А. Я. Фролов.

перь,— заканчивает он,— в столовой для вас готов обед. Не очень он роскошный, не довоенный, но чем богаты, тем и рады.

150 тонн гравия — это не пустяк. Проблема на время решена.

Днем и ночью идут строительные работы, пылают огромные костры, чтобы оттаяла земля, прокладываются траншеи; тут и там вспыхивают огни газосварки, подвешиваются провода, гремит бетономешалка.

По улицам такелажники на катках, на санях канатами тянут невероятных габаритов котлы, моторы, станки. Все вручную, по тому самому способу, которым пользовались наши давние предки. А сроки поджимают. Люди работают, не жалея сил. Надо — значит, сделаем!

На фронте у каждого командира главная опора — бойцы, закаленные в боях. Около них набираются мудрости юные, необстрелянные. Так и на заводе: старая гвардия — мастера, бригадиры, кадровые рабочие — главная опора у начальников цехов, у инженеров, у всего руководства завода.

Не раз бывало: когда трудно, когда вставала, казалось бы, неразрешимая задача, шли к ним, к старой гвардии. Собирали совещания старых производственников, чтобы посоветоваться, рассказать о трудностях, которые надо преодолеть. Не было случая, чтобы отказали в помощи, чтобы не нашли еще не использованные резервы. Поднимались один за другим, вносили короткие, дельные и весьма существенные предложения, а на другой день сами же брались за выполнение своих предложений.

Инженеров на заводе много: технологи, химики, электрики, теплотехники, строители, экономисты, плановики, а вот инженера-механика нет. Без него как без рук: оборудование тяжелое, сложное, капризное, разнообразное; его надо собрать с улиц, скомплектовать, установить, пустить в эксплуатацию.

Есть золотой человек — Иван Иванович Дулепов. Он не инженер и даже не техник, а токарь, слесарь, цеховой механик — проще сказать, практик, четверть века проработавший на заводе. Коммунист, душевный человек. Решили предложить Ивану Ивановичу, хотя бы временно, быть главным механиком.

— Ну какой же я главный механик? Тут нужен инженер...

— Так нет его, а кому-то руководить нужно...

Задумался Иван Иванович, молчит.

— Ну уж, пока нет, временно поработаю... Понимаю обстановку...

Работает Иван Иванович, а мы ищем инженера-механика. Пошли запросы в наркомат, в партийные органы. Прибыл, наконец, инженер-механик.

— Иван Иванович, прибыл инженер.

— Вот и хорошо.

— Хорошо, слов нет, только вы поработаете у него заместителем?

— Ну что ж, я понимаю...

А дело не идет у главного. Очень помогают ему, но все равно не получается. Он и сам понимает, что работа не по плечу. Отказался категорически.

Опять Иван Иванович временно становится главным.

— Ну что ж, я понимаю...

Прибыл новый дипломированный инженер, сдал ему Иван Иванович главную позицию, а сам и днем, и ночью на посту, всегда в деле, потому что главный только входит в курс и не всегда знает, как найти выход из трудного положения.

...Взволнованный голос сообщил по телефону в партком: в четырнадцатом цехе несчастный случай, из прессы вырвало плиту, раздавило ногу Ивану Ивановичу.

От этого сообщения в глазах темно.

Иван Иванович! Да как же могло так случиться? У него всего-то одна нога, другая на протезе. Как же так?

Бегу в цех. За тем злосчастным прессом на полу сидит Иван Иванович. На его лице я никогда не видела румянца, а сейчас оно было особенно бледным, на лбу крупные капли пота.

— Иван Иванович, жив?

— Жив!

— А нога?

— Своя цела, а протез — в лепешку...

Еще бы не в лепешку: в плите 140 килограммов.

— Мне бы лошадь запрягли, домой доехать. Дома у меня протез запасной есть, вечером подгоню и завтра на работе буду.

— Лошадь — это пустяки. Сейчас будет...

Пока запрягают коня, говорю:

— Иван Иванович, зачем сам полез в такой ремонт?

— Что же делать? — виновато отвечает. — Моим слесарिशкам тяжело, помочь надо было, а ловкости с одной ногой нет, не успел отступить вовремя. Было бы хуже, если бы кто из ребят вот так попал. Я-то опыт имею...

— Ничего себе опыт!

Лошадь подана к цеху, мальчишки помогают подняться Ивану Ивановичу и, подставляя ему свои плечи, провожают из цеха.

Утром Иван Иванович, как всегда, на работе.

Об этом человеке можно много писать, но я расскажу еще только один эпизод.

В технологическом цехе произошла авария: вышел из строя каландр. Через несколько минут у большой сложной машины собрались руководители завода, конструкторы, инженеры-механики. Печальное зрелище. В узкий зазор между стальными валами попала металлическая пластина, валы пропустили ее, но станина не выдержала, ее разорвало. Положение катастрофическое. Каландр на заводе единственный, второй монтируется, но у него не хватает нескольких очень важных деталей, затерявшихся в пути при эвакуации. Через несколько часов, как только будет исчерпан задел, весь завод встанет. Где же выход?

— Единственный выход — отлить новую станину, — говорит главный конструктор, — другого решения этой задачи нет.

Все вопросительно смотрят на главного инженера.

— Не вижу другого выхода, кроме того, что предложил руководитель конструкторского бюро, — вторит главный инженер.

Остальные молчат: как спорить с такими специалистами?

Через час становится ясно, что в городе отлить станину невозможно.

Директор завода ведет разговор с секретарем Новосибирского обкома партии. Телефон переключают на Кузнецкий металлургический комбинат. Он может помочь, но сделает это только через три недели. Три недели... А завод? 2500 человек на простой? Это же срыв выпуска продукции!

...Поздний вечер, но все руководители на заводе. В конструкторском бюро делают чертежи станины для Кузнецкого комбината. Думают инженеры, механики, ищут решение задачи. В технологическом цехе стоит

большинство машин: их продукция не нужна, пока не будет работать каландр.

Вдруг тишину разорвал шум работающего каландра. Его заглушили радостные «ура», хлопки в ладоши, смех. Это выражали радость механик Иван Иванович и его бригада молодых слесарей. Каландр работает! Для проверки слесари пропустили сквозь валы полуторную норму каучука. Станина выдержала. Несмотря на ночь, снова около машины собрались руководители завода, инженеры и конструкторы. Придирчиво рассматривают станину. На месте излома — стальная заплатка на болтах.

Пожимает плечами главный конструктор:

— На время сойдет...

Удивленно качает головой главный инженер:

— Пока отливают станину, очевидно, выдержит.

Механик Иван Иванович и его помощники стоят в стороне. Чумазые, усталые.

— Кто придумал, Иван Иванович? — спрашивает директор завода.

— Да вот, мы тут... — отвечает он и кивает в сторону слесарей. — Рисковать ничем не рисковали: станина все равно бросовая, потом в переплавку пойдет. Что раньше не доложили — беды в том нет. Вот если бы нахвалились, обнадежили, да не сделали, тогда было бы плохо. А так, что ж? Думали вместе, придумали вместе и сделали вместе, — и он улыбнулся.

— Спасибо, Иван Иванович, — крепко жмет ему руку директор, — от всех руководителей, от всех рабочих большое спасибо. Знали бы вы, какую тяжесть сняли со всего коллектива...

— Знаем, — говорит Иван Иванович, — потому и трудились по совести.

В этих словах — весь Иван Иванович Дулепов.

...Прибыло из Калининской области ФЗУ. Надо учить, готовить кадры, завод вот-вот пойдет. Есть мастер, Анна Павловна Бокарева, немолодая женщина, проработавшая более двадцати лет на заводе.

— Анна Павловна, вы мастер, возьмитесь учить девочек...

— Ну какой из меня учитель? У меня у самой-то три класса образования...

— Учите их практике, сборке, а лекции будут читать инженеры.

— Ну что ж, попробую...

С душой взялась за дело, передает девчатам опыт, навыки, мастерство. Днем занимается с ними, а вечером урвет время от своей семьи и придет в общежитие. Скучают девчонки, частенько плачут, беспокоятся, как там родные на оккупированной территории.

Однажды вечером захожу в общежитие, слышу, ведет разговор с девчатами Анна Павловна:

— Чего приуныли? Слышали— погнали наши немцев из Калининна и дальше гонят. Помогать крепче отсюда нужно, из тыла, из Сибири. Трудно нам, но на фронте в сто раз труднее, об этом всегда помнить надо, и сил прибудет. Скажу я вам: при всех трудностях заботится о вас Советская власть: живете в тепле, обуты, одеты, накормлены хоть и нежирно, но не голодаете. Нас вот приставили учить, помогать вам...

Ведет задушевную беседу Анна Павловна, слушают ее девчата, смотришь, и слезы на глазах высохли. Самы о своей жизни рассказывают и заветным с ней делятся.

Однажды, когда завод уже работал, ночью иду через сборочный цех. Днем этот цех гудит, как улей, не одна сотня работниц сидит за столами у конвейерных лент. Пестрят косынки, кофточки, халаты. Одни девчонки 16—18-ти лет. Мастер ходит вдоль конвейера, то здесь, то там остановится, поправит, покажет. Но вот возле девушки завал: сбилась с ритма, торопится, а получается еще хуже. На лице отчаяние. Анна Павловна садится рядом. Замелькали детали в руках, шепнула девчонке что-то на ухо, и та улыбнулась, рукавом слезы вытерла. Нет уже завала, опять ритмично плывут детали по конвейеру. Мастер медленно идет дальше...

А ночью в цехе непривычная тишина, неприятное безлюдье. Контрольные лампочки скупно освещают проходы между конвейерами.

Вдруг слышу: где-то позвякивает металл. Иду на эти звуки. В конце конвейера работает Анна Павловна Бокарева.

— Что делаешь, Анна Павловна?

Она подняла голову, глаза усталые, но на лице улыбка.

— Готовлю задел к утру.

— Что случилось?

— Ничего не случилось. Хорошо работали сегодня и весь задел израсходовали, утром начать не с чего, простой будет. Из-за нас и звезда погаснуть может...

Так вот оно что... Уже много дней над цехом горит большая красная звезда. Если горит она, значит, люди работали по-фронтовому, не жалели сил для выполнения плана. Вот и болит душа у старой работницы, чтобы не погасла звезда, не померкли честь и гордость рабочие в трудные для Родины дни.

— Почему же одна, Анна Павловна, задел готовишь? Только у тебя, что ли, душа болит? Почему не оставила помощников? Не захотели остаться?

— Ну нет, девчонки золотые, они и остались, да я их выпроводила по домам. Пускай отдохнут, устали за день, дети они еще, тяжело им достается.

В ее голосе звучала, в усталых глазах светилась материнская любовь к девчонкам, на неокрепшие плечи которых легла тяжесть войны.

— Я-то привыкла к трудностям, сколько их на нашу долю выпало, а их жалко.

Анна Павловна опустила голову. Ее пальцы привычно забегали, и легкий звон металла поплыл над пустым конвейером...

Сколько их, замечательных людей, настоящих патриотов Родины, трудилось в годы войны на заводе! Это — начальники цехов Матис, Мельников, Мосин, Вихрева, Розанов, мастера Черная, Смирнова, Родина, Масленников, Кралович и многие-многие другие.

Под стать старой гвардии была и молодая смена. У нее мало опыта, но энергии, задора, а самое главное, понимания серьезности обстановки, ответственности за судьбу Родины и ей было не занимать.

...Выбились из графика бетонщики, заливавшие фундаменты под машины. А монтаж оборудования ждать не может.

— А что, если организуем бригаду бетонщиц из девушек? — спрашиваю начальника строительства Захарова.

— Ну что вы!.. Тяжелая работа, от нее у мужиков спины трещат. Попробовать, конечно, можно, только едва ли что получится из этой затеи...

На другой день собрали девчат из бригады Клары Воскресенской. Рассказали о делах, высказали наше

предложение. Молчат, не решаются девчата. Есть о чем подумать: дело незнакомое и трудное. Потом заговорили, перебивая друг друга:

— А если не получится?

— Не получится — откажемся...

— Ну нет, — говорит бригадир, — братья да отступать — лучше не срамиться. Так что, девчата, попробуем?

— Попробуем!

Ставим условие: только добровольно, кто не хочет или не может, в бригаду не пойдет.

Пошли все.

Первый день работали горячо, до пота, а выработка оказалась куда хуже, чем у мужчин. Приуныли девчата: не получается. Пришел начальник строительства. Посмотрел результаты работы.

— Да знаете ли вы, что в первый день работы мужчины меньше вашего делали? А вы молодцы!

Доброе слово, сказанное вовремя, подбодрило девчат. Работают горячо и с каждым днем набирают темпы. И с их легкой руки родилась вторая бригада бетонщиц — Бурмистровой.

И ведь «утерли нос» мужчинам. В марте бригада Воскресенской выполнила норму на 126 процентов, а в отдельные дни давала до 200. Не отставала от них и бригада Бурмистровой.

Вызвали на соревнование мужчин, задели их самолюбие, пришлось вызов принять. Поднатужились мужчины, догнали и даже перегнали девчат. Темпы росли. Бетонные работы вошли в график.

В дни, когда завод уже работал, в цехах родились комсомольско-молодежные бригады. Их девизом было: работать по-фронтовому, по-гвардейски.

Весь завод знал имена бригадиров фронтовых бригад — Шуры Муравьевой, Нади Алабиной, Ани Селезневой, Шуры Лелявиной и многих других. Они не считались со временем. И не только работали — находили время побывать в подшефном госпитале у раненых воинов, в детском доме у сирот, родители которых погибли, посылали подарки бойцам на фронт и делали много других дел, необходимых для Родины.

В заводском дворе, во всех цехах вывешены «молнии»: «Верховный главнокомандующий товарищ Ста-

лин выразил глубокую благодарность рабочим, инженерно-техническим работникам и служащим нашего завода, внесшим 100 000 рублей на строительство самолета для фронта».

Сбор средств на военные самолеты в стране начался по почину Феропонта Головатого. Этот саратовский колхозник внес 100 000 рублей и попросил построить на них боевой самолет. А в нашем городе жена погибшего полкового комиссара Мария Октябрьская продала все свое имущество, внесла 50 000 рублей на строительство танка «Боевая подруга» и сама ушла на фронт бить врага на этом танке.

Горячо обсуждали на заводе эти события, взволнованно одобряли:

— Молодец, мужик, не пожалел для Родины! Октябрьская — героическая женщина!

— Да если бы у нас столько было, разве пожалели бы?

Жилось трудно всем. Хозяйства нет, паек по карточке. Тащили на базар одежду и обувь из «довоенной роскоши», чтобы купить детям молоко, хлеб, картошку. Цены же на базаре были явно не «божеские»: молоко 80 рублей за литр, хлеб — 100 за килограмм, картошка — 350 за ведро. Старых сбережений не было, на «черный день» не запасали, да и потеряли многое при эвакуации.

— Сто тысяч и вместе не наберем...

— Ну, может, все-таки и соберем?

Прикинули: нас более 2000, значит, рублей по 50 на брата. У кого нет, а у кого и побольше найдется. Появились в цехах подписные листы. Кто вносит 100, кто — 50, а кто и... рубль. Этот рубль подчас весомее сотни. Его внесла работница, которая недавно получила «похоронку» на мужа и осталась одна с детьми.

— Может, не нужно, оставь. Пригодится хлеб выкупить, — говорю ей.

Женщина обижается:

— Что же, я не хочу победы? Нет, пусть и моя пуля летит в голову фашистам!

Так и собрали 100 000. Не сразу. Каждый день подсчитывали в завкоме и парткоме: 75000... 80000... 90000... Снова пошли в цехи. Не делать же самолет без крыльев!

Снова: кто — 10, кто 5, кто — 3 рубля. Есть 100 000!

Ничего не скажешь — весомый вклад!¹

Сибирский лес. Стоят стеною кедры, сосны, ели, лежат глубокие снега, и только наезженная дорога говорит о том, что лес не безлюден.

Вдруг тишина нарушилась: где-то недалеко проשמело дерево и с гулом упало на землю. Слышны голоса.

Мы идем с поваром Леной на эти голоса. Она везет на санках закутанный в овчину обед бригаде.

Уже слышно, как вжикает пила, как со звоном врубаются в дерево топор. Вдруг пронзительный крик:

— Берегись! Эй, берегись!..

Это нам. Мы останавливаемся, смотрим по сторонам, откуда нам грозит опасность.

На дорогу выскакивают девчата.

— Шабаш! — кричит бригадир Аня, приставив рупором ко рту ладони. — Обед привезли!

Девчата выходят из леса, каждая несет охапку сучьев для костра. Складывают их в кучу, снимают рукавицы, сбивают ими снег с одежды. Здороваемся. Мороз и работа нарумянили щеки девушек. Волосы выбились из-под платков. Поправляют их, прихорашиваются. Последним выходит из леса дядя Миша.

Разожгли костер, и вся бригада — 12 девушек и дядя Миша — садится к огню. Дядя Миша — опытный лесоруб, его роль в бригаде неопенима. Он наставник и организатор, а вот от бригадирства отказался: «Пушай выбирают своего бригадира, чтобы они его слушались без разговоров. А меня бригадир должен слушаться тоже без разговоров. В лесу дело нешуточное: и побивать может, потому мое и бригадирово слово — закон, а кто исполнять не хочет, пускай уходит. Я на свою седую голову ответственность за неслухов не возьму. Вот такие мои условия».

Условия приняли, слушаются без разговоров и почтительно называют его дядей Мишей. Девчонки — все комсомолки, им по 17—18 лет.

За обедом — фронтовые новости. Светлеют у них лица, когда рассказываю, что освобождена полностью от фашистских захватчиков Московская область. Но правда есть правда: Говорю и о том, как трудно на

---

¹ 8 апреля 1943 г. коллектив завода получил телеграмму Председателя ГКО И. В. Сталина с благодарностью за сбор 100 000 рублей на вооружение Красной Армии.

фронтах: где-то наши войска нанесли тяжелое поражение противнику, а где-то после упорных боев оставили город...

Вздыхают девчата, у каждой «там» кто-то есть: отец, брат... Мужей не завели пока, но женихи есть, и они тоже «там».

Сыплются вопросы о заводе: как идут дела, построят ли в срок, ходят ли работницы в подшефный госпиталь, пригодится ли для строительства лес, который они заготавливают? Отвечаю, особенно нажимая на то, что лес очень нужен на стройке, да и весна подпирает, через какой-то месяц лед тронется, и лес заранее надо сплотить на берегу, он пойдет вслед за льдом почти до самого завода.

Поели, передохнули, поговорили, пора за работу.

— Подъем! — командует бригадир.

До обеда деревья валили, теперь надо становиться на вывозку.

На комель бревна накидывается петля из толстой проволоки, вся бригада волоком тянет бревно к дороге, где стоят двое саней. Вагами накатывают бревно комлем на одни сани, а вершиной на другие, и воз готов.

Впряглась бригада и повезла воз к крутому берегу реки (500—700 м). Там бревно сталкивают с саней, и оно катится к кромке льда.

Все это невероятно трудно.

Вечером сидим с девчатами в крестьянской избе, которую отвели им под жилье. Разговор идет о довоенном — кино, книгах, песнях, — о войне (и когда ей, проклятушей, конец будет?). Кто-то сравнивает: где труднее — здесь или «там», на фронте. «Конечно, «там», какие могут быть сравнения!» — дружно обрушиваются на сомневающихся. Да, «там» в обнимку со смертью ходят, а здесь просто невероятно тяжело...

2 мая 1942-го. Даже сибирское солнце было щедрым, праздничным. Для нас это был особый день. Вступал в строй завод, на строительстве которого трудились сотни людей.

Технологический цех — самый большой и сложный — празднично чист и строг. Вальцовщики, каландровожатые, мастера ждут сигнала, ждут, когда мощные моторы приведут в движение машины, а они встанут к станкам и ощутят радость привычного труда.

Лица у всех торжественные, сегодня можно и улыбнуться. Позади остался тяжелейший труд, позади остались сомнения и тревоги. Сомнения были: сумеем ли выполнить задание правительства — пустить завод 1 мая?

Задание выполнено, завод готов выпускать продукцию для армии. Впереди еще много труда по завершению строительства, но работать начинаем в установленный срок. Главный энергетик Бобровский подает директору завода ножницы, чтобы разрезать красную ленточку (даже и ленточку нашли!).

К этой торжественной минуте готовились целых четыре месяца. Директор волнуется:

— Товарищи! Сегодня начинаем работать! Честь и слава дружному коллективу рабочих, инженеров, техников, мастеров, преодолевшему огромные трудности, выполнившему задание Родины!

Он перерезал ленточку, и тут же включили рубильники. Зашумели моторы. Кто-то крикнул «ура!», все подхватили. Полетели вверх фуражки, и даже загудел гудок, не такой, правда, густой и могучий, как был на московском заводе. Встали на рабочие места люди, включили машины.

Здесь были и те, кто еще совсем недавно не верил в возможность пустить завод за 120 дней, не мог себе представить, что могучая сила рабочего коллектива способна и горы свернуть, когда это нужно Родине.

В конце дня возвращалась я на завод с какого-то совещания в горкоме партии. Погода была настоящая сибирская: мороз градусов под 25, порывистый ветер нес колючий снег.

Вдруг вижу: из ворот завода вышла группа мальчиков. Их человек 15, и один из них нес развернутое знамя. Они шли против ветра. Ветер хлопал полотнищем знамени, вырывал древко из рук знаменосца. Упрямо наклонив голову, преодолевая сопротивление ветра, парнишка крепко держал в руках древко. За ним так же твердо шагали веселые, возбужденные ребята.

Это было необыкновенное зрелище. В будний день с развернутым знаменем шли по улице мальчишки. Не было человека, который бы не обратил на них внимания.

Это были токари и слесари из ремонтно-механического цеха завода, члены комсомольско-молодежной фронтовой бригады. У них — праздник, им вручили переходящее Красное знамя фронтовых бригад. Как-то получалось так, что знаменем долго владели девчонки из сборочного цеха, а тут сквозь снежную заверть его гордо несли к себе в цех мальчишки.

Стоит декабрь 1942 г. За окнами крепкий мороз. Северный ветер гуляет по улицам, то аккуратно метет по земку, то подхватывает снег с крыш домов, покрывает его в воздухе и бросает в провалы улиц.

О сибирском морозе говорят сегодня на партийном собрании, он вносит поправки в расчеты инженеров и хозяйственников.

Особенное беспокойство вызывает вода. Без нее завод не может жить и минуты, она нужна для технологического процесса. Строится постоянная водонасосная станция, но будет готова не раньше лета, а пока завод снабжается водой по очень простому, но оригинальному проекту главного энергетика завода Бобровского. На берегу Томи, у самой воды, поставлена маленькая избушка, вроде тех, что строят себе сплавщики на плотах. В ней установлены насосы и моторы, в полу пробурено отверстие, и в него опущена всасывающая труба, а от нее идут трубы-временки в цехи завода, в котельную.

Неспокойна Томь. Вода в ней то поднимается, то опускается, и, чтобы приспособиться к ее характеру, к избенке приделали колеса и установили на рельсы узкой колеи. Поднимается вода в реке — избенка на тропе лебедкой подтягивается, а как спадет вода, так следом за ней спускается и все сооружение.

— Смотри в оба, — шутили над Бобровским, — уплывет у тебя вся насосная станция в Ледовитый океан. Будешь снаряжать за ней экспедицию...

Но смех смехом, а это примитивное сооружение служило сердцем завода, и к нему было приковано внимание всех. Главный энергетик Бобровский подробно рассказал на собрании о мерах, которые приняты для бесперебойного снабжения завода водой. В его словах была полная уверенность в том, что сделано все. Если бы знал Бобровский, как сибирская природа опрокинет инженерные расчеты через считанные часы!

Собрание уже заканчивалось, когда раздался звонок телефона. Взволнованный голос дежурного механика водонасосной станции требовал к телефону директора.

— Шанаев¹ у телефона... Что?! — кричит он в трубку. — Повтори!.. Доложи точнее! Так! Так!.. Понятно. Приказываю пост не покидать! Помощь сейчас будет.

Директор повесил трубку.

— На заводе — авария, товарищи. Вскрылась Томь, и ветер погнал лед. Разрушается наша насосная станция. Завод уже стал. Я прошу всех коммунистов отправиться на берег в распоряжение моего заместителя товарища Захарова. Вопросы есть?

Вопросов не было, в течение одной минуты зал опустел.

Темная ночь. Ветер гудит в проводах, поднимает тучи колючего снега и мчит его вдоль дороги. На льду стоит насосная станция. Тускло освещает электрический фонарь с берега картину торжества стихии. Льдины наползают одна на другую и плотной массой устремляются на слабое сооружение насосной станции.

По колено в ледяной воде два слесаря — Носков и Никитин, механики Батури и Торцов снимают моторы и насосы с креплений. Лица их багровые от напряжения. Рукавицы пропитались водой. Носков в сердцах бросил их в воду. Схватив голыми руками ключ, начал под водой отвинчивать гайки. Мокрые руки пристывают к металлу. Носков согревает их дыханием и снова лезет с ключом в воду. Никитин и Торцов молча склонились над мотором. Слышно только тяжелое дыхание. Батури ворчит:

— И что за ненормальная страна, эта Сибирь. Тридцать пять лет на белом свете живу и первый раз вижу, чтобы в декабре так река безобразничала...

Дверь насосной распахнута настежь. Все работают лихорадочно. При каждом ударе льда в стенку избенка подпрыгивает, а люди вздрагивают и с опаской поглядывают на потолки и стены: выдержат ли они свирепый напор льда и ветра?

Берег полон людей, а из цехов все идут подкрепления. Строевой лес, сложенный на берегу, вытаскивают

---

¹ Первый директор завода К. Н. Шанаев, член партии с 1918 г., родился в 1899 г. в г. Иванове, в семье рабочего.

из штабелей. Бревна укладывают ровным четырехугольником. В кузнице завода куют скобы для крепления и по живому конвейеру поставляют на берег к месту работы. Сооружается большой плот. Здесь и там среди рабочих появляется заместитель директора Захаров, отдает короткие, четкие распоряжения, перекрывая своим громким голосом шум и свист ветра.

Новая подвижка льда. У станции образовался затор. Лдины взгромоздились даже на крышу станции, между ними торчат бревна. Они-то и цементировали лед, как каркас бетонного сооружения. Дальше образовалось большое разводье. В него решено спустить плот. Дана команда:

— Спускай на воду!

Десятки рук подхватили плот.

— Раз-два, взяли! Еще взяли! Еще взяли! Пошел! Пошел!

Плот спустился в разводье и закачался.

В дверях станции стоит Батурин.

— Готово! — кричит он.

Захаров прыгает на плот, за ним — еще человек десять. С плота к двери станции переброшены доски.

— Выгружай моторы на плот! — раздается команда Захарова.

Нет ни кранов, ни блоков. Но все машины благополучно выгружены на плот, остался последний небольшой мотор. И он начал свое путешествие на плот по обледеневшим доскам. Вдруг откуда-то из-под воды вынырнула льдина и ударила по доскам. Мотор подпрыгнул и соскользнул в воду. Потеряв равновесие, за ним упал в воду рабочий. Его мгновенно вытащили и доставили на обогревательный пункт.

— А мотор мы вытащим завтра, — говорит Захаров.

Снимаются электрические провода с насосной станции. На стене еще висит телефонный аппарат. Захаров снимает телефонную трубку, вызывает диспетчерскую, шутит:

— Алло! Алло! Говорит Захаров с льдины. Работы закончены. Ухожу последним.

Долгожданный рассвет. Стих ветер. Разводье уже покрыто тонким слоем льда. Застыли льдины, прекратив свое движение. Нагромождены торосы. Полуразрушенное здание насосной станции покосилось набок,

дно забито до самой крыши льдом. На плоту работает бригада плотников. Они сооружают новое здание станции.

«Ледовое побоище» на Томи закончилось нашей победой. Вечером новая насосная станция была готова. Завод ожил...

Невозможно рассказать о всех неутомимых, самоотверженных тружениках суровых лет войны. Их были сотни. Любовь к социалистической Родине вдохновляла их на трудовые подвиги, давала новые силы. Старая гвардия рабочего класса, закаленная в труде, прошедшая через многие испытания, с честью держала высокое звание и растила изо дня в день молодую смену. Ту самую, что после войны взяла на себя всю полноту ответственности за дальнейший расцвет Родины.

**ТИРКУНОВ
АЛЕКСЕЙ
ИВАНОВИЧ**
(1904—1982)

Член КПСС с 1929 г. Родился в д. Голяткина Ардатовского района Горьковской области в семье крестьянина-бедняка. Подростком батрачил у кулаков. С 1918 по 1924 г. работал бондарем вместе с отцом на заводе «Холодильник» в Новониколаевске (Новосибирске), затем учился на рабфаке в Томске. После окончания Томского химико-технологического института в 1931 г., а потом — аспирантуры был ассистентом кафедры технологии неорганических веществ химического факультета Томского индустриального института. С февраля 1940 г. А. И. Тиркунов — секретарь партбюро института. В 1941—1942 гг. — секретарь Томского горкома ВКП(б) по промышленности и транспорту. С осени 1943 по 1945 г. возглавлял Томский горком партии.

В 1946—1953 гг. работал в ЦК КП Литвы, а затем, до ухода на пенсию в 1958 г., — начальником управления топливной промышленности Томского облисполкома.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и четырьмя медалями.

На передовой трудового фронта

Линия фронта проходила за тысячи километров от Томска. Потому и говорили о нашем городе: глубокий тыл. Но глубокий тыл весь был другим фронтом — трудовым. На этой передовой не разрывались снаряды — здесь их делали, чтобы они точно попадали в цель. Здесь ковали оружие — чтобы оно метко било по вра-

гу. И на этой передовой сибиряки, замечательные советские люди, совершали чудеса трудового героизма и самопожертвования во имя светлой победы над фашистскими захватчиками.

С первого дня войны Томский горком стал штабом перестройки всей жизни города на военный лад. Нужно было в самые короткие сроки провести мобилизацию людей, подготовить транспорт для отправки на фронт, перевести на военные рельсы работу всех промышленных предприятий и организаций.

Верными помощниками горкома во все годы войны были районные комитеты партии: Кировский — во главе с П. В. Кашуткиным, а затем — В. П. Шеляковым; Куйбышевский — во главе с И. Я. Сениковым и заменившей его Е. С. Кокаревой; Вокзальный — во главе с А. П. Клешниным, а затем пришедшим ему на смену А. В. Кафтанчиковым.

Партийная организация Томска послала на фронт лучших своих работников: бывшего секретаря горкома А. Н. Чалдышева, секретаря горкома по кадрам В. И. Барахнина, зав. отделом пропаганды и агитации С. Д. Смирнова, секретаря Вокзального райкома ВКП(б) А. М. Деревягина и многих других.

«Все для фронта, все для победы!» — этот лозунг определял жизнь и деятельность тылового города. В первую очередь нужно было как можно скорее наладить выпуск военной продукции. Старинным томским предприятиям — карандашной и спичечной фабрикам — пришлось сократить свое мирное производство и организовать новое: «Карандашка» стала выпускать аккумуляторный шпон, а рабочие спичечной фабрики делали зажигательную смесь, которой наполнялись бутылки, служившие оружием против танков. Кондитерская фабрика «Красная звезда» наладила изготовление концентратов.

В июле — августе 1941 г. в Томск прибыли первые эшелоны с эвакуированными заводами. Где их разместить? Куда поселить рабочих, эвакуированных вместе со своими цехами? Чем их накормить? А ведь к концу года прибыло уже больше тридцати предприятий из Москвы, Ленинграда, Белоруссии и других мест¹. Томск

---

¹ На 23 декабря 1941 г. в Томск прибыло 30 промышленных предприятий, кроме того, 15 учреждений, 16 институтов и учебных заведений, детдомы, госпитали, смоленский пионерский лагерь, 49221 эвакуированных (ПАТО, ф. 80, оп. 2, д. 18).

не был готов к их приему — не хватало помещений, топлива, электричества.

Городской комитет партии обратился к населению Томска: фронт требует — нужно сделать! В те грозные дни долго объяснять задачи не приходилось. И убеждать не требовалось — люди брали лопаты и шли строить. Для многих рабочий день начинался с вокзала: разгружали прибывшее оборудование.

Дверь в горкоме не закрывалась: приходили все новые и новые люди — руководители эвакуированных заводов, специалисты, рабочие. Да и нам в кабинетах засиживаться не приходилось — все вопросы решались на месте.

Одной из первых прибыла в Томск электростанция из Белоруссии¹. Выехали люди прямо из-под бомбежки, некоторые рабочие были ранены — их сразу отправили в госпиталь. Оборудование тоже изрядно было повреждено — восстановили. Собрали турбогенераторы по всему городу — электростанция вошла в строй.

Под открытым небом начал свою работу в Томске ленинградский завод «Электросила». Нужно было три заводских корпуса — девять тысяч квадратных метров. Ну где же в Томске найдешь такие площади под оборудование?! Все возводили на пустыре, станки пустили, когда над головой хмуρο висело осеннее небо.

Не покладая рук, не зная отдыха и забывая про усталость, спешили рабочие пустить завод, дать первую сибирскую продукцию. Крышу сделали, а отапливать чем? Проложили узкоколейку, подогнали паровоз, который вырабатывал пар, подключили, наконец, к электростанции политехнического института. Завод заработал в полную силу. Так приходили первые победы на трудовом фронте.

И замечательно то, что даже в эти суровые дни первого военного года люди думали о завтрашнем дне. Вспоминается такой факт: государственный подшипниковый завод по мобилизационному плану должен был разместиться в здании политехнического института. И вот приходит ко мне начальник Ленинградского зенитного артиллерийско-технического училища генерал-

---

¹ Речь идет об электростанции г. Гомеля, прибывшей в Томск 31 июля 1941 г. С ней приехали около 400 рабочих и инженеров (ПАТО, ф. 80, оп. 2, д. 18).

майор Тукин, говорит: «Почему бы вам не обратиться в ГКО с просьбой изменить место дислокации подшипникового завода? Мы ведь все равно скоро победим, а как ребятам после войны учиться? Здание-то исковеркают. А завод можно в ином месте расположить». Так впоследствии и сделали.

Какими нечеловеческими усилиями давалась военная продукция! По двенадцать часов в сутки приходилось стоять у станков рабочим в промерзших цехах. В таких условиях делали и подшипники, где точность исчисляется микронами. Вероятно, тепло человеческих сердец вводило поправки на микроны. Весной 1942 г. большая группа рабочих и инженерно-технических работников подшипникового завода получила государственные награды.

Вот один пример самоотверженного труда сибэлектромоторовцев. Этот завод выпускал для танковой промышленности стартеры, моторы поворота башни, моторы вентиляции танков. Как-то в конце месяца на имя тогдашнего директора Николая Андриановича Быкова ночью пришла правительственная телеграмма с просьбой увеличить выпуск продукции. Именно с просьбой, потому что напряженный план уже был выполнен. Но на челябинском заводе стояли сверхплановые танки, которым не хватало моторов. Что делать? Как поднять людей? Решение придумали простое: утром рабочие в каждом цехе, на каждом участке прочитали размноженный текст телеграммы. Недостающее сырье еще ночью привезли с других заводов. Просьбу правительства выполнили. Челябинские танки пошли в бой.

Большую помощь в налаживании работы предприятий, особенно эвакуированных, оказывали томские ученые. В июне 1941 г. был организован Томский комитет ученых. Его возглавил профессор Борис Петрович Токин. А сколько часов отработало томское студенчество на трудовом фронте! В первый военный год студенты построили больше тринадцати километров железнодорожных путей. Почти все предприятия города были связаны с основной колеей железной дороги.

На нужды фронта работали все томичи, на больших заводах и в маленьких мастерских. Артель «Кожмех» занималась ремонтом полушубков. Вагонами их привозили с фронта — простреленные, изорванные в клочья,

со сгустками крови. Здесь их чистили и зашивали, почти как новенькие снова отправляли бойцам. Было налажено массовое производство лыж, работали целые фабрики по изготовлению волокуш для пулеметов, для вывозки раненых.

Люди работали, не жалея сил. И чем-то надо было их кормить. К началу войны запас овощей в городе был неплохой. Поставили перед населением задачу: весной 42-го года на каждую семью посадить 400 м² картофеля и овощей. Когда в столовых чистили картошку, аккуратно вырезали и хранили «глазки», чтобы посадить их весной. Занимали в городе под огороды все свободные площади, даже в городском парке картошку сажали.

На каждом крупном предприятии, в вузах были созданы подсобные хозяйства.

А с какой заботой собирали посылки на фронт, отправляли продукты на освобожденную от врага территорию! Когда сняли ленинградскую блокаду, из Томска вышел целый состав, груженный продуктами: сибирские пельмени, рыба, мясо, мед.

Сейчас трудно без волнения вспоминать людей, с которыми сводила судьба в военное время. Сколько их прошло через мой кабинет в горкоме! С разными просьбами приходили люди, но едины они были в одном: просили не для себя и не за себя. Многие просили отправить их на фронт. Человека на заводе оставили, специалист высокой квалификации, он очень нужен здесь, а рвется на фронт. Убеждали, удерживали.

Врезался в память такой случай. Заходит ко мне в кабинет секретарь приемной: «Алексей Иванович, там сержант на передовую торопится, просит без очереди...» К военным людям у нас отношение особое было. «Ладно,— говорю,— давай сержанта без очереди». Входит он, отрапортовал честь по чести: «Такой-то прибыл! Находился на излечении в госпитале, отправляюсь на фронт». Я как посмотрел на него, чуть не расплакался: стоит парнишка лет семнадцати, и медаль на груди. А он: «У меня вот такие дела: я на фронт уезжаю, а у матери топлива нет, Помогли бы вы ей как-нибудь...» Обнял его: «Что ж,— говорю,— поможем...» Не помню, как его звали, того юного сержанта, может, и сейчас здравствует — живой с войны вернулся.

Какое же великое чувство любви к своей Родине владело каждым, если даже дети брали на свои плечи ответственность за ее судьбу. Стояли за станками, шили теплые вещи бойцам, ухаживали за ранеными.

Крепкая связь была у города с фронтом. Новосибирская область (в состав которой входил Томск до августа 1944 г.) шефствовала над Северным морским флотом; томичи шефствовали и над дивизиями, которые формировались в городе. И письма писали, и посылки собирали, и делегациями обменивались. Рабочий подшипникового завода Василий (фамилии не помню) рассказывал после своей поездки на Кольский полуостров, как заботились о нем бойцы, как жадно слушали рассказ о жизни сибиряков, наказывали ему передать томичам, что они разобьют фашистов, пусть только рабочие дают им побольше снарядов, а девушки пусть не забывают весточки слать.

Когда Советская Армия стала успешно продвигаться на запад, освобождая город за городом, сибиряки пришли на помощь в восстановлении разрушенных городов. Предприятия и организации Томска отправили на восстановление Сталинграда, Гомеля, Воронежа свыше ста вагонов строительных материалов. А над воронежцами взяли томичи шефство, и эта живая связь переросла в крепкую дружбу.

И что самое важное — людей не надо было убеждать: сами приходили и предлагали помощь. Очень сильно было развито чувство коллективизма, ответственности за общее дело. В такой обстановке взаимопонимания и сочувствия друг другу легко было вести пропагандистскую работу.

Все секретари горкомов и райкомов партии, все члены бюро партийных комитетов выступали перед коллективами с информацией о положении на фронтах, обстановке в городе. Приходили в цеха перед началом смены и после нее, выступали в клубах, кинотеатрах, драмтеатре. Был организован выпуск «Последних известий», выходили «Окна ТАСС». Душой этого дела был замечательный художник М. М. Щеглов, эвакуированный в Томск. Слушая ночью радио, он к утру давал рисунки на все события на фронтах и в тылу.

Далеко от линии огня стоял Томск. Но в великой победе нашего великого народа есть немалый вклад и томичей. Без крепкого единства фронта и тыла мы вряд

ли одолели бы врага. Вот что писал в ноябре 42-го боец К. Тимохин своему другу Виктору Фролову, рабочему подшипникового завода (эвакуированному из Москвы вместе с предприятием): «Правильно понимает твоя мать, что только мы, ее сыны и дочери, можем защитить свою Родину, нашу любимую и никем не покоримую свободную Россию. Если бы ты не стоял у станков, а я бы не был здесь и не давал боевой связи, от которой зависит весь успех боя, тогда давно бы уже на нашей шее был грубый фашистский сапог... А фашистов мы все-таки прогоним с нашей земли. Так что пусть наши мамы будут спокойны как за нас, так и за Родину».

Литературная запись С. Сучковой

КАШУТКИН
ПЕТР
ВИКУЛОВИЧ
(1903—1981)

Член КПСС с 1928 г. Родился в с. Кривошеино Новоселовского района Красноярского края. С детства батрачил и пас скот у кулаков. В 1923—1925 гг. работал на строительстве железнодорожной ветки Ачинск—Абакан, затем служил в Красной Армии, был забойщиком на Черногорских коях в Хакасии. В 1928 г. его выдвигают на профсоюзную работу.

С 1935 г. П. В. Кашуткин на партийной работе в Томске: инструктор Томского горкома ВКП(б), заведующий отделом пропаганды и агитации райкома ВКП(б), а с декабря 1941 г. — первый секретарь Кировского райкома партии. В 1944—1946 гг. — первый секретарь Заельцовского райкома ВКП(б) в Новосибирске, а в 1946—1949 гг. — секретарь Пушкинского горкома партии Московской области.

После окончания Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) и защиты кандидатской диссертации вел преподавательскую и научную работу в вузах Москвы.

С 1974 г. П. В. Кашуткин — персональный пенсионер республиканского значения. Награжден орденом Красной Звезды и многими медалями.

Родники инициативы

Вскоре после начала войны в Томск начали поступать эвакуированные заводы и фабрики. Многие из них были размещены в нашем Кировском районе. Уже в ноябре-декабре 1941 г. они начали выдавать продукцию.

Заводские гудки по утрам властно напоминали о том, что город преобразается, становится промышленно-заводским. Вместо отбывавших на фронт рабочих на заводы все больше и больше приходило подростков — мальчишек и девчонок. Они буквально рвались на производство, чтобы помочь фронту своим трудом.

Тысячи молодых рабочих надо было быстро обучить заводским профессиям. Как это сделать — никто не знал. Созвали мы в райкоме партии совещание мастеров-рабочих, чтобы посоветоваться с ними. Думали, гадали, спорили. Но решения не нашли. Одни предлагали организовать курсы по обучению рабочим профессиям, другие советовали расширить сеть ФЗУ, третьи рекомендовали создать ученические звенья в цехах. Пожалуй, единственным результатом совещания было то, что оно взбудоражило мысли, дало толчок энергичным поискам решения.

Вскоре в райком пришел кадровый рабочий электромеханического завода коммунист А. Ф. Елисеев и рассказал, как к его токарному станку тянутся молодые рабочие. Он уже обучил шесть мальчишек и двух девчонок токарному делу и решил обучить в ближайшее время еще тридцать.

Мы изумились и обрадовались: вот и найдено решение! Метод Елисеева был одобрен. Скоро на всех заводах и фабриках Томска развернулось производственное обучение новичков путем шефства над ними опытных рабочих.

Уже к весне 1943 г. в Томске было 500 комсомольско-молодежных бригад, а в них — около 12 000 человек. На заводе режущих инструментов прославились комсомолки Калугина, Иванова, Петухова, выполнявшие нормы на 500—650 процентов, Володя Меркулов, ставший первым «тысячником» завода. Столь высокие показатели получались только благодаря прилежному освоению молодыми рабочими техники и технологии производства, опыта старших.

И тут родилось новое творческое начинание — борьба за более рациональное использование и сохранность оборудования. Это движение стало называться лунинским — по имени машиниста Западно-Сибирской железной дороги Николая Лунина, получившего Государственную премию за увеличение суточного пробега и срока службы паровоза.

Горком партии поддержал начинание, помог провести научно-технические конференции с лунинцами¹. К началу 1943 г. на предприятиях района было более 400 лунинцев. На заводе «Сибэлектромотор» их насчитывалось 57, на манометровом лунинцы составляли 70 процентов станочников.

Опыт Томской партийной организации по пропаганде и внедрению лунинских методов труда на промышленных предприятиях, и в частности Кировского райкома ВКП(б), был одобрен Новосибирским обкомом партии и получил широкое применение в крупных промышленных центрах Сибири: Новосибирске, Кемерове, Прокопьевске и других городах.

Широко используя новые методы труда и передовые формы социалистического соревнования, томичи быстро наращивали объем промышленного производства и темпы развития. Конечно, томская промышленность еще не могла равняться с индустрией Новосибирска и именитых центров Кузбасса (тогда это была одна область — Новосибирская), но Томск привлекал внимание своим новаторством, творческими начинаниями. Быть может, учитывая именно это, первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М. В. Кулагин говорил на собрании партийного актива Томска:

— Ваши дела и опыт поучительны, ими займутся историки... Пора томичам выходить на широкую дорогу, стать зачинателями и запевалами социалистического соревнования промышленных городов Центральной Сибири.

Выступавшие на собрании актива расценили это как большую честь и доверие. Томск выступил инициатором соревнования городов.

Прошло не так уж много времени, и в предоктябрьском соревновании 1942 г. томичи вышли на первое место и завоевали переходящее Красное знамя Новосибирского обкома ВКП(б). В ноябре предприятия Томска еще заметнее улучшили показатели и снова заняли первое место в соревновании промышленных городов. А в декабре все без исключения заводы и фабрики Томска выполнили производственные планы по валовому выпуску и номенклатуре изделий. Городу бы-

---

¹ 14—15 июня 1942 г. состоялась первая, а 6 октября 1942 г. вторая городские конференции лунинцев промышленности и транспорта. Под руководством горкома партии лунинские методы работы с транспорта были перенесены в промышленность.

ло вручено Красное знамя обкома партии на вечное хранение.

«Томск — инициатор социалистического соревнования городов, — говорилось в постановлении бюро Новосибирского обкома партии, — непрерывно улучшает показатели работы промышленности и неизменно держит первенство... Томичи оказались настоящими патриотами своего города, сумев в короткий срок в более трудных условиях по сравнению с другими городами вывести промышленные предприятия в передовые»¹.

В соревновании районов Томска первенство держал наш Кировский район.

Председатель Новосибирского облисполкома И. Т. Гришин однажды на совещании руководящих работников Томска сказал:

— Кировцы, как нам кажется, пробуют вырваться из узких рамок соревнования внутри своего города. Не пора ли дать им размахнуться, начать новый этап доблести — соревнование между промышленными районами городов Сибири...

Уже в начале 1943 г. развернулось это соревнование. Первые итоги, подведенные в предмайские дни, показали, что лучших результатов за три месяца добился наш Кировский район. Нам вручили Красное знамя Новосибирского обкома партии.

В мае 1943 г., когда шла усиленная подготовка к грандиозному сражению на Курской дуге, всем заводам района наркоматы увеличили производственные задания на 20—30 процентов. Такого необычного роста надо было достигнуть на тех же производственных мощностях, при том же количестве рабочих, и сделать это, конечно же, было непросто.

Мы в райкоме партии долго думали, где взять резервы для выполнения заданий. Решили провести на всех предприятиях общественный смотр использования людских и производственных ресурсов, с тем чтобы раскрыть имеющиеся резервы и возможности, привести их в действие. С этой целью организовали отчеты руководителей предприятий перед коллективами о выполнении социалистических обязательств. Изыскание новых резервов стало главным звеном в социалистическом со-

---

¹ Томская городская партийная организация в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Сборник документов. Томск, 1962, с. 186.

ревновании. Особое внимание обращалось на улучшение использования производственных мощностей, устранение простоев и брака.

Райком, партийные организации усилили контроль за работой ночных смен на заводах, добиваясь, чтобы производство действовало ритмично, без перебоев, и продукция выпускалась равномерно круглые сутки — и днем, и ночью. Райком вел график работы предприятий, в котором ежедневно отражалось выполнение планов и социалистических обязательств не только по валовому выпуску продукции, но и по номенклатуре.

В итоге за 1943 г. промышленность района добилась новых больших успехов: продукции было выпущено на 40 процентов больше, чем в предыдущем году, выполнены все задания Государственного Комитета Оборона, производительность труда на заводах возросла на треть. Наш Кировский район снова вышел на первое место в соревновании промышленных районов, и ему снова было вручено переходящее Красное знамя обкома партии — навсегда.

БОМБЕР ГРИГОРИЙ ИВАНОВИЧ

Член КПСС с 1939 г. Родился в 1914 г. в д. Арлюк Тайгинского района Кемеровской области, там же начал в 1931 г. трудовую жизнь заведующим избой-читальней. После окончания в 1934 г. школы ФЗО работал слесарем паровозного депо на ст. Топки. Затем учился на рабфаке и в Томском электромеханическом институте инженеров железнодорожного транспорта.

В годы Великой Отечественной войны работал первым секретарем горкома ВЛКСМ, а потом заведующим отделом и секретарем Томского горкома партии. С 1948 г. до ухода на пенсию в 1971 г. служил в органах КГБ. Отмечен государственными наградами — орденом Красной Звезды, десятью медалями, — награжден нагрудным знаком — «Почетный сотрудник органов госбезопасности».

Поезда пошли по улицам

Тревожная осень 1941-го... Фашистские войска блокировали Ленинград, подошли к Москве, захватили Ростов. На фронте не хватает оружия, боеприпасов. А сотни заводов, продукция которых так необходима, — еще на колесах, по пути на восток. Неимоверно тяжело на фронте, неимоверно тяжело в тылу.

...Идут и идут в Томск эшелоны с оборудованием. Тысячи томичей, возглавляемых коммунистами, в осеннее ненастье и декабрьскую стужу разгружали вагоны,

перевозили оборудование, строили производственные корпуса, устанавливали станки.

Но установить оборудование — это еще не значит пустить завод. Электроэнергия, топливо — острейшая проблема. А небольшая электростанция на берегу Томи не может обеспечить все предприятия. Нет транспорта, чтоб возить уголь на электростанцию, сырье — на заводы, готовую продукцию — к железной дороге.

Выход один — проложить по улицам города железнодорожные ветки. Инициативу взяли на себя студенты Томского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта. Они обратились с призывом к студентам всех вузов города принять самое активное участие в строительстве веток. 9 октября 1941 г. бюро горкома партии приняло постановление, в котором одобрило почин коллектива ТЭМИИТа¹. На институт было возложено и руководство железнодорожным строительством.

Я в то время учился на последнем курсе ТЭМИИТа и был парторгом паровозного факультета. Партийное бюро института утвердило меня заместителем начальника строительства железнодорожной ветки от станции Томск-II до электростанции.

Прошло с тех пор более 40 лет. Но и сейчас живы в памяти картины той далекой стройки. Я не перестаю восхищаться энтузиазмом и самоотверженностью моих товарищей по учебе, комсомольцев сороковых годов — преемников и наследников Павки Корчагина.

...Холод, слякоть, грязь. В ночной темноте горят костры. Люди долбят мерзлую землю, таскают шпалы, вручную укладывают рельсы. Техники — никакой. Все хорошо понимают значение стройки для города, для фронта.

Ежедневно работу начинали после занятий в 3—4 часа дня и продолжали до глубокой ночи. Трудились безвозмездно, без выходных дней. Между группами шло жаркое соревнование: кто сделает больше, кто сделает лучше. Выполнив дневную норму, брали дополнительные обязательства и не уходили со стройки, пока их не перевыполняли. Рядом со студентами работали учащиеся школ, техникумов, население прилегающих улиц.

---

¹ Томская городская партийная организация в годы Великой Отечественной войны..., с. 88.

Железнодорожная ветка строилась быстро и добротно. Но предстояло решить еще одну очень важную техническую задачу. Старый мост через Ушайку мог не выдержать большой нагрузки. Решили вместо дополнительных опор под мостом на середине реки соорудить ряжи из железнодорожных шпал, которые могли бы принять на себя нагрузку. Мне было поручено непосредственное руководство работами по сооружению опорных ряжей.

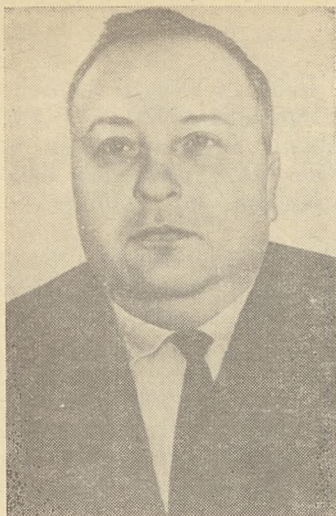
Несколько дней и ночей трудились у моста студенты, чтоб не сорвать срок пуска ветки — 6 ноября. Больших усилий, неимоверного напряжения стоило это. Но сделали, успели!

В ночь с 6 на 7 ноября 1941 г. через мост на городскую электростанцию должен был пройти энергопоезд. Под мостом установили приборы, чтобы определить основные его параметры при максимальной нагрузке. Я находился на ряжах и фиксировал показания приборов.

Томительно шли минуты ожидания. И вот в 23 часа 55 минут раздался гудок приближающегося паровоза, который толкал энергопоезд. Выдержит ли мост такую нагрузку? Казалось, время остановилось. Вот слышался скрежет колес о рельсы... Вот поезд идет по мосту... Приборы показывают, что статическую и динамическую нагрузку мост держит нормально. Энергопоезд благополучно прошел через мост и двигался дальше к электростанции. Важная задача, порученная коммунистам, комсомольцам, всему коллективу института, выполнена!

Каждый из нас, участников стройки, гордился тем вкладом, который внес в решение острейшей проблемы транспортных перевозок, в дело всенародной помощи фронту.

МАЛЬЦЕВ
СЕРГЕЙ
ТЕРЕНТЬЕВИЧ

Член КПСС с 1940 г. Родился в 1918 г. в д. Мальцево Бесединского района Курской области в семье крестьянина. В 1936 г. окончил школу фабрично-заводского ученичества НКПС. Работал сначала слесарем, затем вагонным мастером на станции Курск, а с 1940 г. в Комсомольске-на-Амуре. После окончания в 1944 г. технических курсов при ТЭМИИТе до 1948 г. был первым секретарем Томского горкома ВЛКСМ. В последующие годы — зам. заведующего отделом кадров и заведующий отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов Томского горкома ВКП(б), зам. заведующего отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов обкома партии. В 1953 г. направлен в Томский облисполком заведующим оргинструкторским отделом. С 1955 г. — первый секретарь Тегульдетского райкома партии, в 1959—1961 гг. — первый секретарь Колпашевского горкома партии. С 1961 г. до ухода на персональную пенсию в 1975 г. — на руководящей советской и хозяйственной работе.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени и пятью медалями.

Ради самой высокой цели

Когда бы я ни проходил по этой площади, каждый раз память возвращает меня к событиям сорокалетней давности. Май 1945-го!..

И пусть над городом тучи, идет дождь или завывает метель, а мне все кажется, что площадь Революции оза-

ряется тысячами улыбок и колонны людей, вынесших на своих плечах все тяготы военного времени, радостно празднуют этот долгожданный день — День Победы.

Томск ликовал. Несколько дней продолжались митинги и манифестации. Звучали песни. Повсюду царило праздничное оживление.

Вечером 12 мая улицы города заполнила молодежь. Со всех концов города к его центру, на площадь Революции, с песнями шли и шли юноши и девушки. Здесь состоялся многотысячный городской митинг комсомольцев и молодежи, посвященный Дню Победы. Повсюду лозунги, транспаранты. Самолеты разбрасывают листовки. С трибуны звучат взволнованные речи...

Взгляд выхватывает из людского моря знакомые лица. Сияющие глаза, праздничные, радостные улыбки. Я помню эти лица другими — сосредоточенными, бледными от усталости, скупыми на улыбку. Со многими из тех, кто был на митинге, я встречался, беседовал, бывая в цехах заводов и фабрик, видел, как трудились эти 16—17-летние рабочие парнишки и девчонки. Именно они в годы войны составляли ядро томской комсомоли. И — без какого-либо преувеличения — являли собой основную рабочую силу города.

В тяжелейших условиях военного тыла они творили чудеса трудового героизма. Мыслимое ли дело: 15-летний комсомолец Володя Меркулов с инструментального завода, освоив за годы работы три специальности (токаря, фрезеровщика и резьбошлифовщика), выполнял сменное производственное задание на 1000 процентов! Так началось движение «тысячников». Через несколько месяцев их стало уже больше сотни.

А с каким энтузиазмом боролись комсомольско-молодежные бригады и смены за право носить звание «фронтовых»! Присвоение этого звания было высшей мерой поощрения. Добиться его можно было только самоотверженным, высокопроизводительным трудом. 540 комсомольско-молодежных бригад, смен и участков завоевали право называться фронтовыми!

Работали тогда практически без выходных. Разве могли комсомольцы позволить себе хоть немного расслабиться, передохнуть, когда враг топтал родную землю, когда на фронтах Отечественной погибали их отцы и старшие братья? И выходили юноши и девушки на воскресники, становились на привычные рабочие места, а на заработанные в эти дни средства приобрета-

лись (а в большинстве случаев и изготавливались предприятиями местной промышленности) теплые вещи, подарки, сувениры для бойцов и командиров. И такие воскресники проводились каждую неделю.

Широко развернулось среди комсомольцев и молодежи города движение по созданию фонда помощи фронтовым частям Советской Армии, прежде всего подшефным частям томичей. По-особому готовились сибиряки и к празднованию годовщин армии. Вспоминаю 1945 г. С каким энтузиазмом молодые рабочие изготавливали подарки и сувениры, готовили их к отправке на фронт! И вот в назначенный день под звуки оркестра загруженные вагоны двинулись на запад. То-то было радости и гордости!

Своим долгом комсомольцы считали и заботу об инвалидах войны, семьях фронтовиков и детях погибших воинов. Был создан специальный денежный фонд для организации производства и приобретения одежды, обуви, белья, продовольствия. Все это затем вручалось в школах, интернатах, детских домах и по месту жительства детям погибших воинов. В детские санатории и пионерские лагеря в первую очередь направлялись также дети из семей погибших и инвалидов войны.

Боевыми организаторами шефства над воинскими частями, сбора подарков бойцам и командирам Действующей армии, помощи инвалидам войны и детям погибших были комсомольские вожаки: первый секретарь Кировского райкома Нина Седова, секретарь комитета электромеханического завода Вера Долгих, первый секретарь Вокзального райкома Михаил Мохов, секретарь горкома Валентина Архангельская и многие, многие другие. Всю эту работу направлял городской штаб во главе с секретарем горкома партии Лукой Григорьевичем Федосеевым.

Шефские связи с воинскими частями отнюдь не носили одностороннего характера. Запомнилась встреча в июле 1944 г. с офицерами, моряками и летчиками Северного морского флота. Тепло и радушно, с букетами цветов встречали их комсомольцы на томской пристани. Прямо с парохода гости отправились на манометровый завод (который располагался тогда на проспекте им. Тимирязева, около Лагерного сада), где состоялся митинг. Надо ли говорить, какое впечатление производили североморцы даже одним своим видом... Они рассказали о том, как воюют с фашистами, сердечно по-

благодарили за помощь фронту. Рабочие в свою очередь доложили, как они трудятся, выполняют заказы фронта и поклялись с еще большей энергией работать, чтоб приблизить окончательный разгром врага.

Встречи с североморцами состоялись также на подшипниковом заводе и в пионерском лагере на Басандайке.

...Еще шла война, еще гремели орудийные залпы, но наши войска уже вели боевые действия на территории других государств, и День Победы, этот самый заветный тогда день, становился все ближе. Советские люди думали о завтрашнем, мирном дне. Думали о нем и томские комсомольцы.

В суровую годину испытаний по вполне понятным причинам молодежи было не до развлечений. И вот теперь на заводах и фабриках, в учебных заведениях, школах города предстояло быстро наладить работу коллективов художественной самодеятельности, спортивных секций, организовать вечерние школы рабочей молодежи. Для осуществления задуманного не хватало очень многого: музыкальных инструментов, спортивных площадок, залов, инвентаря, учебников... Но был неиссякаемый молодежный задор, был опыт в преодолении трудностей.

На электроламповом заводе создается народный хор, вскоре ставший гордостью завода и города. На подшипниковом заводе организуется оркестр, драматический кружок. Строятся стадионы, игровые площадки. Открываются новые школы рабочей молодежи, клубы...

И откуда только брались силы у этих измотанных годами лишений военного времени, исхудалых, постоянно недосыпающих и недоедающих юнцов? Казалось, уже работали на пределе возможного. Но вот выходит постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 21 августа 1943 г. «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации»¹, затем постановления СНК о восстановлении старейших городов СССР, разрушенных гитлеровцами, об участии в этой работе всех трудящихся нашей страны — и вновь прилив энтузиазма, развернулось боевое социалистическое соревнование по досрочному выпуску и отправке промышленной продукции в восстанавли-

---

¹ КПСС в резолюциях и решениях, ч. II, изд. VII. М., 1953, с. 980—1017.

ваемые районы. Будто сил прибавилось, энергии. И идут из Томска эшелоны с отбойными молотками и сверлами, вентиляторами и электродвигателями, подшипниками и кабелями. Комсомольцы не уходят из цехов, не выполнив заказы Воронежа, Донбасса, Днепрогэса. В ремесленных, технических училищах, школах изготавливаются и отправляются тысячи наборов слесарных инструментов для тракторных отрядов МТС и совхозов.

...Минуло четыре десятилетия. Но никогда не забудет советский народ, что пришлось вынести ему в годы Великой Отечественной войны. Вынести на фронтах и вынести в тылу. И мы по праву гордимся Ленинским комсомолом, внесшим достойную лепту в нашу Победу. Гордимся комсомольцами сороковых, славную эстафету которых с честью несет комсомол восьмидесятых. Гордимся тем, что и сегодняшняя молодежь идет туда, где труднее, успешно выполняя намеченные нашей партией задачи: будь то в поле или на ферме, на заводе или стройплощадке, на освоении нефтяных районов нашей области.

Подвиг комсомольцев продолжается. И, воспитываясь на традициях сверстников героических лет, наша молодежь делает все для того, чтобы крепло могущество Родины, чтобы никогда больше наш народ не познал ужасов войны. Ради этой — самой высокой — цели стоит жить и стоит трудиться.

Литературная запись В. Иванова

**БУДНИЦКИЙ
ЛЕВ
ДАВЫДОВИЧ**

Член партии с 1945 г. Родился в 1915 г. в семье служащего в г. Остер Черниговской области. В 1929 г. окончил семилетку и пошел работать вначале учеником слесаря, затем слесарем. В 1931—1933 гг. работал на Магнитострое и Магнитогорском металлургическом заводе.

В ноябре 1933 г. переехал в Москву, поступил на завод «Фрезер». Одновременно учился на рабфаке, потом в вечернем машиностроительном институте, который окончил в 1940 г. В конце 1941 г. вместе с заводом был эвакуирован в Томск. На Томском заводе режущих инструментов работал технологом, начальником цеха, производства, технического отдела, главным инженером. С 1962 г. — директор завода.

Награжден орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени и шестью медалями.

Орден на знамени завода

В три часа ночи 9 мая 1945 г., когда я только что пришел с завода, мне позвонил начальник отдела Борис Федорович Хомяков и сообщил, что война закончена: фашистская Германия безоговорочно капитулировала. Трудно выразить, какой радостью, какой гордостью за Коммунистическую партию, Советскую страну, Советскую Армию, советский народ, которые сумели выстоять и победить, наполнило сердце это сообще-

ние. И до сих пор помню: в первые же минуты после получения вести о Победе я почти физически почувствовал, как свалилась огромная тяжесть с плеч. Думаю, что такое же чувство было у многих миллионов советских людей: ведь каждый в войну работал с огромным напряжением, каждый чувствовал свою личную ответственность за состояние дел на фронтах. Девиз, под которым трудились советские люди в тылу,— «Все для фронта, все для победы!»,— владел умами и сердцами всех.

В первые дни после окончания войны мы даже несколько растерялись, не знали, что делать: большая часть той продукции, что выпускал завод, становилась ненужной.

К началу войны крупных специализированных заводов, производящих металлообрабатывающий инструмент, было всего три. К зиме 1941 г. обстановка сложилась такая: один из заводов находился практически на линии фронта, в зоне досягаемости вражеской артиллерии, два других эвакуировались.

Московский «Фрезер» по решению ГКО был эвакуирован в Томск. Первый эшелон с людьми и оборудованием прибыл на место в ноябре 1941 г., а последний — в январе 1942 г.

В нашей продукции нуждались многие сотни оборонных предприятий, армейские передвижные ремонтные мастерские. Поэтому скорейший пуск его был делом исключительной важности, нашим патриотическим долгом.

Множество забот легло на плечи дирекции, партийной организации завода. Надо было устроить людей, которым предстояло выполнить сложную и тяжелую работу, обеспечить жильем, питанием, сплотить коллектив, вселить в него уверенность в том, что задача восстановить завод в короткий срок реальна.

Когда в Томск прибыл первый эшелон «Фрезера», здесь уже работали или готовились выдать продукцию многие ранее эвакуированные предприятия. Нелегко городу было принять столько заводов, расселить людей. Огромную работу провели местные партийные и советские органы. Мы постоянно ощущали их внимание, заботу, помощь. Многие ветераны и сейчас с глубокой благодарностью вспоминают первого секретаря горкома партии С. С. Чернышева, секретаря Кировского район-

ного, а затем городского комитета ВКП(б) Л. Г. Федосеева, заведующего отделом горкома, а потом первого секретаря Кировского райкома В. П. Шелякова, заведующего отделом Новосибирского обкома партии М. Б. Духнина и других товарищей.

Нам определили местоположение будущего завода.

Как разместить на этой территории завод? Как организовать энергетическое хозяйство, электроснабжение, отопление? Как на пустом месте создать кузницу и термический цех? Эти и множество других сложных вопросов стали перед коллективом.

Огромная работа по восстановлению завода на новом месте была выполнена в короткий срок, в условиях суровой зимы. Здания реконструировали, чтобы можно было в них разместить оборудование, наладить производство. В помещениях усилили междуэтажные перекрытия, это дало возможность ставить оборудование на вторых этажах. В бывших конюшнях оборудовали потолки на деревянных опорах, засыпали из земель для сохранения тепла. Сложили печи.

Почти все тяжелые работы выполняли вручную: не было необходимых механизмов. На стальных листах люди перевозили оборудование со станции Томск-I, с помощью ломов и катков монтажники затаскивали станки в цехи, в том числе на вторые этажи.

Одновременно с установкой оборудования вели монтаж электроснабжения, вентиляции. Несколько позднее были смонтированы два паровоза для теплоснабжения цехов, построена ветка железной дороги. С первых же дней после прибытия в Томск технические службы разрабатывали технологические планировки размещения цехов, оборудования, вели техническую подготовку производства.

Большая и сложная работа выпала на долю монтажников, работавших под руководством мастеров В. А. Власова и Л. И. Шелухина, энергетиков Н. Г. Захарова, пирометристов П. В. Милицына, котельщиков П. К. Трензелева. Умело, оперативно, четко решали все проблемы подготовки завода к пуску директор завода С. И. Блохин, главный инженер Н. С. Дегтяренко, главный механик П. И. Савин, начальник технического отдела Е. К. Котельников, главный энергетик П. Д. Западаев.

Успешному восстановлению завода и организации производства на новом месте способствовала проведенная накануне войны огромная работа по укреплению технологической дисциплины. Мне довелось в ней участвовать. Мы пересмотрели, уточнили и утвердили всю техническую документацию.

На всех заводах страны внесение любых изменений в утвержденную техническую документацию допускалось только в особых случаях: технологические процессы утверждал главный инженер, а вносить изменения можно было с разрешения директора завода или начальника главка. Чертежи на изделия, в зависимости от важности, утверждал директор завода или начальник главка, а изменения вносились с разрешения начальника главка или заместителя министра. Поэтому к началу организации завода в Томске и во время работы в годы Отечественной войны мы имели тщательно обработанную комплектную техническую документацию.

Хороший морально-политический настрой в коллективе создала партийная организация, которую возглавлял А. И. Слуцкер. Люди не щадили себя в труде, жили одним стремлением: скорее, скорее, скорее!.. Через три месяца после прибытия первого эшелона в Томск завод начал выпуск продукции. Это была большая трудовая победа. В марте 1942 г. приказом наркома станкостроения СССР всему коллективу была объявлена благодарность за самоотверженный труд по восстановлению завода.

Первым выдал продукцию цех, где начальником был Георгий Александрович Алексеев¹. Большая заслуга в этом принадлежит Князевой М. П. и Князеву Я. А., работавшим тогда технологами в этом цехе. Вскоре начали выдавать продукцию и другие цехи.

Остро встал вопрос о рабочих кадрах. Коллектив пополнялся женщинами, подростками. В числе направленных на завод подростков была Тамара Васильевна Лапшова, ныне Герой Социалистического Труда. Она с первых дней обратила на себя внимание добросовестностью, тщательностью выполнения работы. Подростками пришли в коллектив В. И. Ушакова (ныне Ма-

---

¹ Впоследствии главный конструктор московского завода «Фрезер», начальник Управления в Комитете машиностроения, заместитель министра, автор капитального труда по инструментальному производству.

расанова), В. В. Горбунов, Н. Е. Рожкова и другие. Ушакова и Рожкова стали лучшими работницами в цехе сверл. В. В. Горбунов начал работать токарем, затем его назначили мастером, начальником цеха, начальником производства завода.

В школу фабрично-заводского обучения при заводе направляли молодежь из разных районов страны. В 1943 г. приехала группа девушек из освобожденных районов Калининской области. Многие из них стали потом уважаемыми работницами. Это ветераны завода А. И. Одальчук, Т. А. Бодрова, Н. В. Косичкина, М. С. Пугачева, Л. С. Дубакина, А. В. Парфирьева, А. Г. Афанасьева, А. Ф. Грибова, А. Ф. Филиппова.

Коллектив пополнялся и пришедшими после лечения в госпиталях фронтовиками. Их отличала высокая ответственность за дело. Некоторые из них по праву вошли в золотой фонд предприятия. Это Н. А. Баранов, П. В. Коренев, М. В. Лапшов, Л. И. Кулаков, М. С. Лисина, Ф. А. Пропп, П. А. Логинов, Я. Н. Шевчук, С. С. Минаев и другие. Кадровые рабочие, технологи, мастера, прибывшие из Москвы, обучали вновь пришедших на завод, помогали им получить специальность.

Разнообразной была продукция завода. Изготавливали мы и чрезвычайно сложные изделия. Например, инструмент для ремонта авиационных двигателей в условиях фронтовых мастерских. В цехе метчиков на финишных операциях этот инструмент обрабатывал шлифовщик П. И. Васильев — специалист высочайшего класса.

В те годы завод не имел нужного ассортимента металла. Приходилось перековывать сталь. Работа коллектива зависела от кузнецов. Ковка быстрорежущей стали очень сложна и требует незаурядного мастерства. Среди кузнецов, выполнявших эту работу в годы войны, был ветеран завода Ф. А. Юрицын — настоящий мастер своего дела.

Талантливых рабочих и мастеров отличала не только высокая квалификация, но и высокая ответственность, творческое отношение к делу, умение передавать свои знания молодым рабочим. В тяжелые военные годы все это было особенно важно. В то время газета «Красное знамя» несколько раз писала о мастере цеха фрез Е. И. Ширяеве как об одном из лучших мастеров

завода и города. Большим авторитетом как организатор производства, воспитатель пользовался также мастер цеха фрез В. П. Косихин. Его участок всегда отличался образцовым порядком и дисциплиной, практически здесь не было текучести.

Умело руководили участками, обеспечивали стабильное выполнение планов мастера И. М. Островский, И. Г. Дмитриев, И. П. Кондрашев, П. И. Козлов, Ф. А. Пропп, М. Е. Карташов, И. А. Ходин, В. Я. Сморкалов, В. Е. Рожков.

Успех любого коллектива во многом зависит от того, кто его возглавляет, от инициативы руководителя, от его квалификации, от умения решать организационные и технические вопросы, работать с людьми, заботиться о них.

Именно такими руководителями были начальники цехов военных лет И. А. Соколовский, впоследствии главный инженер завода; А. К. Стельмашук, затем ставший начальником производства завода «Фрезер»; Н. Н. Куликов, впоследствии работавший в Госплане СССР; Д. И. Клейман, Н. Н. Букин, Л. М. Стрельчук, М. И. Краммер, В. П. Туменко, В. М. Палуи.

Я в годы войны работал сначала в службе главного технолога, затем заместителем начальника и начальником цеха, а с сентября 1944 г. — начальником производства и хорошо знал этих товарищей по их практическим делам. О каждом из них могу сказать, что они были предельно преданы партии. Отсюда все их положительные качества.

В наши дни трудно даже представить, в каких условиях приходилось трудиться тогда в цехах. Выходных не было. Рабочий день продолжался одиннадцать часов. Это для рабочих. А для руководителей он длился порой по двое, трое и более суток; руководители домой не уходили, пока не выполнено важное задание или пока не отлажена работа. Когда выполняли особо срочный заказ, сутками не уходили с завода и рабочие.

Осенью и зимой в цехах было холодно. Заготовки, полуфабрикаты подносили на носилках, сталь перевозили на тележках. Часто простаивали: не было электроэнергии. Да если еще добавить, что у многих неустраивало с жильем, у всех — скудное питание... Вспоминаешь об этом и думаешь: откуда только силы брались у людей? Работали с огромным напряжением, отдавали все, что могли. Каждый знал: от его работы, от труда

всех советских людей зависит судьба страны, снабжение фронта всем необходимым.

Стремление дать как можно больше продукции фронту и народному хозяйству вызвало к жизни новые, очень действенные формы социалистического соревнования — движение фронтовых бригад и «тысячников». «Тысячниками» называли тех, кто выполнял нормы выработки на 700—1000 процентов. Это были наиболее способные, наиболее трудолюбивые и добросовестные рабочие, в том числе и молодые: В. А. Меркулов, М. Д. Телятникова, А. В. Кудинова (Будницкая), А. П. Капитонова, А. Г. Афанасьева и другие.

Огромный патриотический подъем позволил коллективу, несмотря на трудности, добиваться высоких результатов в труде. Неоднократно завод завоевывал переходящее Красное знамя ГКО за победы во Всесоюзном социалистическом соревновании. Знамя вручали на городских митингах на площади Революции представители гвардейской воинской части. Присуждение заводу знамени ГКО всегда вызывало новый прилив трудового энтузиазма, гордость за свой коллектив.

В 1943 г. за образцовое выполнение заданий правительства по обеспечению инструментом оборонных предприятий Президиум Верховного Совета СССР наградил завод орденом Трудового Красного Знамени¹. Среди томских предприятий только завод режущих инструментов был удостоен в годы войны высокой государственной награды. Ордена и медали получила большая группа работников завода: С. И. Блохин, П. И. Савин, В. А. Власов, Н. Г. Захаров, Е. И. Ширяев и другие.

Коллектив инструментальщиков праздновал трудовую победу. Однако каждый понимал, что награда ко многому обязывает. Этой мыслью были проникнуты все выступления на торжестве, посвященном вручению ордена: Сделать больше, сделать лучше — таков был ответ инструментальщиков на высокую награду.

Требования к работе завода возрастали. Разрабатывалась новая военная техника — появлялась потреб-

---

¹ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 11 октября 1943 г. о награждении Томского инструментального завода орденом Трудового Красного Знамени за образцовое выполнение заданий правительства по выпуску инструмента для оборонной промышленности (Ведомости Верховного Совета СССР, 1943, № 45, 28 октября). 16 февраля 1976 г. завод награжден орденом «Знак Почета».

ность в новых видах инструмента. Увеличивались масштабы операций на фронтах Великой Отечественной войны, значит, требовалось больше военной техники и оружия, а следовательно, и инструмента. Ведь без режущего инструмента танки, самолеты, суда, оружие производить нельзя. Приходилось постоянно искать новые пути для того, чтобы в срок и с высоким качеством выполнять задания.

И тут было мало высокой квалификации рабочих, творческого отношения к труду инженеров, нужна была еще высокая, а правильнее сказать — высочайшая ответственность всего коллектива. Именно такая ответственность служила пружиной, которая двигала дело вперед. И пути для совершенствования производства, выполнения заданий по выпуску новой продукции находились.

На Алтае работал крупный завод по производству танковых двигателей. А сверла диаметром 0,25 мм для изготовления форсунок к двигателям для впрыскивания топлива ввозились из США. В войну из США!

В 1944 г. мы наладили серийное производство этих сверл. Новаторская мысль на заводе была ключом, всемерно поддерживалась. В том же 1944 г. мы впервые применили так называемую программно-целевую организацию производства: в одном из цехов собрали все оборудование, включая заготовительное и термическое, для производства инструмента, потребность в котором резко возросла. А об опыте США по программно-целевой организации производства печать стала писать только в шестидесятых годах.

В цехах были созданы также предметно-замкнутые участки, смонтированы поточные линии. В 1943 г. мы спроектировали и построили первый резьбонакатный станок, заменивший более двадцати резьбонарезных станков. Это позволило высвободить более тридцати рабочих. Тогда же впервые в стране мы провели опыты по получению рабочей части инструмента путем продавливания через профильную матрицу. Была разработана конструкция нового сложного вида инструмента (автоматическая резьбонарезная головка для внутренних резьб), на которую я получил авторское свидетельство. Народный комиссар станкостроения присвоил инструменту инициалы автора конструкции.

Можно привести много примеров творческой работы инженеров и техников.

Крупным специалистом-металловедом была Евгения Сергеевна Левкина. Дело она поставила так, что термическая обработка инструмента велась безупречно. Высокое качество инструмента обеспечивалось также высокой ответственностью пиromетрической службы, которую возглавлял Павел Васильевич Милицын, руководителей термического цеха Д. И. Дедикова и В. С. Евдокимова, работников центральной заводской лаборатории, начальником которой был П. П. Макаревич, мастеров термического цеха В. И. Баранова, А. И. Барановой.

Творчески работали технические службы, которые возглавляли В. К. Котельников, В. М. Воробьев, К. П. Анкудинов. Разностороннюю помощь заводу оказывали ученые Томска, доктора наук А. Н. Добровидов, А. М. Розенберг, А. Н. Еремин, В. Д. Кузнецов и другие.

Все это позволило поднять производство на уровень требований технического прогресса того времени. Инженерам нашего завода приходилось участвовать во внедрении передовой технологии на других заводах. В 1943 г. с группой специалистов я, например, помогал разрабатывать проект перестройки производства московского завода «Фрезер» по принципу поточных технологических линий.

В 1943—1944 гг. завод помог материалами и инструментом освобожденным от врага районам — Донбассу, Белоруссии¹ и другим.

Душой коллектива была партийная организация. В сложных условиях военного времени партийно-политическая работа имела решающее значение. Партийная организация создавала и поддерживала в коллективе атмосферу борьбы за выполнение задач, которые ставила партия. Коммунисты были заповедниками соревнования, инициаторами всех добрых начинаний, своим примером увлекали других. На заводе всегда был высокий накал социалистического соревнования. Боевой дух трудового состязания помогал поддерживать специальный выпуск газеты «Красное знамя» на заводе.

---

¹ Весной 1944 г. Томск отправил братской Белоруссии 33 вагона оборудования и материалов (в том числе инструментальный завод — вагон набора инструментов), 5 вагонов металла, вагон материалов (ПАТО, ф. 80, оп. 2, д. 833, л. 35).

РАТНИКОВА
ЕВГЕНИЯ
АЛЕКСАНДРОВНА

Член партии с 1945 г. Родилась в 1920 г. в Томске в семье рабочего. В 1938 г. окончила двухгодичную школу медсестер и работала медсестрой в детском санатории.

29 июня в 1941 г. в составе медсанбата 166-й стрелковой дивизии, сформированной в Томске, уехала на фронт. В феврале 1942 г. после ранения вернулась в Томск. Работала медсестрой и секретарем комитета комсомола эвакогоспиталя, затем возглавляла комсомольскую организацию завода «Манометр», была инструктором горкома ВЛКСМ. С 1948 г. и до ухода на пенсию в 1978 г. работала в Томском горкоме КПСС, горисполкоме. Награждена восемью медалями.

Юность комсомольская моя

С первых дней войны я ушла на фронт. Была зачислена медицинской сестрой в 215-й медико-санитарный батальон 166-й стрелковой дивизии. Наша дивизия сражалась на Западном фронте, на Смоленщине. Домой я вернулась в феврале 1942 г. по ранению. Направили меня в эвакогоспиталь № 1229 для дальнейшего прохождения службы. Здесь я проработала до марта 1943 г.

А в марте вызвали меня в горком ВЛКСМ: принимай, говорят, заводскую комсомолию под свое руководство. Так я стала секретарем комитета комсомола ма-

нометрового завода. Находился тогда завод возле Лагерного сада.

Когда я в первый раз пошла по цехам, поразились: столько было вокруг молодых лиц. Из-за станков поглядывали на меня серьезные глаза подростков — мальчишки и девчонки сосредоточенно выполняли задание, а оно было таким же, как и у взрослых. Только вот многим станок был не по росту, работали на специальных подставках. В обеденный перерыв они могли пошалить и даже затеять драку, но кончалось свободное время, и ребятишки опять становились серьезными — до конца смены обязательно надо было сделать норму.

Вот с этим «детским садом» мне и предстояло работать, создавать комсомольско-молодежные бригады, организовывать соревнование молодых рабочих, субботники... Как много мне предстояло пережить с ними вместе! Было с моими комсомольцами и трудно, и легко. Трудно, потому что они много работали на производстве и общественной работой некогда было заниматься. Но легко: моих ребят не надо было убеждать или упрашивать что-то сделать. Как бы они ни уставали — шли на строительство узкоколейки, ведущей к торфоразработкам. Городу не хватало электроэнергии и тепла, и вот мы уже вручную роем котлован для будущей ГРЭС-II. И если на исходе были силы, на помощь приходила комсомольская песня и взаимовыручка. Помогать друг другу было так же естественно, как дышать и жить.

В комитете ВЛКСМ было семь комсомольцев, а всего на заводе — примерно 160. Самыми главными моими помощниками во всех делах были Валя Рогова, заместитель секретаря комитета, регулировщик цеха № 5 Борис Яковлев, токарь и комсорг цеха № 7 Игорь Алимов. Эти ребята были зачинателями многих интересных дел на заводе, прекрасными организаторами молодежи. Они не только сами показывали пример в труде, но и подтягивали отстающих.

Члены комитета комсомола и комсорги цехов брали на учет семьи погибших фронтовиков, приносили осиротевшим детям немудреные подарки (администрация завода выделила небольшой фонд детских промтоваров). Часто ходили в госпиталь, который находился напротив завода. Читали раненым газеты, рассказывали о своей работе, писали им письма домой, готовили концерты.

Городской комитет ВЛКСМ организовал социалистическое соревнование между комсомольскими организациями промышленных предприятий и учредил переходящее Красное знамя «Лучшей комсомольской организации». Итоги подводили ежемесячно. Только в 1943 г. наша организация четырежды побеждала в этом соревновании. Меня как секретаря наградили Почетной грамотой горкома ВЛКСМ и занесли в городскую комсомольскую книгу Почета.

А на заводе мы организовали соревнование между цехами. Лучшая комсомольская организация цеха получала переходящий вымпел. Долго он в одном цехе не задерживался. Вот висит алый вымпел в 1-м цехе, заходишь — видно издалека. У ребят настроение приподнятое — победители, работают с энтузиазмом. Тамара Ковязина, их 16-летний комсорг, подбадривает своих комсомольцев: так держать! А в соседнем, 5-м, цехе тоже энтузиазма не занимать — «бывшие» победители готовятся вернуть вымпел. И на следующий месяц на пересменке вручаю вымпел секретарю их цехового бюро ВЛКСМ Вале Роговой. Не раз побывал этот вымпел в 6-м цехе (комсорг Муза Тотунова), в 3-м (комсорг Саша Функ), в цехе № 7 (комсорг Игорь Алимов).

Особым накалом отличалось соревнование в честь знаменательных дат, праздников, областных съездов и городских слетов молодых рабочих. За время моей работы секретарем комитета ВЛКСМ завода прошло два областных съезда и три городских слета молодых рабочих. Это всегда становилось праздником для нас, здесь делегаты имели возможность встретиться со своими сверстниками с других заводов, обменяться опытом, узнать побольше о жизни и работе многих комсомольских организаций.

Съезды проходили в Новосибирске, слеты — в Томске. Первый съезд собрался в марте 1943 г. К его открытию комсомольцы и молодежь завода приняли обязательства выполнять задания не ниже чем на 175 процентов, не иметь ни одного отстающего молодого рабочего, внести за год 100 рационализаторских предложений, собрать две тонны цветных металлов. Свое слово комсомольцы сдержали.

В период подготовки к 25-летию Ленинского комсомола, 26-й годовщине Великого Октября и третьему слету молодых рабочих по инициативе комитета ком-

сомола на заводе были созданы двадцать четыре комсомольско-молодежные бригады. За высокие показатели в труде многим из них присваивали звание «фронтových». Выполнение заданий на двести процентов считалось нормой в таких коллективах. Но и эту норму многие молодые рабочие перевыполняли чуть ли не в три раза.

Одной из лучших фронтовых бригад была бригада Гали Савнер из 5-го цеха. В апреле 1944 г. она заняла первое место по заводу и Кировскому району. Успехи у нее были действительно блестящими: месячное задание коллектив перекрыл почти в три с половиной раза! Девушки выполнили все пункты обязательства: повысили разряды, внесли рационализаторское предложение, полностью ликвидировали брак в работе.

Бригаде Гали Савнер была вручена Почетная грамота горкома ВЛКСМ, и все пять девушек получили серебряные наручные часы.

Еще раз повторю: мои комсомольцы были совсем юными людьми, подростками, некоторые — почти детьми. Но как серьезно все они относились к своему делу! Какая взрослая уверенность чувствовалась, когда они писали в своих обязательствах очень и очень высокие цифры! И писали для того, чтобы их выполнить. Часто в этом помогали рационализаторская смекалка, стремление придумать что-то свое, новое.

В 1943 г. молодые рабочие подали больше сотни рацпредложений. Идеи так и бурлили в них, чуть ли не каждую неделю ребята прибегали с новостью: я придумал! Комсомолка Соня Чултурова обычно не торопилась обнародовать новшество, десять раз проверит, посмотрит и только тогда смущенно сообщает: у меня кое-что получилось. Но зато каков был результат! Помню, только одно из многих внедренных ею предложений дало 24 000 рублей экономии.

Мы умели экономить. В то время вся страна жила в огромной нужде, все шло на оборону, все было на счету, на строжайшем счету. И не было таких ребят, которые бы небрежно относились к своему станку, инструменту. Да со стыда сгорел бы любой подросток, если бы за ним кто-то прибирал инструмент или выключал лампочку на оставленном станке. Такова была общая атмосфера нетерпимости к фактам нехозяйственного отношения к труду. Мы считали каждую детальку, берегли каждую тряпочку из обтирочных мате-

риалов, не давали бесцельно гореть ни одной лампочке в цехе.

Вообще молодые рабочие стремились делать все, чтобы работать быстрее и лучше: овладевали смежными профессиями, а многие успевали еще после напряженного трудового дня учиться в вечерней школе, техникуме и вузе. Члены комитета комсомола Игорь Алимов и Боря Яковлев сдали экзамены экстерном за десять классов, успешно окончили вечернюю школу комсомолки Лифонтова, Качурина, Фаня Функ и другие.

В конце 1943 г. обком ВКП(б) поручил нашему заводу изготовить запасные части к тракторам и комбайнам: надо было помочь селу. Быстрее всех откликнулись наши комсомольско-молодежные коллективы. Они послали на изготовление запчастей своих «делегатов» от бригад, а сами выполняли за них план на основном производстве. Комитет комсомола создал контрольный пост. Ежедневно члены поста проверяли, как выполняется задание. Молодые рабочие завода не подкачали и здесь: работали так, что задание было перевыполнено.

Большим событием для нас, комсомольцев и молодежи Томска, стало строительство эскадрильи «Молодой сибирский рабочий». По инициативе горкома комсомола во всех комсомольских организациях города собирали средства на эту эскадрилью. Плохо жили наши рабочие ребята, но каждый внес свою лепту в это святое дело, отчисляли нелегким трудом заработанные рубли, чтобы поднялась в небо на бой с фашистами боевая эскадрилья. Свое обязательство собрать 16000 рублей мы перевыполнили: сдали в Госбанк почти 24000!

Как только Красная Армия освободила Донбасс, томичи решили помочь восстанавливать разрушенный промышленный район. Комсомольцы завода своими силами в неурочное время собрали и отправили в Донбасс 300 манометров.

Работа, работа, сверхвысокое напряжение... Но мы были молоды, нам хотелось хоть на часок сбросить рабочую одежду и надеть легкий довоенный наряд, потанцевать, послушать музыку, отдохнуть. Находили время и для комсомольско-молодежных кроссов и для вечеров отдыха. Правда, таких редких!..

Особенно запомнился самый первый такой вечер, наверное, потому, что долго к нему готовились и очень волновались. Наш завод шефствовал тогда над Ленинградским военным училищем, поэтому с музыкальным

оформлением вечера проблем не было. Комитет комсомола пригласил музыкантов духового оркестра. И... грянул бал!

Эти балы военного тыла до сих пор остались в душе каким-то щемяще-светлым ощущением. Молоденькие курсанты, которых вот-вот поднимут по тревоге и отправят на фронт, лихо отплясывали с рабочими девчонками, смущенно прячущими мозолистые руки за плечи кавалеров... Скромная заводская столовка превращалась в самый настоящий дворец, вот только наши очаровательные «золушки» вставали по утрам к своим станкам. Такие вечера были очень нужны: они поднимали настроение, позволяли хоть немного отвлечься от наших суровых будней.

Мы работали в тылу, но все наши думы были о фронте. «Как там?» — с этого начинался каждый день. Несмотря на тысячи разделяющих нас километров, мы постоянно ощущали близость фронта.

Литературная обработка С. Сучковой.

ПОЛЯКОВА
ГАЛИНА
СЕРГЕЕВНА

Член КПСС с 1945 г. Родилась в 1920 г. в Улан-Удэ в семье служащего. В 1942 г. окончила Томский индустриальный институт и была направлена на Томский электроламповый завод, где работала до ухода на пенсию в 1978 г. начальником смены, начальником газового цеха и отдела технического контроля.

Награждена орденом «Знак Почета» и пятью медалями.

Поклон вам низкий — до пояса...

Супруги А. И. и П. В. Пляскины, начавшие свою трудовую биографию на Томском электроламповом заводе в годы войны, писали в своих воспоминаниях в многотиражную заводскую газету «Лампочка Ильича»: «Мы хорошо помним замечательные традиции этого коллектива: скромность и самокритичность, высокую организованность и умение дружно преодолевать трудности, высокое чувство ответственности за судьбу завода и искреннюю, стоящую над всем другим, заботу об интересах государства...»

О том, как шло становление Томского электролампового завода и мужание в годы Великой Отечественной войны его коллектива, как закладывались и крепились его замечательные трудовые традиции, мне бы и хотелось рассказать.

Завод родился на базе двух заводов — Московского электролампового и Запрудненского стекольного. В 1941 г., когда начались жесточайшие бои за Москву, часть оборудования Московского электролампового завода с запасом полуфабрикатов была отправлена в Томск¹. Одновременно выехала небольшая группа специалистов этого завода, рабочих и служащих.

В конце 1941 г. эвакуировалась в Томск часть коллектива подмосковного стекольного завода из Запрудни. Они взяли все необходимое, чтобы развернуть стекольное производство.

Из тех, кто по приказу Родины приехал создавать первый в Сибири электроламповый завод, необходимо в первую очередь назвать А. Т. Иванова, который всегда был для коллектива образцом бескорыстного служения делу; И. Б. Гарцмана — начальника производства, человека неугасимой и вдохновляющей инициативы; Е. Г. Могилевскую — мастера металлозаготовительного цеха, умевшую работать на всех технологических операциях цеха; И. Я. Демидова — механика сборочного цеха, первого наставника мальчишек, ставших настройщиками и слесарями; А. И. Миронова — оператора и С. А. Голубева — начальника смены стекольного цеха, воспитавших первоклассных выдувальщиков и операторов колбовых автоматов.

Всех первопроходцев перечислить невозможно. Каждый из них сыграл свою незаменимую роль в быстрейшем пуске завода. Сейчас некоторых уже нет в живых, другие находятся на заслуженном отдыхе, но почти все они награждены Родиной за свой доблестный труд. Самой высокой наградой — орденом Ленина — отмечен А. И. Миронов.

В 1942 г. поступила на завод лаборантом эвакуированная из Киева в Томск Е. А. Бабицкая, впоследствии ставшая художественным руководителем созданного в 1947 г. и получившего широкую известность самодеятельного народного хора завода². Подлинный энтузиаст самодеятельного творчества, она длительное время совмещала работу старшего диспетчера завода с руководством хором.

---

¹ 24 сентября 1941 г. оборудование и 229 рабочих и служащих Московского электролампового завода прибыли в Томск (ПАТО, ф. 80, оп. 2, д. 18).

² Е. А. Бабицкая — ныне лауреат Всесоюзных и Всероссийских фестивалей художественной самодеятельности.

Для развертывания электролампового производства город предоставил недостроенный, даже не покрытый, без полов на втором и третьем этажах, без дверей и окон, с неоштукатуренными стенами корпус медицинского института. Выбор был продиктован тем, что неподалеку находилась газостанция политехнического института с тремя допотопными малопроизводительными ретортными печами, вырабатывавшими светильный газ, который мог быть временно использован как технологическое топливо.

Родине, как хлеб и боеприпасы, нужны были электрические лампы. Без них не могли работать заводы, летать самолеты, ходить поезда, корабли, автомашины, спускаться под землю шахтеры. Чтобы скорее дать их стране, одна сборочная линия была смонтирована и пущена во временную эксплуатацию в главном учебном корпусе госуниверситета. Монтаж этой линии в самые короткие сроки был выполнен под руководством И. Я. Демидова.

Тем временем круглосуточно достраивался бывший корпус медицинского института, там устанавливалось и монтировалось технологическое оборудование. Основной строительной техникой служили носилки, лопаты, веревки с ведрами.

15 декабря 1941 г. была отправлена на фронт первая тысяча самолетных ламп, изготовленных сборочной линией, смонтированной на первом этаже собственного, правда еще далеко не достроенного, корпуса.

Часть Запрудненского стекольного завода разместили на ул. Войкова на базе маленького стеклозавода медицинской стеклоаппаратуры. Там была выстроена стекловаренная печь. Дрова для «прожорливых» стекловаренных печей, а также выдуваемые для ламп колбы возили «людским» транспортом, о чем выразительно поется в частушках, сложенных Е. А. Бабицкой:

Несутся сани быстрые
От Войкова до Кирова,
И слышен колб веселый перезвон.
Лошадок у нас не было,
Впрягались в сани девочки,
И мчал лихой «девичий эскадрон»...

В январе 1942 г. электроламповое и стекольное производство было объединено и получило название: Томский электроламповый завод. Директором завода на-

значили Алексея Тимофеевича Иванова, бывшего директора Запрудненского завода, а главным инженером — Льва Григорьевича Ульмишека, бывшего начальника производства Московского электролампового завода.

«Он был настоящим коммунистом-ленинцем», — так говорили люди, когда в 1970 г. ушел из жизни наш первый «красный директор». И нет высшей награды, чем эти слова. Под руководством Алексея Тимофеевича завод стал одним из ведущих предприятий отрасли и города, предприятием со своими добрыми трудовыми традициями. Здесь выросли кадры, которые впоследствии участвовали в становлении всей электроламповой промышленности страны и составляют гордость завода.

Заслуги Алексея Тимофеевича отмечены двумя орденами Трудового Красного Знамени. Как дань памяти о нем около административного корпуса завода установлена стела.

Очень большую роль в техническом совершенствовании завода, воспитании его инженерно-технических кадров сыграл Л. Г. Ульмишек. Специалист высокого класса, он первый в стране создал учебник по электроламповому производству.

Нас было шестеро — первых молодых инженеров-сибиряков, влившихся в небольшую семью электроламповцев после окончания Томского индустриального института. Трое — Н. Г. Тимофеева, В. И. Дегтярь и автор этих строк — навсегда связали свою жизнь с первым сибирским и вторым в стране электроламповым заводом.

Первые дни мы были в растерянности: завода как такового нет, что же мы будем делать, чем заниматься? И вот нам сообщили, что нас вызывает на беседу директор завода. Мы очень волновались. Велико же было наше удивление, когда вместо умудренного опытом директора мы увидели перед собой совсем молодого, 30-летнего человека. И на плечи этого человека, едва вышедшего из комсомольского возраста, легла огромная ответственность перед страной: на «голом» месте создать завод и дать стране, фронту электрические лампы накаливания.

Из беседы с директором мы узнали, что главная задача коллектива — создание газового цеха, который должен включить в себя парокотельную, газогенераторную и водонасосную станции. Все это нужно было для получения технологического газа, без которого не мог работать ни один цех завода.

Обслуживанием ретортных печей индустриального института, проектированием, монтажом и эксплуатацией газового цеха пришлось заниматься нам с Н. Г. Тимофеевой. В. И. Дегтярь был отправлен механиком в транспортный цех, а затем работал главным механиком и начальником конструкторского отдела.

Одновременно с монтажом газового цеха велось строительство стекольного, который больше походил на сарай. Потом здесь в невероятно тяжелых условиях, вручную началось выдувание колб для ламп. Этот тяжелый труд выдувальщиков продолжался до 1958 г. — до пуска в эксплуатацию механизированного стекольного цеха.

Я помню, с каким нечеловеческим напряжением работала бригада монтажников газового цеха. Она находилась на казарменном положении — без права ухода домой. Душой бригады был слесарь Н. А. Федотов — москвич с МЭЛЗа. Он работал так, как будто сражался на самом горячем участке фронта. Слова «нет», «невозможно» в его лексиконе отсутствовали. Все сложнейшие газовые, паровые и водяные коммуникации завода вышли из-под рук Н. А. Федотова.

И вот весной 1943 г. настал долгожданный день — день пуска первого газогенератора. У пульта управления стоял девятнадцатилетний газовщик Сергей Лаленко, уже имевший за плечами фронт и госпиталь. Впоследствии он стал одним из ведущих специалистов, хотя и не имел соответствующего образования.

Много еще потом будет у завода праздников: пуск в эксплуатацию металлического газгольдера, нового механизированного стекольного цеха, кислородной и водородной станций, переезд в новый производственный корпус, переход на пропан-бутановое топливо и так далее, но тот день, когда резиновый газгольдер вздрогнул, ожил и, как невиданное чудовище, стал расти на глазах к безмерной радости всех присутствующих, лично для меня останется главным трудовым праздником.

За первыми радостями после пуска газогенератора последовали и огорчения: из-за нерегулярной подачи газа нередко были простои производства.

Причин для срывов в подаче газа было более чем достаточно. У начальников смен, газовщиков, кочегаров

ПРИЕМ	№ 1/4 23 25	м. вое. №	№ провода	ПЕРЕДАЧА	3049 / Томск завод № 785
	от <i>Иванов</i>	пр. № 84	<i>62</i> <i>4</i>		9 директору м. пор. № <i>Завода</i>
Принят	Иванов			г. Манасву пр. коня	г. Манасву пр. коня
Ис	Иванов			главному инженеру	главному инженеру
Служебн. отметки	Иванов 3090 Иван			завода г. Боготрово коня	завода г. Боготрово коня
<p>Принимать передачу работнику работнику немедленно технический работнику и служащему завода № 785 собравшему 100000 руб. на строитель- ство эскадрильи «За Родину» за работу под братским знаменем и благодарностью Красной Армии</p> <p><i>И. Сталин</i></p>					

Благодарность Верховного Главнокомандующего коллективу Томского завода резиновых технических изделий (ТЗРТИ), собравшему 100 000 руб. на строительство эскадрильи «За Родину» (копия хранится в музее Томского завода резиновой обуви).

Комсомольско-молодежная бригада (ТЗРТИ).
 В центре З. А. Поликш, бригадир. Фото 1944 г.
 26 января 1959 г. ее смене первой на заводе было присвоено звание коллектива коммунистического труда.

Идет заседание комитета ВЛКСМ завода «Томкабель». Первая справа секретарь Тамара Николаевна Гринькова (Левина). Фото 1943 г.

Руководители завода «Томкабель».

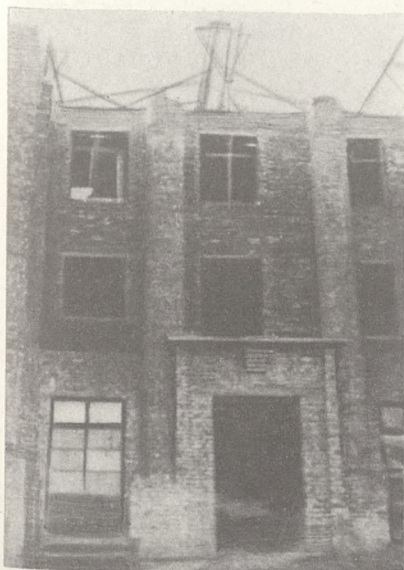
Слева направо: первый ряд — П. Г. Королев, директор, А. З. Филькельштейн, главный инженер; второй ряд — А. Н. Симачев, главный энергетик, Клебанов, начальник производства. Фото военных лет.

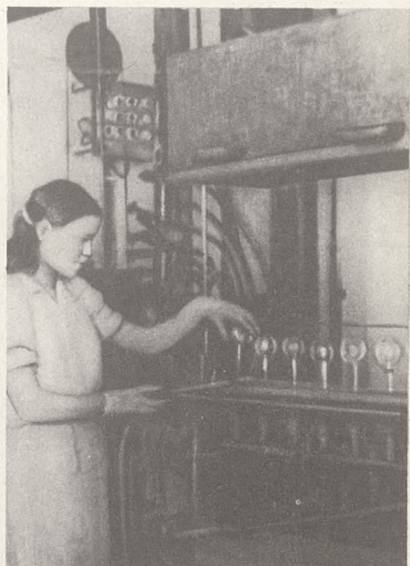

Сборочная линия электролампового завода. Справа — Леня Прокопьев, проработавший всю жизнь на заводе.

В этом недостроенном здании в конце 1941 г. начал работать Томский электроламповый завод.

Мария Колесникова на участке восстановления старых ламп, собранных у населения.

Томский завод режущих инструментов.
Слева направо: начальник цеха Л. Н. Стрельчук, секретарь партбюро
А. А. Слуцкер, помощник директора А. Н. Фоменко, главный инженер И. А. Со-
коловский. Фото военных лет.

В. А. Меркулов (бывший «тысячник») и директор завода Л. Д. Будницкий.
В день 40-летия Томского завода режущих инструментов. Фото 1982 г.

и их подручных не было опыта работы на газогенераторных, котельных установках. Кроме газовщиков и слесарей, все остальные мужские должности занимали женщины. Температура в помещениях цеха зимой была почти такой же, как на улице. Слабое освещение едва пробивалось сквозь пары от негерметичных газопроводов и паропроводов. Кругом кучи угля и шлака. Когда застывали смолы в газопроводах, то отогревать их приходилось, образно говоря, теплом собственного тела.

Плохой уголь приводил к образованию «прогаров» и «козлов» в газогенераторах, а из-за них прекращалась нормальная подача газа. «Выбивать козла» было очень трудно: из раскаленного газогенератора вместе с пламенем летели зола и уголь.

Если к этому добавить, что рабочий день длился не менее 12-ти часов, выходных не было, слово «отпуск» в обиходе в течение четырех лет вообще отсутствовало, а желудок был пуст, то картина условий труда у газовщиков будет завершена. Правда, мы имели преимущество перед работниками других цехов: получали дополнительное питание — пол-литра суфле из отрубей. Но каким же вкусным нам оно тогда казалось!

В начале 1944 г. сдали в эксплуатацию второй, а затем и третий газогенераторы, и тогда завод получил возможность наращивать мощности и развивать производство. Как были горды газовщики, когда на заводском митинге им было предоставлено право первыми подписать рапорт Сталину!

За выполнение заданий партии и правительства, за успехи во Всесоюзном социалистическом соревновании по итогам третьего квартала 1944 г. коллективу завода было присуждено переходящее Красное знамя ГКО и первая денежная премия. В этот победный для коллектива год было изготовлено 5 700 000 электроламп, почти в 5 раз больше, чем в 1942 г. (Сейчас завод ежедневно выпускает 500 000 электроламп.)

В газовом цехе начинали свою трудовую деятельность молодые специалисты томских вузов: В. Г. Пашинцева, которая впоследствии посвятила свою жизнь сборочному производству и стала кавалером ордена «Знак Почета», П. В. Пляскин — ученик Иванова и Ульмишека — стал главным инженером нашего завода, а в 1961 г. он

возглавил созданный впервые в стране, в Саранске, ведущий институт отрасли — ВНИИИС. Журнал «Светотехника» (№ 4, 1981 г.), отмечая 60-летие Пляскина, писал: «Вся трудовая и научная деятельность П. В. Пляскина неразрывно связана с развитием светотехнической промышленности и головных научных центров отрасли ВНИИИСа и ВНИСИ». Воспитанник нашего завода неоднократно достойно представлял свою страну за рубежом по вопросам отрасли.

Вместе с Пляскиным осенью 1944 г. после окончания университета пришли на завод Г. Г. Роднова и Л. Г. Онучина, ставшие техническими руководителями завода. Под руководством инженера Родновой, начальника центральной лаборатории, в состав которой входила с 1956 г. лаборатория электрических ламп накаливания, разработано и внедрено в производство восемьдесят шесть типов новых изделий. Почти всю трудовую деятельность Онучина отдала отделу главного технолога, а 15 лет успешно возглавляла этот отдел, отличаясь необыкновенной ответственностью за дело, которому служила.

Труд П. В. Пляскина, Г. Г. Родновой, Л. Г. Онучиной высоко оценен Родиной — они кавалеры орденов Трудового Красного Знамени.

Мою заводскую жизнь заполняли не только дела в газовом цехе. В марте 1942 г. я была избрана комсоргом завода: конечно, не освобожденным. Комсомольцев тогда всего было 11 — все девушки: парни воевали, а тринадцатилетние, четырнадцатилетние девчонки и мальчишки в отцовских телогрейках и валенках еще подрастали. Через год комсомольская организация выросла, увеличилось число подростков, подошедших к комсомольскому возрасту, и поэтому нужен был освобожденный комсорг, которым стала Е. Л. Пашинцева — боевая девушка, которую все ласково называли Катюша, а я стала ее заместителем.

Подростки тогда были основной рабочей силой. После работы в цехах постоянно и дружно вместе с комсомольцами выходили на субботники: пилили дрова для стекольного цеха, копали траншеи под отопительные газовые и канализационные трубы, строили железнодорожную ветку к заводу, дежурили в госпиталях, ухаживая за ранеными.

Про одного из таких подростков — А. Прокопьева, — ставшего потом замечательным настройщиком, кавале-

ром ордена Трудового Красного Знамени, пели частушку, сочиненную опять-таки Е. А. Бабицкой:

Есть у нас Прокопьев Леня.
Было времечко, когда
Подставляли табуретку,
Чтоб достал он до станка...

Таковыми же мальчишками были в те годы П. В. Пинжин и его брат С. В. Пинжин, Р. Е. Бирючевский, С. А. Маковский, В. Ф. Швадленко, А. В. Ауман и другие.

Теперь П. В. Пинжин — начальник экспериментальной мастерской, кавалер ордена Ленина — «золотая голова» и «золотые руки», скромный и беспредельно преданный заводу человек. Он называет завод «своей судьбой». Здесь сложилась и его личная жизнь: на заводе он познакомился с Ветой Владимировной, с которой трудится вместе на родной «Лампочке» уже четыре десятилетия.

На груди Р. Е. Бирючевского — заслуженного рационализатора завода, слесаря высшей квалификации, председателя совета ветеранов завода — ордена Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени.

В. И. Белова, работавшая на заводе с 1941 г., вспоминает, как пришедший из ремесленного училища шестнадцатилетний связист Сеня Маковский, затем возглавивший электромастерскую сборочного цеха, работая дни и ночи, за короткое время установил на заводе 50 телефонов, сам смастерил киноподставку и в короткие минуты отдыха показывал на заводе благодарным зрителям кинофильмы. С. А. Маковский награжден орденом Трудовой Славы III степени.

Любой мог позавидовать упорству В. Ф. Швадленко не только в труде, но и в учебе. Учился, как принято говорить, без отрыва от производства. Теперь он инженер-конструктор на нашем заводе.

Не отстали от мальчишек и бывшие девчонки. Одна из ведущих работниц сборочного цеха, освоившая все операции, П. Д. Шапарь — наставник молодежи, кавалер ордена Ленина. Заслуженный ветеран завода В. А. Анохина, начавшая свою трудовую деятельность учеником настройщика ножечных машин, долгое время работала мастером сборочного цеха. Вместе с ней выросла до мастера и В. П. Мосейко, которая в 14 лет в 1943 г. первой получила звание «Лучший молодой рабочий».

Еще много их — З. Ф. Шабанова, А. Е. Захарова, В. А. Пермитина, Н. В. Солодова, — пришедших во время войны и выбравших «Лампочку» на всю жизнь. Это им посвящена «Былина о заводской девчонке»:

Пошла девчонка завод поднимать,
Пошла девчонка стране помогать...

Поклон им, заводским девчонкам военных лет, низкий, до пояса.

Без преувеличения могу сказать: наработавшись и наголодавшись вволюшку, ни молодежь, ни старшие товарищи не падали духом. Нам нужна была победа, а за ценой мы не стояли.

И, наконец, она пришла — долгожданная, выстрадавшая!

НИКИФОРОВА
ОЛЬГА
ОСИПОВНА

Член КПСС с 1961 г. Родилась в 1909 г. в д. Бучково Сележского района Калининской области в семье крестьянина. После окончания семи классов поступила в школу ФЗО и, получив специальность обмотчицы, начала работать на заводе «Электросила» в Ленинграде. В 1941 г. эвакуирована в Томск, работала на заводе «Сибэлектромотор» обмотчицей в ремонтном цехе № 16 до ухода на пенсию в 1972 г.

В 1960 г. О. О. Никифоровой присвоено звание Героя Социалистического Труда. Она награждена орденом Ленина и многими медалями.

Вырос на пустыре завод

До войны никогда не думала, что стану сибирячкой. А вот осела здесь на всю жизнь. В Томск меня эвакуировали. С 4-м и 7-м цехами ленинградского завода «Электросила»¹, на котором я работала, ехала из Ленинграда с маленькой дочкой в товарном эшелоне для детей с матерями. Путь в неведомую для нас Сибирь был долгим и трудным. Только на восемнадцатый день при-

¹ 20 июля 1941 г. — приказ Наркомата электропромышленности об эвакуации в Томск 4-го и 7-го цехов ленинградского завода «Электросила» им. С. М. Кирова. 10 августа 1941 г. оборудование и рабочие прибыли в Томск (Сибирский электромоторный. Томск, 1978, с. 7, 14. ПАТО, ф. 80, оп. 2, д. 18).

были на станцию Богашево (Томск не мог принять наш эшелон). Здесь паровоз отцепили. Мы выгрузились. Ночевали прямо на траве. Утром пришли подводы из разных колхозов, нас стали распределять по селам. Я с Верой Соболевой попала в Серебряково. Встретили нас там хорошо, хотели подселить в семьи колхозников, но мы не решились стеснять их, нашли пустой дом, пригласили к себе ехавших с нами сестер Апраксиных. Вместе начали новую жизнь.

Каждое утро, чуть свет, вместе с колхозниками, выходили на поля. Шла уборка хлеба, а машин не было, жали хлеб серпами. С непривычки на руках у нас скоро появились кровавые мозоли. Тогда нас перевели на другие работы. И там было не легче, но руки стали подживать.

Потом мы переехали в Томск. На заводе «Сибэлектромотор» меня назначили в цех по ремонту электродвигателей. Я и на «Электросиле» работала ремонтником двигателей, имела уже пятый разряд. Цех наш размещался на двадцати пяти квадратных метрах в помещении бывшей госконюшни на ипподроме. Работала я и на строительстве завода, но недолго. Надо было срочно ремонтировать двигатели, привезенные из Ленинграда.

29 ноября 1941 г. на станцию Томск-I пришел первый эшелон с людьми и оборудованием Ярославского моторного завода, затем подошел еще эшелон. А в середине декабря прибыли люди и оборудование Московского завода им. Лепсе. Из всей этой массы сгруженного на железнодорожной станции оборудования из трех городов надо было в самые короткие сроки создать новый завод.

Многим пришлось переквалифицироваться. Станочницы и обмотчицы стали строителями: делали замесы, возили на тачках бетон, заливали фундамент, возводили стены. Для полов понадобилась щебенка. Ее не оказалось на заводе и в городе. Выход нашли: бригады А. С. Дарагановой, П. Я. Яковлевой, А. К. Кашинской в непогоду, когда шел дождь со снегом, под открытым небом долбили битый слежавшийся кирпич, нагружали тачки и везли на стройку. Завод строился.

Люди напрягали все усилия, чтобы быстрее дать продукцию фронту. И 21 декабря 1941 г. был собран первый стартер. Собрала его бригада И. С. Писарева, скомплектовала детали диспетчер А. В. Борзунова. Этот

день и считается днем рождения завода «Сибэлектромотор».

Трудно было нам на работе, трудно было и дома. Сильно страдали дети. Каждый раз, закончив работу в цехе, мне приходилось идти по вызовам на другие участки, а иногда и на другие заводы. Однажды сгорел двигатель в штамповочном цехе. Это грозило длительным простоем. Подъемных сооружений не было. Вести обмотку в таком состоянии было невероятно трудно, а времени — в обрез.

Я уже отработала 12 часов, когда ко мне подошел главный инженер Забежинский и сказал: «Пока не закончишь ремонт — не уходи». Я это знала, но знала и то, что дома нет ни кусочка хлеба, нет ни одной картошины. Дочка моя сидела голодная. Не было и дров, чтобы разжечь уголь в печи. Кстати, нам тогда выдавали его 100—200 килограммов на месяц. Сама я тоже еле держалась на ногах от голода. И тут не выдержала, по лицу покатались слезы.

Узнав причину моего волнения, Забежинский пошел в столовую, чтобы достать что-нибудь поесть. Но там нашлись только две соленые рыбки. Я съела одну без хлеба, другую оставила дочке. Ушла домой только после того, как закончила ремонт двигателя.

Бывало и так: придешь домой, упадешь на койку, а тут стучится ночной дежурный с завода: нужно срочно отремонтировать двигатель. Встаешь и бежишь. Так, «по тревоге», часто вызывали всех, кто работал со мной.

Выполняли мы заказы не только для своего завода, но и помогали другим предприятиям, сельскому хозяйству. Часто в ремонт попадали так называемые «безымянные» двигатели — не было у них инструкций. Особенно было трудно разобраться в схемах зарубежных моторов. Долго и терпеливо, бывало, ищешь причину, почему мотор вышел из строя. И как радуешься, когда мотор восстановишь и видишь его в работе!

Зимой нас страшно донимал мороз. Я, чтобы руки не прилипали к железу, ставила под стол, на котором ремонтировала моторы, электроплитку. Но она мало грела. Потом нас перевели на главную площадку. И там было не теплей. В некоторых цехах приходилось работать прямо под открытым небом.

Построили деревянную котельную. Но вскоре случилась беда: котельная сгорела. Тогда решили со станции перетащить паровоз. Уложили рельсы, доставили паро-

воз на завод. И он долгое время обогревал цехи, пока не построили новую котельную. Делали сами — всем миром.

Заводу не хватало площадей. На скорую руку построили корпус из досок. В нем было очень холодно. Работать трудно, а мне дали совсем молодых, неопытных обмотчиц. Я обучила их, но еще не настолько, чтобы можно было доверить важный заказ. А тут привезли совсем незнакомую работу: нужно было срочно перемотать якоря к автомобильным моторам. Я постаралась, как могла, объяснить порядок укладки обмотки в пазы. Но не очень была уверена, что выполнят девушки задание хорошо.

Работаю, а сама страшно волнуюсь. Заказ важный и срочный. Несколько раз вызывали к телефону: торопят, спрашивают, когда будут готовы якоря. Я просила позвонить после обеда. Вдруг слышу знакомый голос за спиной: «Надеюсь, ты мне-то скажешь, сколько будет готовых якорей сегодня?» Это был директор Н. А. Быков. «Значит, уж очень срочно надо», — думаю с тревогой. А сама молчу, не знаю, что и сказать. Потом назвала чуть ли не наугад цифру. Но совсем не была уверена, что столько якорей будет сделано. А тут еще от холода изоляция рвется. На сердце тяжело.

На мое счастье, девочки так хорошо трудились, были так внимательны, что все якоря сделали в срок и качественно. Заказ был выполнен, мы получили благодарность. Жаль, забыла имена тех девушек. Как их много прошло через мои руки! И я рада, что труд мой не пропал даром, учение пошло на пользу и людям, и Родине.

Очень трудно было с одеждой. Когда уезжали из Ленинграда, думали, пробудем здесь недолго, теплого ничего не захватили. В демисезонных пальтишках и туфлях в суровые сибирские зимы не проходишь. Пошили стеганые брюки, телогрейки. На ноги — стеганые чулки, а на них — чуни. Так было теплее.

Не думали тогда люди об удобствах, о личном благополучии. Все было подчинено единой цели: помочь быстрее изгнать врага с нашей земли. Можно привести массу примеров настоящего героизма, самопожертвования.

Всем нам на заводе запомнился такой случай: не стало алмазов для резания металлов. Достать в то время их было почти невозможно. Цеху грозил простой, а фронт ждал моторы — на танки, самолеты, подводные лодки.

Искали алмазы на всех заводах, везде, где только было можно. Но — безрезультатно. Об этой беде узнала заведующая центральным комплекточным складом Вера Васильевна Апраксина. Она посоветовалась с сестрой, сходила домой и принесла красивые дорогие серьги, в которых сверкали крупные алмазы. Это была семейная реликвия, хранимая долгие годы. Мастера тут же вынули алмазы и зачеканили в резцы. Цех продолжал работать.

Костяком коллектива были люди, приехавшие с эвакуированным оборудованием из Ленинграда, Москвы, Ярославля. Потом в заводскую семью влились томичи и трудились не менее самоотверженно. Тон задавала партийная организация. В авангарде везде шли коммунисты и комсомольцы.

В январе 1942 г. в цехах и отделах создали партгруппы. Коммунисты — рабочие и мастера — были застрельщиками соревнования, показывали личный пример в труде. Наши стахановцы в те дни: Н. Н. Ансин, А. Н. Андрежиевская, М. П. Быстряков выполняли нормы на 250—300 процентов ежедневно. Мы во всем брали пример с коммунистов. Помню секретаря партгруппы цеха № 8 мастера П. А. Яковлеву, нашу ленинградку. На «Электросиле» она работала с 1927 г. Там освоила специальность обмотчицы, стала мастером. В 1941 г. ее бригада была одной из лучших на строительстве нашего завода.

Помню коммуниста И. А. Старцева — тоже ленинградец. В сентябре 1941 г. мы проводили его на фронт. Ныне его имя увековечено на заводском памятнике воинам, ушедшим на фронт с завода и отдавшим жизнь за Родину.

Григорий Степанович Климук из Ярославля. Уважательный на заводе человек. Почти 60 лет в КПСС, более полувека отдал заводу. Мы часто слушали его выступления на собраниях. Он смело критиковал недостатки, был чутким и внимательным к людям.

Очень хорошо помню секретаря партийного бюро завода А. В. Волкова. Очень добрый, душевный и в то же время требовательный человек. Запомнились мне и руководители нашего завода: А. В. Черняк, Л. Н. Федулов (он в Ленинграде работал заместителем директора «Электросилы»). Очень деловым и требовательным был директор Н. А. Быков. И сменившие их позднее коммунисты были достойными людьми,

Мы брали пример с коммунистов. Вот поэтому и я в 1961 г. связала свою судьбу с Коммунистической партией.

О комсомольцах тоже можно сказать много доброго. По-фронтовому трудились комсомольско-молодежные бригады Симы Жемчужиной, Ядвиги Дмоховской. Гремела слава и бригады Нины Новожиловой. Сейчас она уже на заслуженном отдыхе и фамилия у нее — Осинина. Нина избиралась членом заводского комитета ВЛКСМ, всегда и везде служила примером трудовой доблести и активной работы.

Люба Лобова-Остапенко. Еще будучи комсомольским вожаком, Люба снискала большое уважение не только среди комсомольцев и молодежи — и пожилые рабочие уважали девушку за прямоту, умение вести за собой массы, за инициативу во всех делах. А сколько молодых работниц обучила она своей профессии станочницы!

По-фронтовому трудился коллектив завода в тяжелые годы Великой Отечественной войны. С большим подъемом трудится он и сейчас. Теперь это уже не завод, а производственное объединение, в цехах которого работает новейшее оборудование. Моторы с его маркой идут в шестьдесят стран. На заводе выросли четыре Героя Социалистического Труда. Более 80 процентов продукции выпускается со Знаком качества.

Я счастлива, что скромный труд мой вложен в развитие родного предприятия.

Литературная запись Е. Пономаренко

ФАРСТОВ АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ

Член КПСС с 1946 г. Родился в 1908 г. в Москве в семье рабочего. В 1925 г. окончил фабрично-заводское училище, работал слесарем-инструментальщиком на заводе «Москабель». В 1941 г. вместе с заводом был эвакуирован в Томск, где активно участвовал в становлении завода «Сибкабель». Работал мастером, начальником цеха, председателем завкома. Ветеран труда А. Г. Фарстов продолжает трудиться слесарем в производственном объединении «Сибкабель». Награжден двумя медалями и значком «Отличник социалистического соревнования».

Имя этому — подвиг

Вот уже более 60-ти лет я работаю на кабельном заводе. В далеком 1923 г. привела меня мать на «Москабель», где сама давно трудилась.

В Великую Отечественную войну вместе с заводом эвакуировался в Томск. И здесь на заводе, ставшем «Сибкабелем», а затем производственным объединением «Сибкабель», я работаю до сих пор. Был волочильщиком, эмалировщиком, слесарем, мастером и старшим мастером, начальником цеха, а теперь — снова слесарь. Избирали меня председателем завкома и членом партбюро. И я горд сознанием, что история завода — это моя рабочая биография.

Есть в этой истории страница, особенно ярко высветленная. Это годы войны. Свет самоотверженного (нет, здесь достойно сказать — героического) труда, славы и подвига озаряет эту страницу.

Уже осенью 1941 г. Москва оказался прифронтовым городом. Встал вопрос об эвакуации промышленных предприятий. Заводы «Москабель» и «Электропровод» получили направление в Томск. Из штаба МПВО отозвали на завод «Электропровод» начальника цеха Арфия Никитича Симачева, отказали в записи в народное ополчение бригадиру «Москабеля» Анатолию Ивановичу Шабалову, вернули из окопов слесаря Константина Ивановича Лобанова, сняли с боевой охраны завода комсорга обмоточного цеха Клавдию Ивановну Фадееву...

Многие из тех, кто был назначен в эвакуацию, недоумевали, отказывались: «Что там делать? Когда еще завод там будет? А здесь мы разве лишние?» Часто на предложение ехать в эвакуацию заводчане отвечали: «Хочу на фронт!» Их резонно осаживали: «Фронта без тыла не бывает. Выполняйте приказ военного времени. Поезжайте ставить завод заново».

С болью в сердце расставались москвичи с родным заводом. После мы со смехом вспоминали некоторые сценки времен эвакуации, а тогда это была трагедия. Помню, мастер И. А. Быковский вносил вещи в вагон, а его жена их выбрасывала, с плачем крича: «Никуда я не поеду из Москвы!»

Быстро и споро, часто под бомбежкой, демонтировали оборудование и грузились в железнодорожные вагоны. А оборудование не из легких. Одни сушильно-промывочные котлы весом до 100 тонн. Да и все ведь крепко-накрепко замуровано в бетонные фундаменты. Долбили бетон, вытаскивали станки и машины, в основном, вручную. Транспорт — лошади: все, что с мотором, мобилизовал фронт. Эшелон за эшелон отправляли в далекую Сибирь, в Томск.

Когда теперь я прихожу на партийное собрание в заводской Дом культуры и поднимаюсь по лестнице на второй этаж, то не могу оторвать взгляда от выбоин в мраморных ступенях. Это зарубки истории, следы от станков, которые в декабре 1941 г. и январе 1942 г. мы поднимали на руках, тащили на досках в цех, оборудованный в зале и вестибюле Дома науки имени известного сибирского просветителя П. И. Макушина.

Завод в Доме науки. Такое сочетание в то время получилось, увы, не от тесного содружества науки и производства, а оттого, что другого места для размещения завода не нашлось.

Кроме Дома науки, для заводов «Москабель» и «Электропровод», которые вскоре были объединены в завод «Сибкабель», город выделил здания бывшего суда и мукомольно-элеваторного института. Все предстояло переделывать, приспособлять.

В Москве-то машины стояли на металлических рамах с бетонным основанием. Но здесь на втором или третьем этаже такие фундаменты не соорудишь: провалишься вместе с машинами. Да и не из чего их делать. Где взять железо, бетон? Какие там металлические рамы, когда гвоздей не было!

Решили холодные прессы ставить на деревянные брусья. Дерево нашли. А чем скрепить? Пошел начальник цеха З. Ф. Левин по городу искать кузницу. Нашел на Дальнеключевской. Договорился с кузнецом, что тот выкует из своего железа скобы и костыли.

Значительная часть заводчан была занята на подготовке водопровода и канализации, электроснабжения. Копали траншеи, прокладывали трубы и кабель, на городской электростанции монтировали котел.

Первые железнодорожные составы с оборудованием стали прибывать в конце декабря 1941 г. — начале января 1942 г. Для его перевозки со станции Томск-II требовались транспорт и подъемные механизмы. Ни тем, ни другим завод не располагал. Мало чем мог помочь и город. Правда, из Москвы прибыла своя «полуторка». Шофером этой единственной автомашины была Александра Александровна Никишина (Белова). Возила со станции оборудование, в столовую — картошку, в цехи — строительные и производственные материалы. В 1944 г. Александру вместе с автомашиной мобилизовали на вывозку зерна из «глубинки». Бездорожье, стужа и дождь, а она в пути и день и ночь. Сама молодая — дюжила, а вот машина без отдыха и профилактики ломалась. Случится это в дороге, да еще в ночную пору — и сидит девушка-шофер в глухом лесу, жжет костер, ждет, пока ее спохватятся, узнают, в чем дело, привезут нужную деталь. Самой не отлучиться — в кузове хлеб. Сколько страху натерпелась девчонка! Но заработал у машины мотор — и опять в дорогу. Вот такой был на заводе двужилый шофер.

Но перевезти два завода (110 вагонов оборудования) на одной автомашине было невозможно. Тогда Вокзальный райисполком выделил откуда-то лошадей с санями. Попробовали на них возить — не получается: груз тяжелый, крупногабаритный, не под силу лошадям.

— Вы, люди технической мысли, — обратился к кабельщикам, занятым на перевозке оборудования, начальник цеха А. П. Сурков, — неужели ничего лучшего не придумаете, чем дедовские полозья?

Придумали. Взяли шестиметровые стальные листы, просверлили в них дыры для железных крюков, на крюки нацепили постромки, и получились, как шутили, «ковры-самолеты». Пошел по Большой Вокзальной невиданный транспорт. Впрягшись в перевозочные постромки, тащили станки 15—20 человек, сзади еще почти столько же, упершись руками, ломami, палками, подталкивали этот необычный поезд.

— Эх, залетные! Трогай! Поехали! А ну, надбавь под горку. Само, само катится! — шутил и подбадривал «тягловую силу» мастер Шитиков, сам впрягшийся в постромки.

— Давайте соревноваться на скорость. Кто быстрее, — бросал клич бригадир такелажников Виноградов.

— Вызов принимаем! — отвечал вулканизаторщик Густов и подзадоривал своих коллег по цеху Кузьмину, Барышеву, Тарабакину: — Не выдавай, девчата! Быстрее, еще быстрее!...

В будущем цехи оборудование доставляли в разобранном виде, собирали по памяти, без каких-либо инструкций. Благо монтажом занимались специалисты высокой квалификации, начальники цехов Н. П. Муров, А. П. Сурков, А. С. Гусенкова, З. Ф. Левин, инженеры, мастера и рабочие И. А. Быковский, К. И. Лобанов, Г. И. Каратаев, О. П. Линева, Е. М. Густов, А. В. Кузьмина, Н. П. Виноградов, А. И. Шабалов, П. Ф. Белов и многие другие.

Вдохновляющей и мобилизующей силой в этой огромной и неимоверно тяжелой работе стали коммунисты. Хотя пока их было совсем немного — всего-то 35 человек, — но они взяли на себя всю ответственность за дела завода.

Уже на своем организационном собрании коммунисты приняли решение об усилении массово-политической работы и развитии социалистического соревнования на перевозке и монтаже оборудования. Избранному

партийному бюро поручалось наметить меры, обеспечивающие стахановский труд.

Вопрос о монтаже не сходил с повестки дня собраний. Ускорить его темпы руководство завода обязывали проходившие в то время пленумы и собрания партийного актива Новосибирского обкома и Томского горкома ВКП(б).

Отмечая всю сложность перевозки, монтажа и пуска оборудования в условиях отсутствия механизмов и некомпактности станков и машин, коммунисты завода тем не менее находили выход из создавшегося положения и намечали конкретные сроки пуска цехов.

— Мы начали монтаж, — говорил на собрании главный инженер завода Филькельштейн, — не имея ни одного шведского ключа, ни одного гвоздя. Но мы его ведем. И впредь будем изыскивать инструмент и материалы на месте.

— Нас держит проектирование цехов, — сообщал партийному собранию инженер Сидоров. — Но мы будем, не дожидаясь готовности проекта в целом по цехам, давать чертежи на установку каждой машины.

— Некомплектное оборудование, — докладывала начальник эмаль-цеха Линева, — модернизируем, найдем для этого средства.

Заведующий отделением силового цеха Афанасьев сообщал, что 3 марта 1942 г. сделал первые шесть ездов трактор, выделенный заводу Вокзальным райисполкомом. Но тут же Афанасьев высказывает опасение: дорога ухудшается, значит, возможны и поломки оборудования при перевозке на транспорте. Необходимо форсировать перевозку вручную на железных листах.

Рабочие с готовностью откликаются на призыв коммунистов. На своих собраниях они берут обязательства: к 10—15 апреля 1942 г. перевезти все оборудование.

Но еще предстояло решить проблему снабжения завода паром и водой. Водопровод в этот район был проведен ранее, однако воды не хватало даже для бытовых нужд. Рядом с заводом находилось Белое озеро. Оно питалось подземными ключами. Жаль было томичам озера — этой жемчужины города, но делать нечего — война. И не такими ценностями для победы приходилось поступаться. Стали брать воду из Белого озера. Чтобы не вычерпать ее всю, впервые в томской практике пропущенную через станки воду стали остужать и вновь пускать в дело. Однако воды все-таки не хватало.

Решили бурить скважины. А место высокое — гора. Углубились до восьмидесяти метров, но дошли до воды. Эксплуатация скважин получилась трудной. То и дело случался обрыв труб.

С паром, без которого кабельное производство немислимо, дело обстояло сложнее. Надо бы строить котельную, но ни материалов, ни времени на то никто не отпускал. Пар нужен был немедленно. Выход из положения подсказал пример городской электростанции, где вместо стационарных котлов эксплуатировались паровозы. Обратились к железнодорожникам. Те предложили списанный в металлолом паровоз, котел которого еще можно было эксплуатировать. Но как паровоз доставить? От станции Томск-II до завода два с половиной километра. А линии нет.

Решили катить по уличной дороге. Изготовили несколько звеньев рельсов на шпалах. Сначала паровоз толкали по одному звену, потом подкладывали другое. И так, меняя звенья, метр за метром продвигали паровоз по дороге к заводу. Очень трудная это была работа. Целый месяц тянули паровоз, по существу на себе. А потом — и другой. Но пригнали паровозы на территорию завода, запустили котлы — пошел животворный пар.

В Томск нас, москвичей, приехало не так уж много. Всего около 300 человек. Но это были люди, на всю жизнь сроднившиеся с заводом. Глубоко уважают в нашем коллективе Татьяну Кондратьевну Волкову, начавшую свою трудовую биографию в 1929 г. на заводе «Москабель» курьером, ставшую там специалистом высокого класса по производству эмалированных проводов. В Томск она приехала с четырнадцатилетней дочерью Ольгой, которая как пришла на завод в начале 1942 г., так до сих пор и работает. Она слесарь в центральной заводской лаборатории.

Муж Ольги Сергеевны, Ф. Т. Шкредов, — фронтовик. Воевал в Сталинграде, был ранен. Дальнейшая его жизнь тоже неразрывно связана с нашим заводом, на котором он ныне работает электриком. И дочь Шкредовых Татьяна после техникума пришла на завод, сын Сергей тоже здесь, в ОТК монтером.

— Мы с женой, — сказал на одном из вечеров трудовой славы Ф. Т. Шкредов, — довольны своими детьми. Вышли они у нас в люди. А как же! Раз стали рабочими — значит, настоящие люди.

Группа передовых рабочих завода «Сибэлектромотор». Первая справа А. В. Новожилова (Борзунова), диспетчер, подбиравшая детали к первому стартеру для танка Т-34. Фото 1943 г.

Д. Л. Чугунова, слесарь, член партии, в 1941 г. с заводом «Электросила» прибыла в Томск и до сих пор работает на «Сибэлектромоторе». Фото 1942 г.

А. И. Кладухина, штамповщица, становка завода «Сибэлектромотор». Фото 1943 г.

Группа ветеранов-первостроителей завода, прибывших в Томск в 1941 г. с ленинградского завода «Электросила». В центре А. В. Черняк, первый директор завода «Сибэлектромотор». Фото 1956 г.

Завод «Сибэлектромотор».

Герой Социалистического Труда О. О. Никифорова за обмоткой статора на Ленинском субботнике. Фото 1975 г.

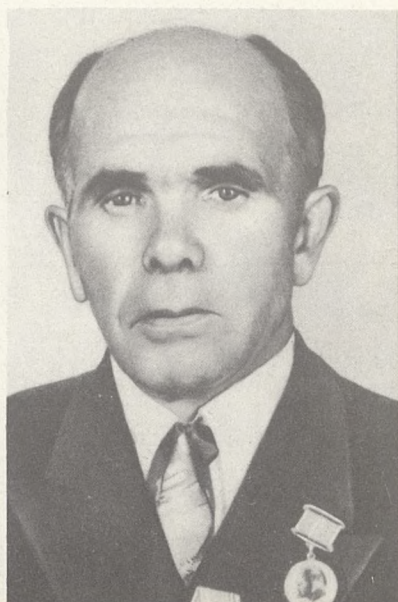

Ветераны-подшипниковцы, в 1941 г. вставшие в форме РУ к станкам завода.
Фото 1981 г.

В. Я. Кузин (фото 1941 г.). Ныне лучший слесарь и наставник молодежи подшипникового завода.

Н. И. Радченко (фото 1980 г.). Бывший ремесленник и передовой рабочий подшипникового завода.

Группа ветеранов Томского электротехнического завода (фото 1967 г.), прибывших из Москвы в 1942 г.

Трудящиеся г. Томска на строительстве новой электростанции. Фото 1943 г.

Кто-то подсчитал, что семья Волковой — Шкредовых только на «Сибкабеле» имеет 100 лет трудового стажа. Славная семья!

Глава трудовой семьи Быковских, Илья Алексеевич, пришел на «Москабель» в 1925 г. Учился профессии перемотчика, стал бригадиром, потом мастером, а затем, уже в Томске, — начальником цеха. Жена его, Варвара Александровна, на «Москабель» тоже пришла совсем молодой и на пенсию ушла с «Сибкабеля». Всю жизнь в эмаль-цехе варила лак, эмалировала провода. И успевала растить детей. Старший ее сын, Юрий Ильич, более тридцати лет трудится на заводе. Теперь он заместитель начальника волоочильного цеха. Сноха Быковских — Мария Ивановна — с военных лет в эмаль-цехе, работает старшим мастером.

Вместе со мной московскую прописку на томскую сменили моя мать и сестра. И дети наши теперь трудятся на родном заводе.

Славным рабочим династиям положили начало и другие московские семьи кабельщиков.

Завод начал производить кабельную продукцию, даже и наполовину не закончив монтажа. Первую выпустил в апреле 1942 г.: 10 килограммов эмаль-проводов. Бережно, на руках вынесли эти провода из цеха. Мне, как мастеру, довелось подписать первую накладную об отправке их на авиационный завод...

Несмотря на реконструкцию зданий, полученных для завода, они оставались мало приспособленными для производства. Часть волоочильного оборудования, травильное отделение, ретортная печь и сигарная машина размещались в неотапливаемой надворной постройке по переулку Макушина. Один из первых волоочильщиков нового завода, А. И. Шабалов, вспоминает:

— Помещение было очень холодное, эмульсия замерзала, на машинах — лед. Ретортная печь работала на мазуте. К концу смены так надышишься угарным газом — голова лопается...

В эмаль-цехе из-за отсутствия вентиляции помещение наполнялось дымом и испарениями лака. Разъедало глаза, забивало легкие. В не намного лучших условиях находились и другие цехи. Холодно зимой было повсеместно, работали в телогрейках. Много было тяжелого физического труда. Например, в подвале Дома науки варили лак и на второй этаж, в цех, таскали его ведрами. В кабельном цехе барабаны весом до 100 кг ра-

бочие катали вручную. А катать приходилось из подвала и обратно по лестнице. Но кабельная продукция была нужна для фронта и страны как нити жизни, и люди работали. И как работали!

В ноябре 1942 г. Томский горком информировал Новосибирский обком ВКП(б), что на «Сибкабеле» цех № 7, где работает исключительно молодежь, встал на стахановскую вахту до конца месяца. В результате смена мастера комсомолки Томсон выполнила месячный план на 120 процентов 20 ноября. Слесарь-наладчик комсомолец Болтовский обязался работать подряд две смены, чтобы заменить заболевшего товарища. Свое обязательство Болтовский выполнил.

Среди кабельщиков широко развернулось движение за стахановский труд. К концу 1942 г. на заводе больше 200 человек имели почетное звание стахановцев, 35 стали многостаночниками.

На одном из партийных собраний решили: коммунисты не уходят из цеха, пока не будет выполнено суточное задание. На другом собрании, учитывая, что для машин нет бензина, а лошади измождены, коммунисты постановили провода и кабели доставить к вагонам на себе.

Партийная организация завода строго контролировала производственные дела, проявляя настоящую заботу о соблюдении плановой дисциплины. О планах ежемесячно шла речь на заседаниях партбюро, собраниях коммунистов и партийно-хозяйственного актива.

Помню, в январе 1943 г. коммунисты были обеспокоены выполнением месячного плана. На собрании говорили, что не хватает тары, транспорта и людей для доставки материалов. Испытательная станция проводов и кабелей перегружена, для изготовления барабанов и тары нет пиломатериалов. И тут же предлагали конкретные меры, как выйти из создавшегося положения.

Начальник нашего эмаль-цеха О. П. Линева считала необходимым для подвозки материалов в резиноделательный цех создать специальную бригаду. Людей для нее она обязывалась выделить. Начальник отдела снабжения Мовшович заверил собрание, что пиломатериалы для тарного цеха сегодня же доставит. Начальник производства Клебанов заявил, что к концу дня будут пересмотрены суточные графики.

Конечно, без всесторонней помощи томичей мы, «москвичи», одни не поставили бы завод на новом ме-

сте, не дали бы продукцию фронту. В первые же дни в цехи начало поступать пополнение. Многие женщины, проводив мужей на фронт, становились к станкам. Пришла на завод домохозяйка Е. И. Ерохина. Сначала была подсобницей, потом освоила специальность электромонтера. И когда вернулся с войны ее муж, Герой Советского Союза А. К. Ерохин, и тогда Елена Ильинична не оставила работу.

Кабельный завод стал родным для ее дочери Нины и сына Владимира. Нина Александровна (Козловская) здесь выросла до главного инженера и была выдвинута на партийную работу. Владимир Александрович, начав трудовую деятельность учеником электромонтера, стал руководителем первой на заводе бригады коммунистического труда, ныне работает энергетиком цеха.

Домохозяйкой была и Е. Я. Минаева, а на заводе стала одной из лучших обмотчиц, выполнявшей по две с половиной нормы.

Комсомолка Александра Кузнецова, придя в эмальцех ученицей, вскоре возглавила бригаду, а потом ей доверили должность сменного мастера.

Большая группа томских ребят 13—14-ти лет пришла учениками токарей в тарный цех. Как фронтовое задание восприняли свою работу по изготовлению катушек и барабанов для проводов и кабелей рабочие еще пионерского возраста. Их бригада так и называлась — фронтовая. Первым ее бригадиром стал Саша Андреев, впоследствии начальник самого крупного цеха — шахтных кабелей.

Это был замечательный парень, отличный работник. На заводе до сих пор помнят, как Саша посрамил новоизобретенный автомат, на котором точили шейки катушек. Автомат в смену точил 600 штук, а Саша на станке выдал рекордную выработку — 800 штук!

— Зачем мне такая техника, — сказал начальник цеха, — когда мальчик дает ей двести очков вперед?

В других цехах тоже было много подростков. Но большинство их уже вскорости, благодаря огромному энтузиазму и великому патриотизму (ведь помогали победить Красной Армии!), проявили себя как отличные рабочие.

15-летняя комсомолка-сплетчица Оля Орехова, ее сверстницы — тянульщица Зина Тушкина, обмотчица Лена Зазина — первыми в цехе стали работать на двух станках. Стахановцами с творческой жилкой проявили

себя юные эмалировщики Клара Волобуева, Фрося Воробьева, Аня Шундяева, Аня Макарова, Нина Лазарева, Маша Иванова, Валя Шишкина, начавшие обслуживать на станках по 40 и более ходов вместо 20 и самостоятельно ремонтировавшие свою технику.

Замечательных специалистов, слесарей высокой квалификации, выпестовал из подростков Васи Кузнецова, Толи Баженова, Вити Каштанова, Васи Кочетова механик К. И. Лобанов.

Всем было трудно, а каково ребятам, у которых война отняла детство! Было не только не до игр — выспаться бы! Ведь они наравне со взрослыми работали по 12 часов. А питание?.. До сих пор помню слова мальчика-слесаря, жевавшего кусок своего пайкового хлеба и с сожалением посматривавшего на катастрофически убывающие его размеры: «Кажется, никогда в жизни не наемся».

Тяжкое было время. Но и героическое, время небывалых трудных свершений славных бойцов тыла...

Около 20000 километров кабелей и электропроводов сделали томские кабельщики за военные годы. За самоотверженный труд во время Великой Отечественной войны 465 работников завода награждены орденами и медалями.

Литературная запись Л. Селиванова

САЛИЙ ВАСИЛИЙ ВЛАСОВИЧ

Родился в 1925 г. в с. Гунча Винницкой области в крестьянской семье. Шести лет остался сиротой и воспитывался в детском доме.

В 1940 г. поступил в ремесленное училище, вместе с которым эвакуировался в Томск. С декабря 1941 г. стал работать токарем на Пятом государственном подшипниковом заводе. В 1953 г. окончил машиностроительный техникум и последовательно работал сменным, старшим мастером и инженером инструментального цеха.

Василий Власович — ветеран автомобильной промышленности, награжден тремя медалями.

Мальчишки военных лет

Нас было более трехсот — учащихся ремесленных училищ Одессы и села Заболотного Винницкой области, бывших детдомовцев, прибывших в Томск.

...Раннее морозное утро. Поезд подошел к небольшому деревянному зданию вокзала Томск-II. Позади занятая врагом Украина, Уфа, Челябинск, Петропавловск, Омск, Новосибирск, долгие месяцы скитаний. Первое знакомство с Сибирью оказалось не из приятных: только вышли из вагона, как щеки и руки обожгло морозом, холодный ветер забрался под нашу довольно легкую одежду.

Было это 27 ноября 1941 г. Разместили нас в помещениях бывшего изолятора на улице Вокзальной. Позднее перевели в небольшое каменное здание, на скорую руку приспособленное под общежитие (теперь в нем размещается столовая ГПТУ № 2), сказали, что будем учиться в ремесленном училище при подшипниковом заводе. Все обучение, по существу, проходило в цехах.

...Эвакуированный из Москвы подшипниковый завод был размещен в зданиях конюшен и гаражей. Зимой стены цехов украшались замысловатыми узорами инея, в лед превращалась охлаждавшая обрабатываемую деталь эмульсия.

Нас, подростков, закрепили за опытными рабочими. Большую помощь и поддержку оказали нам москвичи, специалисты разных профессий. Среди них были и поныне работающие на ГПЗ-5 Б. М. Беленький, М. И. Осипов, З. Д. Мурашкина, А. Н. Семенов, П. И. Семенов, А. Е. Сергунин, В. И. Фролов и многие другие.

Праздником на заводе был день, когда выпустили первый томский подшипник. Радостная весть об этом облетела все цехи. Но не было времени на многолюдные митинги и парадные речи, каждая минута была бесценна. Уже до конца 1941 г. завод выдал более тридцати тысяч подшипников.

Трудились мы наравне со взрослыми. Тяжело было выстоять у станка рабочую смену, а часто работать приходилось и дольше. Казалось, к концу дня не оставалось сил на то, чтобы добраться до нар и забыться крепким сном. Но... молодость брала свое.

Из имевшихся в общежитии двух печек топилась одна. Место вблизи нее в вечернее время часто превращалось в агитплощадку. Здесь проводили политинформации, выступали наши доморощенные артисты. В кузнечном цехе работали два паренька — Гриша Неведомый и Володя Остапкин, им дали клички «Дед» и «Тяпа». «Дед» хорошо играл на ложках, деревянных чурках и плясал. «Тяпа» отлично владел гитарой.

Запомнился мне один из вечеров. Кто-то из ребят громко читал опубликованный в «Комсомольской правде» рассказ «Таня» о Зое Космодемьянской. На следующий день многие из тех, кто еще не были комсомольцами, подали заявления с просьбой принять в ряды ВЛКСМ.

Наш завод неоднократно вставал на трудовую фронтную вахту. Создавались комсомольско-молодежные

бригады, ширилось движение многостаночников и «тысячников» — за выполнение десяти норм в смену. По итогам работы лучшим бригадам присваивались звания «гвардейских», «фронтовых», «лунинских».

Теперь, десятки лет спустя, с глубокой признательностью вспоминаю я наших наставников, тех, кто помог нам, сиротам, овладеть мастерством, подняться вровень с кадровыми рабочими, стать уважаемыми людьми.

В инструментальном цехе работал шлифовщиком А. М. Клигман. Это был очень аккуратный, дисциплинированный человек, внимательный и отзывчивый, специалист высокой квалификации. Продолжительное время его избирали членом цехового, а затем заводского комитетов профсоюза. Мы каждое утро ждали его появления в надежде услышать новости о делах на фронте. Рассказывал он живо, интересно и всегда связывал свою информацию с нашими задачами. Негласно коллектив цеха считал его своим агитатором. От него мы, правда с большим запозданием, узнали о том, что фашисты заняли Одессу. Андрей Сикольчук из училища с Заболотного зло бросил:

— Враги в Одессе! Чего же мы стоим? Чего ждем? Работать надо!

Все молча разошлись по своим местам.

Выдавая этому парнишке задание на смену, старший мастер отделения холодильных штампов болгарин А. Г. Димитров написал на чертеже:

«Милый Андруша, ставь немцам шпилки в колеса! Каждый выполненный тобою процент нормы убьет по одному фашисту. Желаю тебе успеха!» (После войны А. Г. Димитров уехал на родину.)

В конце смены «боевой листок» поздравил Андрея Сикольчука с выполнением нормы на 187 процентов. Много раз (нас, пятнадцатилетних, он был постарше) ходил Андрей в военкомат и наконец добился — его зачислили в Сибирскую добровольческую дивизию. Он погиб, защищая Родину. Много лет спустя я разыскал его мать. Она молча слушала мой рассказ о том, как мы жили в Томске, учились в ремесленном училище. Обняв меня и заплакав, сказала: «Я помню его ребенком, теперь он уже был бы таким же большим, как ты».

Вместе с Андреем ушел на фронт еще один наш товарищ по детскому дому и ремесленному училищу, Василий Антоневиц, и молоденькая табельщица,

В этом же цехе работал токарем 25-летний парень Юрий Михайлович Кашутский. Умница, весельчак и балагур. К «малышам», так звали ремесленников, он проявлял живой интерес и с большим желанием взялся возглавить комсомольско-молодежную бригаду. Своих подопечных Юрий Михайлович научил работать быстро и без брака. Остановившаяся в обеденный перерыв свой станок, он произносил:

— Прошло время работы, настал потехи час...

С собой у него всегда была гитара. Под ее аккомпанемент Юра пел народные песни. Все мы охотно подпевали ему. Пересыпая песни былями и небылицами, Кашутский вызывал смех, снимал у людей усталость, возвращал им силы. Забывался холод и голод. В его повседневных импровизированных концертах участвовали старые и молодые. Кончались они обычно серьезными словами Юры:

— Потехи час закончен, продлим работу,— и он включал станок.

Вместе с нами приехал на завод Коля Радченко. Его направили в электроцех. Впрочем, цеха-то еще не существовало. Было небольшое вросшее в землю и засыпанное снегом помещение бывшего склада. Здесь «колдовали» над оборудованием несколько человек. Робко переступившего порог Колю встретили не очень приветливо:

— Вот это трудовая единица! Вот это сила к нам пожаловала!

Но и шутники были не намного старше Радченко. К Николаю подошел парень и отрекомендовался:

— Я бригадир, Иванов Евгений Андреевич. А ты что умеешь делать?

— Я еще в училище мог изготовить зубило, кронциркуль, нутромер, плоскогубцы,— ответил Радченко.

— Ну, тогда принимайся за дело!

Первая самостоятельная работа подростка вызвала одобрение всех. Так началась трудовая биография Николая Ивановича Радченко, ныне ветерана автомобильной промышленности и ГПЗ-5, кавалера ордена Ленина. Работал он быстро, без брака. Его часто хвалили, а вскоре премировали орденом на ватные брюки. Товарищи избрали его делегатом на первый городской слет молодых рабочих.

...Володю Кузина на заводе определили в шлифо-

вальный цех. Ни желания, ни согласия не спрашивали. Пришел начальник цеха И. Б. Аносов и зачитал список. Бригадир Иван Есичев и механик цеха Алексей Алексеевич Просвирин сразу же увели ребят на участок, где стояло много неустановленных станков. Так Володе пришлось расстаться с мечтой получить специальность моториста и учиться профессии слесаря-ремонтника промышленного оборудования.

Механик и бригадир знакомство с ребятами начали с беседы. Алексей Алексеевич, человек большой души, рассказал ребятам о себе, о трудной дороге из Москвы в Томск, о том, что значит завод для страны, какие задачи стоят перед коллективом цеха. Ради великого дела, говорил он, нужно в ближайшие дни установить и запустить все станки. Назвав каждого из ребят по имени, он закончил беседу такими словами: «Я надеюсь на вас и думаю, что вы нам в этом поможете. А как это делать,— вас научит бригадир».

Володю послали помогать слесарям, которые старались запустить остановившийся станок. Как ни бились над станком, он упрямо не подчинялся воле людей. Задерживалась шлифовка колец подшипников для танков. В цех пришел главный инженер завода С. В. Пинегин, надел халат и стал работать вместе со слесарями. Почти трое суток, не выходя из цеха, два слесаря, главный инженер завода и их помощник Володя Кузин трудились, чтоб запустить капризный станок. И, наконец, он заработал, кольца пошли.

Уставший и довольный этим трудным успехом, Володя присел в сторонке и сразу уснул под мирный стук колец, падавших в железную тару. Будить его не стали. Главный инженер сказал: «Дайте парню часика полтора отдохнуть и отправьте в общежитие. Завтра пусть отсыпается». Так состоялось «боевое крещение» паренька на ГПЗ-5.

Недолго Володя Кузин оставался у слесарей «помощником по мелочам». Рабочих рук не хватало, и ему поручили самостоятельно отремонтировать станок типа «ХПС». С большой ответственностью отнесся он к делу, приложил все свое старание. Принимая работу, бригадир в присутствии слесарей заявил, что качество ремонта заслуживает высокой оценки.

Было в Володе великое богатство, которое делает человека настоящим творцом,— трудолюбие, любозна-

тельность, умение смело браться за любое дело, уверенность и способность доводить до конца самую трудную работу. Эти качества подметили в нем и механик и бригадир. Ему поручили отремонтировать внутришлифовальный станок модели «Карл Юнг». Володя знал, что это не «ХПС», что это система из множества мелких деталей с техническими хитростями. Но за работу взялся.

Узел за узлом разобрал Володя маленький «Юнг», изучил устройство и взаимодействие деталей, выяснил дефекты. Где шабрил, где шлифовал, где заменил старую деталь на новую, где подтягивал, где подкручивал... И когда станок был собран и опробован в работе, механик и бригадир убедились, что их «ремесленник» — вполне квалифицированный слесарь-ремонтник. Его успех отметили приказом по цеху и премировали орденом на белье.

В августе 1942 г. Володя закончил училище. Квалификационная комиссия присвоила ему шестой разряд. Дирекция училища предложила выпускнику остаться мастером производственного обучения. Но сам Володя решил работать в цехе, где он познал радость и величие труда, в коллективе, который стал для него близким и родным. Здесь семнадцатилетнего комсомольца назначили бригадиром той бригады, в которой он начинал свою трудовую биографию.

Со своей бригадой он без выходных и праздничных дней нес фронтową вахту, не считаясь со временем, ремонтировал станки различных моделей не только отечественного производства, но и зарубежных фирм. По примеру своих учителей — бригадира Есичева и механика Просвирина — он щедро делился тем, что знал и умел, с новичками. Добрым словом своего молодого наставника вспоминают Семен Кульменев, Василий Драгун, Федор Хасанов, Борис Ситников, Леонид Иванов и многие другие.

Самоотверженный труд поднял Владимира Кузина до высоты лучшего молодого рабочего завода. Его не раз избирали делегатом районных, городских, областных слетов молодых передовиков производства, отмечали почетными грамотами и другими наградами. А спустя годы за свой трудовой подвиг Владимир Яковлевич Кузин был награжден высшей государственной наградой СССР — орденом Ленина.

Много писали, пишут и будут писать о том, что вы-

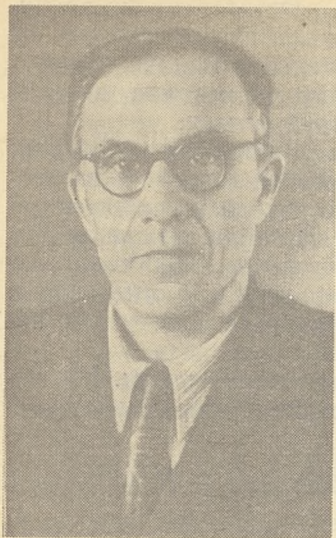
пало на долю советских людей в Отечественную войну. Но никакими словами нельзя выразить те чувства, ту готовность каждого в ту пору помочь Родине. Велики заслуги фронтовиков, но из одного металла вылиты ордена за ратные подвиги и за труд в тылу.

Когда началось формирование Сибирской добровольческой дивизии, заявления с просьбой зачислить в ее состав подали почти все работники завода и учащиеся ремесленного. Многих зачислили. Погибли, защищая Родину, директор училища И. И. Кузнецов, наши товарищи Андрей Сикольчук, Василий Антоневи́ч и многие другие.

Прошло три длинных военных года. Наступила последняя военная весна.

Весть о победе дошла к нам ранним утром. Мы вышли на улицу. За всю свою историю Томск не видел такой демонстрации...

Литературная обработка С. Поздняковой.

**ЦЕХАНОВСКИЙ
АЛЕКСАНДР
ИВАНОВИЧ
(1901—1984)**

Член партии с 1941 г. Родился в 1901 г. в Нижнеубинске, в семье рабочего-железнодорожника. Трудовой путь начал в 1917 г. телефонистом. В 1927 г. окончил 1-й Сибирский политехникум имени К. А. Тимирязева в Томске. Затем работал таксатором в лесоустроительных партиях на Алтае. С 1929 г. по 1942 г. был помощником лесничего, заведующим опытной частью, техноруком, заместителем директора и директором Тимирязевского учебно-опытного леспромхоза. В 1942 г. ушел добровольцем в Сибирскую дивизию. После демобилизации из армии (1945 г.) до 1972 г. работал начальником Тимирязевского лесопункта, а затем главным инженером Тимирязевского леспромхоза.

Лауреат Государственной премии СССР, награжден орденами Красной Звезды и Трудового Красного Знамени, десятью медалями, значком «За сбережение и приумножение лесных богатств РСФСР». С 1963 г. — почетный член научно-технического общества лесной промышленности и лесного хозяйства СССР. С 1972 г. находился на пенсии, вел большую общественную работу.

И лес — оружие победы

Как только известие о войне облетело поселок, к леспромхозной конторе стал стекаться народ. Здесь состоялся многолюдный митинг. С возмущением клеймили захватчиков, поклялись отдать все силы на борьбу с фашизмом. И никто, пожалуй, не представлял себе, какой затяжной и тяжелой будет эта война.

Пошли в поселок повестки — многих работников нашего леспромхоза мобилизовали на фронт. Почти каждую группу провожал я до берега Томи, до лодок, и так же, пешком, возвращался. А рабочие наши переправлялись на ту сторону, в город, и становились солдатами.

Я работал директором Тимирязевского учебно-опытного леспромхоза и был, как говорили тогда, «под бронью». Фронту нужен был крепкий, жизнеспособный тыл, тем более что сообщения Совинформбюро приносили тревожные вести об отступлении и оставленных городах. Стало ясно: победа будет неблизкой и нелегкой.

Из первого военного лета особо помнится перевод на военные рельсы цеха ширпотреба. Был у нас такой: до войны делали там мебель, домашнюю утварь, дощечки для ящиков под махорку. И вот из этого цеха надо было создать мастерскую по производству лыж. Ничего нет — ни оборудования, ни опыта. Переоборудовали станки столярного цеха. Сколько изобретательности рабочие проявили, сколько приложили умения, рационализаторской мысли!.. Был такой трудовой подъем, что никто не считался со временем. Много сил отдал этой реконструкции технорук леспромхоза Александр Васильевич Сонин. Не хватало рабочих, пришлось возвращать стариков, вовлекать в производство подростков, женщин, учить их работать на станках. А где перенять опыт изготовления лыж? Подобных производств у нас в области не было. Тут помогли работники Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта (он как раз был эвакуирован в Томск).

Преодолев эти разнообразные трудности, наша мастерская уже в конце лета стала выпускать продукцию — лыжи для воинских частей, которые формировались в Томске для отправки на фронт.

Лыжный брусok поставляли нам другие предприятия треста «Томлес». К этому сортименту требования предъявлялись высокие. Одно из главных — дерево не должно побывать в воде. Поэтому лесосплав исключался. С низовьев Оби везли брусok на баржах. Трудоемкое дело, но никогда не было срывов — заготовка для лыж шла в мастерскую постоянно.

Электроснабжение было тоже свое, с дизельной станции. Берегли ее как зеницу ока.

Скоро в лыжной мастерской появились свои передовики — Алексей Давыденко, Мария Тимофеева, Анастасия Ковалева. Вообще, женщины заменили своих мужей,

братьев и отцов почти на всех участках производства. К началу зимы переполнился детский сад поселка: те, кто раньше сидел с детьми дома, тоже пошли работать. Да и откуда еще было черпать резервы?! Женщины работали и в небольшой пимокатной мастерской, созданной в леспромхозе. Катали валенки для бойцов Красной Армии.

Весь коллектив леспромхоза жил одним желанием — сделать больше и лучше, дать все необходимое, что в его силах, для победы над врагом.

Вспоминается митинг, который я проводил. Он посвящен был докладу Председателя ГКО И. В. Сталина на торжественном заседании 6 ноября 1941 г. Участники митинга приняли обязательства: работать еще напряженнее, все силы подчинить интересам разгрома врага, экономно расходовать сырье и материалы, изжить простои оборудования, уплотнить рабочий день, перевыполнять нормы выработки.

Коллективы с честью выполняли взятые на митинге обязательства. «Не сделал нормы — не уходи» — под таким девизом работали люди. Постоянно перевыполняли задания лесорубы Павел Давыденко, Александр Тихонов, Яков Тимофеев и его сын Егор, Тимофей Шутов, Яков Шаманаев и многие другие. Они делали нередко по две нормы в смену.

До войны Филимон Фатеевич Тарунин был мастером. С первых военных дней, продолжая выполнять обязанности мастера, перешел на валку леса и показал товарищам пример в труде. Высокой производительности добились в лыжном цехе столяры Петр Петров и Александр Репин.

Трудные проблемы заставила решать война производителей. Не было горючего, не было запасных частей. Можно очень долго перечислять, чего не было. Часто выручала рабочая сметка. Деталей для мирных машин не хватало, и кое-какие механизмы перевели в леспромхозе на деревянные подшипники. И они работали! А горючим для грузовых машин стали чурочки.

Население поселка, как могло, оказывало помощь армии: в фонд обороны шли деньги, облигации, драгоценности. Школьники собирали металлолом, а летом — лекарственные растения, которые передавали в военные госпитали.

С ушедшими на фронт нашими лесорубами мы поддерживали постоянную связь. Помню, как отправляли

землякам посылки с теплой одеждой. Старались заботиться и о их семьях: помогали вспахать огород, вывезти сено, дрова, сделать ремонт...

Леса война требовала много. Все в жизни взаимосвязано, но порой так, что связи не сразу увидишь. Судите сами: фронту нужен металл. Это понятно: танки, орудия, снаряды. Для выплавки металла нужен каменный уголь. А для добычи угля — крепежный лес в шахты, так называемая рудничная стойка. Этот крайне необходимый лесоматериал мы заготавливали и бесперебойно отгружали шахтерам Кузбасса.

Но вот этой бесперебойности добиться — ох как нелегко. До зимы лес доставляли на нижний склад, к Томи, и по течению реки сплавляли к Черемошникам, на лесоперевалочный комбинат. Пришла зима — Томь застыла. Что делать? Возить не на чем — лошадей мало. Стали искать выход. И нашли. Родилась идея зимнего сплава. Прорубили во льду лоток метра в два шириной. Подвозили к реке крепежный лес, сталкивали в воду. Люди шли вдоль лотка с баграми и подталкивали бревна по течению. Лоток вел на ту сторону. Зима стояла суровая, морозы бывали жуткие — лоток, конечно, перемерзал. Тогда выходили на помощь томские студенты, рабочие других предприятий и рубили лед. И снова действовал наш зимний сплав. Такая вот была форма доставки леса. А там уж на железнодорожные платформы — и в Кузбасс.

Требовали древесину и авиастроительные заводы, тут нужна была специальная, особо высокого качества сосна, ее так и звали: «авиационная». На гектаре леса едва отыщешь несколько деревьев, отвечающих всем требованиям. Там должно быть и определенное количество слоев на сантиметр, и ограниченное число сучьев. Всякий признак гнили, конечно, исключался. Сначала разыскивали такие деревья, метили их. Потом подбирались к ним лесорубы, срезали, вытаскивали. И это зимой, в морозы...

Такая же качественная — но уже березовая — древесина нужна была для ружейной болванки, из которой делали приклады автоматов, ложи винтовок. Тесали болванки женщины и старики. Заготовки эти отправлялись на оружейные заводы.

Более трехсот человек из Тимирязевского ушли на фронт (больше половины из них не вернулись). Многие обращались в партийные, советские органы, в военкомат

с просьбой направить их в Действующую армию добровольцами.

В июне — июле 1942 г. по инициативе трудящихся Западной Сибири формировалась Сибирская добровольческая дивизия. В нее вступили добровольцами секретарь нашей парторганизации Н. К. Печенкин, я и еще ряд товарищей из лесных предприятий. В составе Томского добровольческого арtpолка, ставшего на фронте 48-м гвардейским, мы воевали на Калининском, Западном, 2-м Прибалтийском фронтах и закончили войну в Курляндии, на берегу Балтийского моря.

Как работает леспромхоз, я узнавал из писем. Да и так постоянно мысль возвращалась к дому, к родному коллективу. Получаешь автомат ППШ и думаешь: а дерево-то, может быть, наше, тимиразевское. И как-то теплее станет на душе. Идет по фронтовой дороге лыжный батальон, а у тебя мелькнет в голове: а не на наших ли томских лыжах идут солдаты?

И лес встречался на фронтовом пути все эти годы. Видел порушенные снарядами боры и рощи, и до боли сжималось сердце. Приходилось и самим валить лес на лежневки, так похожие на наши мирные. Только здесь по ним шли танки, тягачи с пушками. Рубили лес и на блиндажи, в несколько накатов. Жалко порой было, отмечаешь про себя: первосортная древесина. А что поде-лаешь — надо! Верно служил лес фронту, советскому солдату. Можно сказать, он был тоже оружием Победы.

После войны я вернулся в свой леспромхоз и работал там до ухода на пенсию. Немало слышал, как трудились заготовители в военные годы. Но наиболее полно оценить вклад тружеников леса в разгром врага мне помогла работа над созданием музея лесной промышленности и лесного хозяйства. Вот когда во всей значимости увиделось сделанное нашими лесозаготовителями ради Победы!

С 1941 по 1945 гг. в области было заготовлено более семи миллионов кубометров древесины, из них пять миллионов — деловой. Значительную часть этой деловой древесины составляли особо ценные, специальные сортаменты: авиационная сосна, судостроительный лес, рудничная стойка, шпальник, пиловочник. Много область поставляла березовой древесины высокого качества — из нее делались ружейная болванка, лыжный брусok. В годы войны лесные предприятия области заготовили бе-

резового спецсырья около 60 процентов от произведенного в стране.

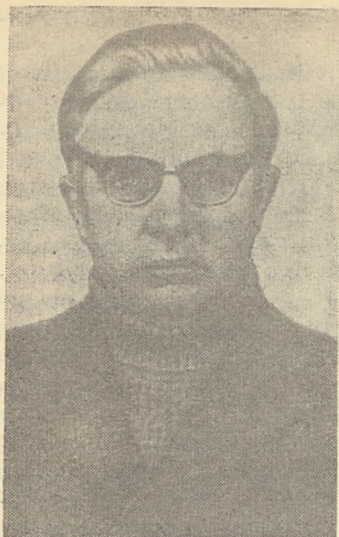
Важное значение имели проводившиеся в области работы научно-исследовательского характера по получению и применению горючего из древесных смол. Руководили этой работой профессор Б. В. Тронов, главный инженер треста «Томлес» С. П. Персидский и начальник производственно-технического отдела треста Г. В. Крылов (ныне доктор биологических наук, профессор). Результаты исследований прошли всестороннюю экспериментальную проверку на двигателях внутреннего сгорания различных типов. И двигатели заработали! В годы, когда ощущался острый недостаток в нефтяных продуктах, эта работа позволила перевести двигатели внутреннего сгорания на местное топливо.

Была также разработана технология получения смазочного масла типа автола из березового и осинового дегтя. Предприятия треста «Томлес» стали вырабатывать заменители автола, бензина и керосина. Это дало возможность не прекращать вывоз древесины автомобилями и тракторами и вести сплав плотов буксирной тягой — катерами.

Большую работу провел трест по переводу на твердое топливо лесовозных автомобилей, трелевочных тракторов, передвижных электростанций, катеров. Это газогенераторное топливо готовили на лесосеках из той березы, которая не шла на нужды фронта.

Очень важная для обороны страны научно-исследовательская деятельность томских ученых и инженеров была удостоена премии Наркомлеса СССР.

Литературная обработка В. Крюкова

МАЙОРОВ
ВАСИЛИЙ
НИКОЛАЕВИЧ

Член КПСС с 1946 г. Родился в 1918 г. в с. Новая Письменка Татарской АССР. Трудовую деятельность начал в 1935 г. связистом. В 1937—1941 гг. учился в Томском лесотехническом техникуме. В 1941 г. назначен директором лесхоза в Верхнекетском районе, а в 1943 г. переведен на должность технорука Нибегинского мехлесопункта. С 1946 по 1975 гг. работал директором Нибегинского, Парабельского леспромхозов, а затем — начальником областного управления лесного хозяйства.

Герой Социалистического Труда. Награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и пятью медалями. С 1981 г. персональный пенсионер союзного значения.

В далеком таежном краю

В феврале 1943 г. в Белый Яр приехал заместитель начальника треста «Томлес» Георгий Васильевич Крылов и сказал, что я должен буду работать техноруком Нибегинского мехлесопункта. Контора лесопункта находилась в 30 километрах от Белого Яра, в пос. Рыбинск. Я уехал туда в тот же день.

За плечами у меня были Томский лесотехникум и два года директорства в лесхозе Верхнекетского района. Деятельность лесхоза сводилась к охране лесов Прикетья от пожаров. Работников лесной охраны насчитывалось около ста. На всей большой лесной территории

не было ни одной посадочной площадки для самолетов. Летчик-наблюдатель сообщал о загорании, сбрасывая вымпел. В мешочек с грузом закладывалось сообщение, где горит лес. Название населенного пункта, ближайшего от пожара, летчик устанавливал по опознавательному белому знаку, выложенному на крыше дома.

В эти годы работники лесной охраны без всякой техники — только топором и лопатой — начали строить посадочные площадки в Белом Яре и Максимкином Яре.

И вот теперь мне предстояло совсем другое дело. Нибегинский лесопункт был одним из пяти в области и единственным в северных районах механизированным лесозаготовительным предприятием и подчинялся непосредственно тресту. Однако все лесосечные и лесопогрузочные работы велись вручную. Механизированной была только вывозка древесины: лесопункт располагал шестью газогенераторными тракторами и двумя — на жидком топливе. Лес вывозили только зимой, после того как болота основательно промерзнут. Нижний склад находился в двадцати километрах от лесосек, в пойме Суйги.

Тракторная дорога содержалась образцово. Мастерство и ответственность трактористов позволяли вывозить по 10—12 санных сцепов — это 250 кубометров древесины за один рейс. Трактористы Платон Васильевич Катаонов, Григорий Васильевич Габов, Григорий Прокопьевич Срыбный считались в лесопункте самыми уважаемыми людьми.

В Рыбинске по тем временам было построено неплохое жилье, работали школа, медицинский пункт, клуб и стадион. Здесь проживали семьи кадровых рабочих, а сами рабочие жили ближе к лесоразработкам, в бараках на 20—30 человек. В таком сезонном поселочке были магазин, котлопункт, пекарня и баня.

Мастер Михаил Павлович Зенков рассказывал мне, как началась для рыбинских лесорубов война. В июне на пойме реки полным ходом шли работы по сплотке древесины. В субботу рабочие приехали с лесоучастков к семьям. 22 июня, в выходной, на стадионе у клуба пели, плясали. Вдруг известие: по радио будет передано важное правительственное сообщение. Репродуктор вынесли из клуба на улицу. И все услышали о нападении фашистской Германии на нашу страну.

Первые мобилизованные покидали поселок ранним утром 25 июня. Вещи уложили на телеги, строем пошли

в Белый Яр. Матери, жены, сестры провожали их до самого райцентра. А мастера с рабочими сразу вернулись к обычным делам. От призыва освобождались трактористы, механики и часть квалифицированных лесорубов-лучкистов. Из мастеров остались Михаил Павлович Зенков, Владимир Иванович Дубовицкий, Кузьма Васильевич Попов.

Но фронт требовал новых и новых бойцов. Только в июне — июле мобилизовали 120 человек. Ряды рабочих сильно поредели. А лесосеки уходили все дальше от поселка. Людей и лошадей на вывозку леса требовалось все больше и больше. Лошадей брали в колхозах, а там их тоже не хватало. Стали изыскивать береговые массивы вверх по Суйге. Это вело к увеличению сплавного пути (проплава), но зато можно было обойтись меньшим количеством лошадей. Да и леса здесь были хорошие.

Летом 1942 г. на 96-м километре реки стали строить жилье для кадровых рабочих и сезонников из колхозов. В бараках на 35 человек установили топчаны в два яруса. Посередине, в ящике с песком, — чугунная печь. Недалеко от барачков — котлопункт, сушилки для одежды и сбури.

Два-три раза в месяц из районного центра привозили кинопередвижку, в бараках убирали топчаны, расставляли деревянные скамейки — смотрели кино. Единственное, что как-то скрашивало жизнь лесорубов.

Валку леса вели двуручными поперечными пилами, раскряжевку — лучковыми. Мужчины-лучкисты работали в одиночку. Сучья обрубали женщины. Среди лучкистов отличались Василий Иванович Карнишин, Григорий Артемьевич Белов, Иван Кондратьевич Ходарев. Это были подлинные мастера своего дела, выполнявшие в день не менее двух норм. Глядя на них, и другие старались подтянуться. В. И. Карнишин нередко выходил, как тогда выражались, на рекорд: выработка его достигала 600 процентов в день. Этот лесной богатырь по итогам восьмой пятилетки награжден орденом Ленина и сейчас живет в селе Белый Яр Верхнекетского района. Там же живет еще один ударник тех лет — Роман Михайлович Чернавин. Он готовил лес для вывозки на пэнах. Так назывались железные листы, на которых тракторами вытаскивали лес к реке. На расстояние 150 метров до места подготовки тракторного вoза Чернавин за день свозил до 90 кубометров леса. За это время ему меняли

трех лошадей, а сам он, казалось, не знал усталости — работал с утра до ночи.

Когда закончились сельские осенние работы, стали прибывать в лесопункт сезонные рабочие-колхозники. Валить и вывозить лес приехали женщины, ухаживать за лошадьми — старики.

Без выполнения нормы из лесу не возвращались, работали весь световой день. А в декабре и январе возили лес с фонарями. Вальщики с наступлением темноты работали на сборе сучьев.

Хочется вспомнить добрым словом девушек-колхозниц из Моховского сельсовета. Бригаду их возглавляла Мотя Фатеева. С первых дней девушки заявили, что будут трудиться за себя и за своих братьев, ушедших на фронт. И слово это они крепко держали. При подведении итогов за первые 15 дней работы бригада Моти Фатеевой была названа лучшей среди бригад сезонных рабочих. Девушкам вручили переходящее Красное знамя. Удерживали они его до конца сезона и увезли с собой в колхоз.

Задание первого лесозаготовительного сезона военной поры лесопункт выполнил успешно.

Зимой 1942—1943 гг. работать стало еще сложнее. Тракторы простаивали из-за отсутствия горюче-смазочных материалов. План четвертого квартала был сорван. Все ломали головы над тем, что делать дальше. Надежды на то, что снабжение горючим и смазочными материалами улучшится, не было никакой.

Пришел ко мне однажды в контору мастер смолокурной установки Белозеров и поставил на стол бутылку с мутной, неопределенного цвета жидкостью.

— Что это? — спрашиваю.

— Вот на установке готовим смолу для лодок, — говорит, — а эта жидкость отходит с парами. Не сгодится ли для заводки тракторов? Может, попробовать?

В тот же день я побывал на его производстве. На складе оказалось три бочки такой жидкости. Перегнали ее снова на установку, получили более прозрачную, по свойствам близкую к скипидару. Испытали ее на тракторе. Мотор завелся. А дальше двигатель работал уже на чурочке — этого сырья было достаточно. Так что проблеме решили.

Тяжелые фракции — смолу — после неоднократной обработки стали использовать как смазочный материал. Но смола есть смола — часто стали выходить из строя

баббитовые наплавки коренных и шатунных вкладышей. Баббит — материал дефицитный. Опять проблема.

Стали искать выход. Решили испытать древесные наросты на березе, что называют капом. Привезли заготовки. Токарь Алексей Тихонович Бажин выточил болванки, потом проварили их в натуральных растительных маслах. После доработки на токарном станке и шабровки вручную поставили вместо вкладышей.

Такой вкладыш в коренных подшипниках стоял до месяца, в шатунных приходилось заменять каждую декаду, а то и чаще. Но это уже был выход. Замена большого труда и времени не требовала: конструкция трактора ЧТЗ позволяла сделать это через лючок картера.

Суррогаты и заменители требовали от механиков и трактористов особо внимательного отношения к эксплуатации и ремонту механизмов. Самоотверженно трудились старший механик Андрей Андреевич Стус, заведующий мастерской Георгий Тихонович Лосковенко, трактористы Григорий Васильевич Габов, Анатолий Савельевич Лозовой и другие. Иногда приходилось проводить целые сутки в гараже, но, как правило, из восьми тракторов на линию ежедневно выходило не менее шести.

Затруднения преодолели. План по вывозке стали выполнять успешно. Да и вальщики не подводили: из леса не возвращались, не выполнив задание на 200 процентов. Сказалось и то, что удалось немного улучшить питание людей. Был решен вопрос о дополнительной выдаче хлеба за перевыполнение норм.

В августе на должность начальника лесопункта был назначен старый коммунист Полиэн Степанович Соколов. Мы много времени проводили в лесосеках, он живо интересовался всеми тонкостями лесного дела — чувствовалось, что раньше в лесу работать ему не приходилось.

На зимний сезон 1943—1944 гг. из колхозов прибыли, в основном, женщины. Приехала и Мотя Фатеева с Красным знаменем. Из деревни Курья Моховского сельсовета приехал на вывозку леса Гавриил Фатеев — он возвратился с фронта без левой руки. Фронтовик возглавил бригаду, и работа шла полным ходом.

Зимний сезон лесопункт завершил успешно. А вот сплав 44-го года сложился драматически. На участке

реки выше 96-го километра сплавные работы проводились впервые. Выплавлять лес из протоки начали с запозданием. А вода в начале июня стала сбывать. Штабеля, обрушенные в воду, негде было размолевать — река оказалась забита лесом. От мастеров, руководивших работами ниже по течению, стали поступать тревожные сигналы: лес не продвигается.

Дело осложнялось и тем, что рабочим, занятым на сплаве, выдавали всего по 600 г хлеба. При таком тяжелом труде и 12-часовом рабочем дне этого было совершенно недостаточно. Обессилевшие рабочие часто уходили в лес собирать черемшу, чтобы хоть как-то утолить голод.

У большинства износилась обувь. Делали «поршни» из сырых, невыделанных шкур лошадей, но ноги в них прели, болели. Я умел с детства плести лапти из лыка. Пришлось собирать стариков, поучить этому ремеслу. Человека четыре посадили плести лапти. На сплаве лапти очень удобны: вода из них вытекает, как через сито. Только выдерживали они не более четырех-пяти дней. Но это все же был какой-то выход.

В конце июня с помощью районных организаций ситуация стала меняться: добавили сплавщикам хлеба, выделили крупы. Но, несмотря на все старания и усилия, полностью поправить дело не удалось. Особенно много хлопот было с тем лесом, который застрял на корчах — так называли деревья, с корнями упавшие в воду с подмытых берегов и создававшие большие помехи для сплава. Во многих местах образовались так называемые заломы. Пробовали снимать корчи взрывчаткой, но без видимого эффекта.

Приехал главный инженер «Томлеса» Сергей Петрович Персидский. На рабочем совещании решили сплавные работы выше 52-го километра прекратить. Около 30000 кубометров леса оказались невыплавленными. Это было всем горьким уроком.

Ошибки учли и к сплаву 1945 г. подошли во всеоружии. Решили вопрос о снабжении, обеспечили людей обувью и инструментом. Четко организовали труд, не доплавленный в злополучную навигацию лес пошел в запань по большой воде.

Многие руководители, мастера в военные годы прошли в лесопункте хорошую школу, научились работать с людьми, находить выход из сложнейших положений,

стали умелыми организаторами производства. Это Владимир Иванович Дубовицкий, Арсентий Максимович Кондратьев, бессменный бригадир на вывозке леса и сплаве Роман Михайлович Чернавин. Михаил Павлович Зенков начинал лесорубом, затем был начальником Тогурского лесоперевалочного комбината. Сейчас на заслуженном отдыхе, живет в рабочем поселке Тогур.

...День Победы застал нас на основном участке работ, на 96-м километре Суйги. Люди разбирали штабеля леса и скатывали бревна в воду. Вдруг на крутом берегу появился десятник сплава Федор Лаврентьевич Сликишин, только что вернувшийся из Рыбинска. Он громко кричал: «Победа! Победа! Война кончилась!» Затем выстрелил дуплетом из ружья. Все бросились на берег, обступили принесшего добрую весть. Кто смеялся, кто плакал. Сликишин шел и каждому встречному сплавщику говорил одно: «Победа!»

Литературная обработка В. Крюкова

**БОЛЬШАКОВ
АЛЕКСАНДР
МАТВЕЕВИЧ**

Член КПСС с 1926 г. Родился в 1899 г. в д. Княгиновка Дальне-Костантиновского района Горьковской области в семье крестьянина-бедняка. Подростком пас скот, а в 1915 г. поступил на Сормовский завод, где работал рассыльным и клеймовщиком. В 1918 г. семья переселилась в Сибирь, и он до призыва в Красную Армию работал лесорубом на Пиковском плотбище Нарымского уезда. С 1925 г. А. М. Большаков на советской работе в Колпашевском районе: сначала председатель сельского Совета, а потом председатель райисполкома. В 1931 г. направлен заведующим орготделом Чаинского райкома ВКП(б), а в 1935 г. — в органы милиции Нарымского округа. С 1937 г. А. М. Большаков снова на партийной работе: второй секретарь Колпашевского райкома ВКП(б), секретарь Нарымского окружкома партии.

В годы Отечественной войны работал председателем исполкома окружного Совета депутатов трудящихся, а затем секретарем Нарымского окружкома партии. В последующие годы, до ухода на пенсию, — на партийной и советской работе в Томске. Награжден орденом «Знак Почета» и четырьмя медалями.

«Красный обоз» из Нарыма

В январе 1942 г. металлурги и шахтеры Кузбасса обратились с письмом к рыбакам Нарымского края о развертывании социалистического соревнования за досрочное выполнение годового плана. При обсуждении этого письма северяне единодушно решили направить

зимой 1942—1943 гг. рабочим Кузбасса обоз с рыбой. «Фронту нужен уголь, металл. Значит, наша помощь шахтерам и металлургам — это помощь фронту», — так рассуждал каждый.

Я работал тогда секретарем Нарымского окружкома ВКП(б) по рыбной промышленности и возглавлял окружной штаб по организации «красного обоза». Поэтому события той поры особенно врезались мне в память.

Помню собрание в Александровском районе. До отказа набитый зал. У многих на глазах слезы: вспоминают погибших мужей, родственников... Я смотрел в эти лица, смотрел и с болью в сердце думал: как призывать их к новым лишениям? Ибо то, что предстояло сделать, действительно сулило лишения.

Но призывать не пришлось. На трибуну выходили люди, комкая слова, неумело рассказывали о своем горе. Не могу без волнения и сейчас вспоминать их речи. Они говорили о том, что слезами горю не поможешь, что нужен повседневный упорный труд во имя спасения Родины. И они готовы были на этот труд. Старики, женщины, подростки...

Собрание единодушно решило поддержать инициативу рыбаков Каргасокского района о проведении ударного месячника по вылову рыбы и организации «красного обоза» рабочим Кузбасса.

Такие собрания прошли во всех районах округа.

Для увеличения вылова рыбы нужно было не просто резко поднять производительность труда в этой отрасли, но и значительно расширить рыбные промыслы, выйти на отдаленные водоемы, которые раньше не использовались. Именно тогда, в 42-м, Чаинскому, Верхнекетскому, Васюганскому, Тымскому районам впервые был установлен государственный план по рыбодобыче.

Больше потребовалось орудий лова, надо было увеличить и гребной флот. А поставки элементарного — сетей, ниток, веревок — практически полностью прекратились...

В августе 1942 г. попал я на собрание рыболовецкой бригады поселка Тибинак Колпашевского района. Помню, как сетовал бригадир Евгений Егорович Мурзин, что не хватает у них самоловных крючков. А в конце предложил: «А что, если попробовать изготавливать их на месте?» Тогда встал другой вопрос: из чего? И вот в тот же день комсомольцы Колпашева организовали сбор обрывков стальных канатов. Дело приобрело широчай-

ший размах. За две недели были изготовлены десятки тысяч крючков.

Сколько раз выручали нас в годы войны народная смекалка и золотые руки умельцев! Помню, был в колхозе имени Шишкова Парабельского района замечательный старичок Костарев (к сожалению, забыл его имя и отчество). В свои семьдесят он руководил мастерской по изготовлению орудий лова из местных материалов. Какие это были чудо-корчажки, котцы, верши, вентеря!

В первой половине 1942 г., по существу за полгода, на Могочинском лесозаводе и Колпашевской судовой верфи было построено около 900 лодок и обласков, более 20 катеров. Опытных плотников пришлось собирать со всего округа. В течение года в строй действующих вступили 6 новых рыбозаводов, более 50 рыбоприемных и обрабатывающих пунктов.

Как создавались эти предприятия, покажу на примере Колпашевского рыбоконсервного завода. Оборудование здесь, в основном, было установлено с завода, эвакуированного из Керчи. Но для окончания строительства не хватало труб водоснабжения. И тогда за трое суток жители райцентра лопатами вскрыли траншею городского водопровода и передали необходимое количество труб консервному заводу. Заводу, продукция которого вскоре пошла на фронты Великой Отечественной войны.

В труднейших условиях заготавливали продукцию для «красного обоза» в Кузбасс. В отличие от довоенного времени лов вели без какой-либо приманки — горсть отрубей была великой роскошью. Необычайно лютой и ранней (даже для тех мест, где морозы нередко уже в ноябре достигают 40 градусов) выдалась зима 1942—1943 гг. Больно было смотреть на натруженные руки женщин, подростков, стариков, ежедневно долбивших пешнями метровый лед. До слез доводили неопытных рыболовов метели, заносившие под утро выставленные накануне ловушки.

Но в назначенное время огромный по масштабам того времени Всенарымский «красный обоз» вышел в путь. 1 декабря 1942 г. двинулась вереница подвод из Александровского района, 3 декабря пошли каргасокские подводы. К ним с каждым днем присоединялись все новые и новые. На груженных санях трепетали знамена районов, алели плакаты, призывы: «Все для фронта, все для победы!», «Смерть немецким оккупантам!»

Сейчас, особенно молодежи, нелегко даже представить, как все это было, сколько трудностей пришлось преодолеть, прежде чем двинулся этот обоз. Предстояло подобрать хороших лошадей, упряжь, подготовить заезжие дворы под ночлег, создать запас продовольствия для сопровождающих, фуража для лошадей. Предстояло, наконец, найти людей, способных вынести все испытания тысячекилометрового пути до Томска.

Дорога... Три четверти ее проходило по Оби, на которой во время ледостава образуются торосы, достигающие до двух метров. И перед тем как отправлять обоз, надо было привести эту дорогу в порядок: убрать торосы, сровнять ямы, обойти крутые подъемы, проторить санный путь и обозначить его вешками. Все это требовало не одну сотню рук. Ведь орудиями служили пешня, лопата, топор.

И хотя проверка дороги накануне выхода обоза показала, что все районы самым серьезным образом подготовились к предстоящей операции, «сюрпризов» по ходу следования избежать не удалось.

Примерно в начале второй декады декабря в с. Инкино, что в 60 километрах от Колпашева, подошел обоз Парабельского района. Остановились на ночлег. А наутро, еще затемно, двинулись дальше. Но лишь только последние подводы (всего из района их было около 200) спустились на реку, как первые остановились: лед осел, и они попали в наледь. Треск ломающихся оглобелей, рвущиеся гужи... Срочно потребовались новые подводы. Нашли. Перегрузили на них рыбу с саней, оказавшихся в воде. Начали искать объезд...

Последняя ночевка перед Томском в Тегульдееве. Отсюда 19 декабря тронулись 400 подвод. На пути нас встречали работники новосибирской кинохроники, томского радио. На привокзальной площади — духовой оркестр. Митинг...

В течение пятидневки в Томск прибыло 1850 подвод, которые доставили 38500 пудов рыбы. Чуть позже подошло еще несколько сот подвод. Вся рыба была погружена в вагоны, и в конце декабря нарымская делегация выехала в Кемерово. К шахтерам и металлургам ехали лучшие рыбаки Нарыма, значительно перевыполнившие плановые задания: Г. А. Трифонов — бригадир рыболовецкой бригады колхоза «Искра Ильича» Колпашевского района, член ВКП(б); Х. Н. Трифонова — рыбачка колхоза имени Максима Горького Колпашевского рай-

она; В. Ф. Юшкеев — рыбак колхоза имени Сталина Каргасокского района, комсомолец; Е. Ф. Тейкова — рыбачка колхоза имени Смидовича Каргасокского района, комсомолка; Н. Н. Кузьмин — бригадир рыболовецкой бригады колхоза имени Калинина Каргасокского района; В. И. Колмаков — председатель колхоза имени Куйбышева Каргасокского района, член ВКП(б); Н. А. Залогина — рыбачка колхоза «Труженик» Парабельского района.

В Кузбассе на митинге, посвященном встрече рыбаков Нарыма, мы узнали о новом ударе наших войск по врагу под Сталинградом, о том, что все планы гитлеровского командования прорваться к своей окруженной группировке рухнули. Люди военного поколения помнят, что значила эта весть в то суровое время. Домой мы возвращались окрыленными.

Проходят годы, десятилетия. Какие-то детали, события уже стерлись в памяти. Не вдруг перечислишь всех работников рыбной промышленности Нарыма, награжденных орденами и медалями за образцовое выполнение заданий правительства по снабжению Советской Армии, по организации «красного обоза». Но помню, с каким достоинством принимали эти награды семнадцатилетние комсомольцы Володя Юшкеев и Катя Тейкова, как катились слезы по щекам Натальи Залоговой, как молодо выглядели в тот день седовласые Гаврила Андреевич Трифонов и Спиридон Игнатьевич Крылов.¹

Их было много, кто своим самоотверженным трудом приближал светлый день Победы. Жены, дочери, сыновья и отцы тех, кто вел смертельный бой с фашизмом на фронтах Великой Отечественной. Всех их объединяло одно — великое желание помочь Родине. Они тоже вели бой. И героизма в этом бою, поверьте, было тоже достаточно.

Литературная обработка В. Иванова

---

¹ За образцовое выполнение заданий правительства по снабжению Советской Армии Президиум Верховного Совета СССР наградил 22 работника рыбной промышленности Нарымского округа. 4 получили ордена Трудового Красного Знамени, 4 — «Знак Почета», остальные — медали (Советский Север, 1943, 1 сентября).

**РАДУГИН
КОНСТАНТИН
ВЛАДИМИРОВИЧ**
(1899—1984)

Член КПСС с 1947 г. Родился в с. Карпели Мордовского района Тамбовской области, в семье священника. В 1918—1919 гг. был секретарем комитета деревенской бедноты и секретарем сельсовета в с. Новоселицы этой же губернии.

В 1919—1920 гг. служил в Красной Армии. После окончания в 1925 г. Томского технологического (позднее — политехнического) института работал в нем до ухода на пенсию в 1978 г.

Доктор геолого-минералогических наук, профессор, лауреат Государственной премии. Был консультантом института. Он один из трех томичей, удостоенных звания первооткрывателя (кроме него — И. К. Баженов, А. Я. Бульников).

Награжден орденом Ленина, тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета» и двумя медалями.

На разведку в тайгу

В начале Великой Отечественной войны наша страна лишилась ряда районов, где сосредоточены важнейшие источники рудного сырья, крайне необходимого для производства разных марок сталей и других металлов, которые были нужны для изготовления вооружения. Восполнить эти временные потери, наладить добычу руд в необходимом количестве, выплавку черных и цветных металлов предстояло сибирякам и уральцам.

Перед геологами Томска была поставлена ответственная задача — в кратчайший срок открыть новые месторождения руд. Над выполнением этого боевого задания работали все ученые-геологи и многие студенты геологических факультетов Томского политехнического института и Томского университета. В числе их были старейшие геологи Томска Иван Кузьмич Баженов, Иннокентий Александрович Молчанов, Юрий Алексеевич Кузнецов и многие другие, внесшие весомый вклад в развитие сибирской геологии.

За открытие крупнейшего марганцево-карбонатного месторождения руд по среднему течению Усы, впадающей в Томь, где ныне вырос город Междуреченск, я в 1943 г. был удостоен Государственной премии. Большую часть полученной премии я внес на строительство танковой колонны. Остальные деньги положил на сберкнижку с тем, чтобы проценты с этой суммы выдавали на премии за лучшие научно-исследовательские работы студентам.

Все годы Великой Отечественной войны я работал в горах на разведке новых месторождений полезных ископаемых. Вместе со мною были студенты геологоразведочного факультета Томского политехнического института. Разведку приходилось вести в очень тяжелых условиях: не хватало одежды, продуктов питания, транспорта. Тем не менее все работали с большим воодушевлением, стараясь сделать побольше, чтобы своим трудом приблизить день Победы, помочь нашим бойцам, сражающимся на фронте.

Скудные запасы питания студенты пополняли сами: рыбачили, охотились, собирали грибы и ягоды. Делали все для того, чтобы обеспечить себя продуктами и поменьше брать от государства. Но в то же время старались как можно больше найти так нужных государству месторождений полезных ископаемых.

Одновременно с практической работой в годы войны я много занимался теоретическими вопросами геологии, читал на факультете курсы структурной, общей и физической геологии и ряд других. С большим удовольствием вспоминаю, как старательно занимались студенты. Отрадно, что из них впоследствии вышло много замечательных геологов. Ряд из тех, кто учился и окончил институт в годы войны, ныне Герои Социалистического Труда, лауреаты Ленинской и Государственной премии,

Литературная запись И. Лозовского

КУТЯВИН
ИВАН
ДМИТРИЕВИЧ

Член КПСС с 1946 г. Родился в 1906 г. в д. Тимошино Бале-
зинского района Удмуртской АССР в семье крестьянина.

Подростком батрачил у кулаков, а затем работал в Барнауле
на пимокатном заводе, госмельнице. В 1928 г. окончил рабфак в
Омске, а в 1932 г. — Сибирский механико-машиностроительный ин-
ститут в Томске и остался аспирантом этого вуза. С 1935 г. — кан-
дидат, а в 1954 г. — доктор технических наук. 35 лет (до ухода на
пенсию в 1973 г.) заведовал кафедрой электрических станций и се-
тей Томского политехнического института.

Ныне И. Д. Кутявин — профессор-консультант института.

Награжден орденами Октябрьской Революции, «Знак Почета»
и двумя медалями.

Проблема № 1 — электроснабжение

Сразу же после начала Великой Отечественной войны с исключительной остротой встала проблема электро-
снабжения и теплоснабжения эвакуированных в Томск
заводов.

Томская ТЭЦ-1, расположенная на берегу Томи, мощ-
ностью около 7000 кВт, не могла полностью обеспечить
даже местных потребителей. Некоторые предприятия и
учреждения Томска имели свои мелкие станции, но они
давали незначительное количество электрической энер-
гии.

Для помощи промышленности в Томске был создан Комитет ученых, взявший на себя многие заботы по обеспечению промышленности электрической и тепловой энергией. Активную роль в работе Комитета ученых играл профессор политехнического института И. Н. Бутаков. Для решения ряда вопросов он ездил в Совнарком РСФСР, временно находившийся тогда в г. Куйбышеве.

По ходатайству областных и городских властей и Комитета ученых в Томск доставили два энергопоезда мощностью по 2500 кВт каждый. Срочно приступили к проектированию Томской ГРЭС-II. На ТЭЦ-I установили два турбогенератора мощностью в 1500 и 2500 кВт, привезенные во время эвакуации из Гомеля. Таким образом мощность электростанции была доведена до 11 000 кВт.

Произведенную электростанциями электроэнергию надо было подать на заводы, а для этого требовалось спроектировать и построить линии передач, приемные подстанции, проложить заводские и цеховые сети. Одновременно надо было спроектировать и построить теплофикационные линии.

Проектированием электроснабжения эвакуированных в Томск заводов формально занималось Киевское отделение «Промстройэлектропроект», которое было эвакуировано в Томск в 1941 г. Но отдел электроснабжения этого учреждения имел всего двух сотрудников — заведующего и инженера, который по нескольку месяцев работал над одним чертежом. Чертежи из его рук выходили запачканными почти до идеального черного цвета.

Основная работа по проектированию электроснабжения заводов легла на плечи сотрудников нашей кафедры и студентов, обучавшихся по специальности «Электрические машины». Особенно много сделали доцент Е. М. Пухов, ассистенты Ю. Е. Неболюбов и М. Ф. Антонов, студенты пятого курса Борис Бобровский (впоследствии управляющий «Томскэнерго»), Евгений Прохореня, Иван Шалин.

За восемь месяцев были выполнены проекты электроснабжения заводов: «Сибэлектромотор», инструментального, манометрового, подшипникового, электролампового.

Еще летом 1941 г. кафедра электрических станций индустриального института заключила договор с Томским электромеханическим заводом на разработку проекта расширения локомотивной электростанции завода,

на реконструкцию заводской сети и цеховых подстанций. Научное руководство возложили на меня, а ответственным исполнителем назначили доцента Е. М. Пухова. Эта работа была окончена в первом квартале 1942 г.

После окончания монтажа оборудования на эвакуированных заводах на многих из них сотрудниками кафедры электрических станций была произведена проверка качества защитного заземления станочного оборудования. Такая проверка не раз была произведена и на ТЭМЗе.

К лету 1942 г. был разработан проект установки на электростанции института турбогенератора мощностью 500 кВт, который использовался до 1944 г. для электропитания «Сибэлектромотора». Линия передачи от электростанции до завода «Сибэлектромотор» была спроектирована под руководством профессора В. К. Щербакова.

Новый турбогенератор был пущен в середине 1942 г. Активно участвовали в монтаже теплосилового оборудования и пусконаладочных работах М. В. Миронов и Б. М. Титов (впоследствии доцент ТПИ), в монтаже электрической части — студент Антон Старовойтов, возглавлявший электромонтажную бригаду, в состав которой входили эвакуированные инженеры гомельской электростанции.

Несмотря на то, что в первые годы войны в городе очень многое было сделано по увеличению электрических мощностей, снабжение электроэнергией оставалось одной из острейших проблем. Без электрического освещения приходилось обходиться многим учебным заведениям, учреждениям, керосиновые лампы и свечи были в квартирах томичей.

Как свое кровное дело трудящиеся Томска восприняли строительство новой электростанции — ГРЭС-II. На воскресниках и субботниках работали все — от рабочих и студентов до секретарей райкомов и горкома партии. Станция была построена в исключительно короткие сроки и начала давать ток уже в 1944 г. Она была тогда оборудована всего лишь одним турбогенератором мощностью 12 500 кВт. Но это позволило значительно улучшить снабжение предприятий, учебных заведений и населения электроэнергией.

В конце войны началось и строительство теплофикационных сетей. Первая линия была проложена от ТЭЦ-I до площади Революции. Проектировали эту линию сту-

денты-теплоэнергетики ТПИ под руководством доцента В. Т. Юринского. И впоследствии В. Т. Юринский уделял много внимания развитию теплофикации Томска. Теория теплофикации городов стала темой его докторской диссертации.

Вся исследовательская работа ученых института, в том числе и нашей кафедры, определялась неотложными нуждами производства. Важное народнохозяйственное значение имели, например, исследования поведения маслонеполненных аппаратов (трансформаторов, выключателей) при низких температурах — в условиях сибирской зимы, которые проводила группа преподавателей кафедры электрических систем и техники высоких напряжений, возглавляемая профессором А. А. Воробьевым (В. Н. Титов, Н. В. Богданова, В. Рыжкова). Разрабатывались методы повышения циркуляции масла в трансформаторах при низких температурах за счет различных добавок, в частности за счет кумароновых смол. Проводились также исследования по борьбе с обледенением линий электропередач. Все эти работы имели непосредственное практическое значение, так как основным нашим делом (естественно, вслед за учебной работой) оставалась помощь городу в налаживании электроснабжения промышленных предприятий. И можно с удовлетворением сказать, что сотрудники кафедры и студенты, обучавшиеся по специальности «электрические машины», внесли достойный вклад в решение этой острой и сложной проблемы.

Литературная запись И. Лозовского

НАДЕЖНИЦКИЙ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1891 г. в г. Корсакове Сахалинской области в семье военнослужащего. В 1908 г. окончил Омский кадетский корпус, а в 1921 г. — Томский технологический институт и более пятидесяти лет работал в этом вузе: аспирантом, доцентом, заведующим кафедрой оборудования и технологии сварочного производства. С 1943 г. — кандидат технических наук. В годы строительства Кузнецкого металлургического комбината был консультантом строительства комбината по электрооборудованию.

С 1974 г. Владимир Александрович на пенсии, но продолжает консультировать многие предприятия и помогает молодым специалистам.

Надев рабочую блузу

В 1941 г. я работал доцентом кафедры сварки Томского индустриального (ныне политехнического) института. Помню, сколько забот по оказанию помощи заводам легло на плечи ученых с первых месяцев войны. Приходилось не только консультировать заводских специалистов, но и самим, надев рабочую блузу, браться за дело, налаживать производство.

Помещения бывших артиллерийских казарм в Томске занял привезенный из Москвы завод «Фрезер». Нужно было срочно смонтировать оборудование завода на но-

вом месте, так как его продукцию ждали все предприятия, работавшие на оборону страны.

Мне довелось монтировать на инструментальном заводе высокочастотную установку, которая была необходима для закалки инструмента и наварки твердых сплавов к резцам. Это была очень важная работа. Высококачественной стали для режущего инструмента не хватало, и профессора ТПИ А. Н. Добровидов и А. М. Розенберг разработали способ наплавки режущего инструмента отходами твердых сплавов. Смонтированная мною высокочастотная установка позволила заводу использовать этот способ и работать бесперебойно.

Всю войну я был тесно связан с коллективом цеха по высокочастотной обработке инструмента и его начальником Геннадием Георгиевичем Языковым.

На Томском электромеханическом заводе я налаживал оборудование по приварке различных деталей к корпусам мин и мелких бомб. Работа весьма трудоемкая, ибо продукция была для коллектива совсем новой, требовала большой точности в обработке, а специалистов этого профиля на заводе совсем не было. Бывший маленький заводик по производству горного оборудования, ТЭМЗ в годы войны стал крупным промышленным предприятием, выпускавшим разнообразную продукцию для фронта.

На ТЭМЗе была установка для заливки подшипников, но она не действовала. По просьбе нашего выпускника инженера В. С. Новокшенова, работавшего на заводе, я несколько изменил ее конструкцию, и машина начала безотказно работать.

Приходилось оказывать техническую помощь и работникам завода «Сибэлектромотор». До войны многие годы моей работы были связаны с электрическими двигателями разных систем. Накопленный опыт и знания пригодились в тот трудный для Родины час, помогали в решении сложных производственных задач.

Исключительно важное значение в военное время имели работы по электросварке. От скорости и прочности сварки многое зависело: повсеместно достраивались производственные корпуса, монтировалось оборудование. Вместе с доцентом ТПИ Николаем Александровичем Балакиным мы создали автомат для сварки любых металлов, который значительно ускорял процесс сварочных работ. На изобретение мы получили авторское свидетельство.

Студенты нашего института, кроме учебы, полную смену работали на промышленных предприятиях, участвовали в субботниках и воскресниках по заготовке топлива, строительству линий электропередач и железнодорожных веток, ГРЭС-II. А летом сотрудники и студенты работали на подсобном хозяйстве и помогали колхозам убирать урожай. Все дни были заняты до предела. А учились в те годы в институте, в основном, девушки и вернувшиеся с фронта инвалиды. На их плечи и лег этот тяжкий труд.

Несмотря на чрезвычайную перегрузку, студенты успешно учились, и ТПИ дал за годы войны стране почти полторы тысячи инженеров разных специальностей, в которых так тогда нуждалась промышленность Страны Советов.

Сейчас, на десятом десятке лет, я с большой гордостью вспоминаю те далекие дни, до предела заполненные героическим трудом на благо Отчизны, о той помощи, которую оказывали фронту томичи.

Литературная запись И. Лозовского

**БОЯРШИНОВА
ЗОЯ
ЯКОВЛЕВНА**

Член КПСС с 1940 г. Родилась в 1909 г. в г. Перми в семье рабочего. По окончании Пермского педтехникума работала инструктором ликбеза, учителем. В 1940 г. окончила заочно Томский пединститут, получив специальность историка.

С 1940 г. работает в Томском государственном университете: сначала в должности старшего преподавателя, затем доцента, а с 1968 г. — профессора. В годы войны была парторгом историко-филологического факультета, членом партбюро университета.

Доктор исторических наук, зав. кафедрой истории СССР досоветского периода. Награждена орденом Трудового Красного Знамени и тремя медалями.

Университет:

от первого дня войны до последнего

О начале войны я узнала в вагоне поезда около станции Барабинской при возвращении из Москвы в Томск. Обстановка в вагоне сразу изменилась, лица пассажиров посуровели. На каждой остановке в вагон садились военные — отпускники, спешившие в свои части.

Сразу бросились в глаза и перемены в облике Томска. На всю жизнь города наложили отпечаток военные заботы.

24 июня в университете состоялось общее партийное собрание. В докладе секретаря партбюро А. В. Светла-

нова были сформулированы основные задачи коммунистов в новой обстановке. Высокая дисциплинированность, самоотверженная работа каждого на своем посту, подтянутость и четкость — на это обращал главное внимание докладчик. Он призывал работать, не жалея сил, не считаясь со временем, здоровьем, «чтобы не стыдно было за себя, за то, что ты мог сделать больше, но не сделал».

Собрание решило: каждое нарушение трудовой и государственной дисциплины рассматривать как предательство интересов народа; немедленно развернуть военную учебу коммунистов и комсомольцев, в течение двух дней провести запись и найти преподавателей на курсы медсестер и сандружинниц; организовать стрелковые и противохимические кружки, кружки морзистов и радиокоротковолновиков и начать занятия; на период летних каникул создать бригады студентов для работы на новостройках-заводах; отменить очередные отпуска преподавателей, рабочих и служащих университета.

Старейший коммунист А. Е. Абрамович предложил положить начало созданию фонда обороны, внести в этот фонд имеющиеся у сотрудников облигации.

Для оповещения и быстрого сбора коммунистов создали «цепочки» (телефонов на квартирах тогда не было). В ректорате, партбюро, в комитете ВЛКСМ и местном профсоюзе были установлены круглосуточные дежурства.

Провели общее собрание и комсомольцы университета.

В военкомат потоком пошли заявления с одной просьбой: отправить на фронт. Добровольцами ушли сражаться с врагом член партбюро, студент исторического факультета Б. А. Аргудяев; студент третьего курса, председатель профкома ТГУ А. Ф. Козлов; секретарь комсомольского бюро химфака М. Л. Алашкевич; член бюро ВЛКСМ химфака А. С. Самарин¹; член комсомольского бюро химфака К. Я. Бурыхин и многие другие. Профессор-коммунист В. Н. Кессених в своем заявлении писал: «Сейчас, в момент нападения на Советский Союз фашистов, я не вижу другой цели в жизни, кроме защиты нашей Родины».

---

¹ А. С. Самарин после ранения в 1943 г. и лечения в госпитале продолжил учебу в Томском университете, окончил его и остался работать на химфаке, защитил кандидатскую диссертацию, в послевоенные годы исполнял обязанности декана факультета.

С просьбой направить на фронт обратился и секретарь партийного бюро университета, заместитель директора СФТИ А. В. Светланов. Вот строки из его заявления: «Прошу направить меня добровольцем на фронт... За все, чем я обязан партии и моему народу, за будущее моего народа... обещаю ...самоотверженно биться, не жалея своих сил и жизни».

Даже сейчас, 40 с лишним лет спустя, с глубоким волнением читаешь эти дошедшие до наших дней документы — свидетельства небывалого по яркости массового патриотического подъема советских людей, вспоминаешь о том действительно всенародном порыве — желании спасти Родину от гитлеровской нечисти.

Из девяти членов партийного бюро Томского университета, избранных на отчетно-выборном собрании в мае 1941 г., к 25 августа осталось на учете в парторганизации только два. Были призваны в армию И. А. Абраменко, И. И. Колюшев, А. В. Светланов, Н. Н. Иванов и другие. А. Ф. Мальцева отозвали на работу в аппарат горкома ВКП(б).

Все, кто мог и умел держать оружие в руках, овладели воинской специальностью, стремились на фронт. За годы Великой Отечественной войны ушло на фронт добровольцами и по мобилизации 67 преподавателей и научных сотрудников, 15 аспирантов, 399 студентов, 105 рабочих и служащих университета.

В начале июля в армию был призван доцент Г. В. Васильев — декан нашего факультета. Приказом ректора мне была поручена должность декана. Работать пришлось в неимоверно трудных условиях.

Университету было предписано сдать грузовые и легковые автомашины, мотоциклы, лошадей, повозки, сбрую, освободить студенческие общежития, подготовив их к приему раненых бойцов, оборудовать для госпиталя здание Биологического научно-исследовательского института, а главный корпус передать для размещения эвакуированного завода. В общей сложности университет передал заводу и госпиталям 30 000 м² учебной и жилой площади. Осталось в нашем распоряжении два небольших общежития (по проспекту Фрунзе, 24, и улице Белинского, 11), где можно было разместить только 150 человек, а к сентябрю 1941 г. в университете было 735 студентов.

Взамен освобожденных учебных помещений университет получил восемь маленьких зданий общей площадью

2300 м² — где было размещено учебное оборудование, проводились лекции, лабораторные и семинарские занятия. Кроме того, занятия в первом военном учебном году проходили в лабораториях и аудиториях Сибирского физико-технического института (СФТИ), в учебных помещениях индустриального (политехнического) института и в Доме партийного просвещения (переулок Кооперативный, 5).

Передача значительных учебных и жилых помещений усложнила учебно-воспитательную работу, привела к росту отсева, который за первый семестр 1941/42 учебного года достиг 25 процентов (не считая призванных в ряды РККА). На этот недостаток в работе вузов обратила внимание IV партийная конференция Кировского района Томска, проходившая в апреле 1942 г. В отчетном докладе райкома ВКП(б) отмечено: «В начале войны были неправильно поняты задачи вузов, недооценена их роль, вследствие этого переданы почти все учебные помещения без особой иногда необходимости другим организациям...»¹

Решения IV районной партконференции о более внимательном отношении к вузам позволили не только сохранить исторический факультет, но и создать в 1941/42 учебном году филологическое отделение, открытие которого планировалось еще до начала войны. Война, казалось, помешает его развертыванию, но Новосибирский обком и Томский горком ВКП(б) поддержали предложение университета готовить филологов.

Известную роль сыграло и то, что в Томске оказались в эвакуации высококвалифицированные ученые, прибывшие из Москвы, Ленинграда, Киева и Харькова: академик АН УССР А. И. Белецкий — специалист по истории русской литературы, профессор П. И. Каган — специалист в области греческого и латинского языков; профессор А. И. Неусыхин — известный медиевист; доцент Р. М. Самарин — знаток истории зарубежной литературы; доцент А. А. Белецкий — знаток санскрита и других древних языков. Уже в 1941/42 учебном году молодой историко-филологический факультет работал в составе трех отделений: исторического, классической филологии, русского языка и литературы.

Одновременно с переездом университета в новые помещения шло комплектование бригад для работы в кол-

---

¹ ПАТО, ф. 314, оп. 1, д. 167, л. 98.

хозах на сенокосе и уборке урожая. С 1 июля по 15 октября 1941 г. в колхозах области трудилось 400 студентов университета и 300 научных работников, рабочих и служащих. Большинство направленных ехали в деревни с большим желанием помочь Родине в спасении урожая.

Коллектив университета внес свой вклад и в подготовку к пуску эвакуированных заводов. На монтаже оборудования работала постоянная бригада — 25 студентов физического факультета. В течение первого военного года 180 студентов трудились постоянными рабочими на промышленных предприятиях города. Часто организовывались субботники по разгрузке вагонов с углем, оборудованием, другими грузами. Помогали строить узкоколейки, южную железнодорожную ветку, дорогу от Черемошников до станции Томск-II. На рытье котлованов под фундаменты производственных корпусов подшипникового завода университетский коллектив провел восемь субботников, а всего их в 1941 г. было 22, в каждом из которых участвовало от 200 до 400 человек.

Образцы примерной, хорошей работы проявляли на субботниках доцент Е. Н. Аравийская, начальник военно-физкультурной кафедры Л. Г. Выдрин, доцент З. И. Клементьев, профессор В. М. Кудрявцева, профессор В. Д. Кузнецов, ассистент М. Д. Ходор, профессор Н. А. Прилежаева и многие, многие другие.

Война изменила весь режим учебной жизни университета. По указанию Наркомата просвещения РСФСР и Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР (ВКВШ) пятилетний срок обучения был заменен трехлетним, прием студентов на первый курс в 1941 г. проводился без вступительных экзаменов. В июле — августе 1941 г. состоялся выпуск студентов, переведенных весной на пятый курс, в мае 1942 г. досрочно были выпущены студенты четвертого курса.

Кафедры университета пересмотрели учебные планы и программы в соответствии с требованиями военного времени. Были введены новые предметы (тракторное дело, общее земледелие, организация сельского хозяйства, всеобуч), сокращены часы на изучение общих и специальных предметов. Учебная нагрузка студентов (лекции, лабораторные, семинарские занятия) составляла сорок восемь часов в неделю. Первый семестр 1941/42 учебного года был сокращен на первых трех курсах до 12 недель, на выпускном курсе — до 13 недель.

Каждый факультет заботился об отоплении занимаемых им зданий. Рано утром, задолго до рассвета, небольшие бригады студентов с санками направлялись по очереди либо на Черемошники к дровяным складам, либо за Томь в лесосеку, где находились заготовленные, но не вывезенные университетом дрова. У помещения, где размещался факультет, дрова пилили, кололи и до начала учебных занятий растапливали печи...

Студентам, совмещавшим обучение с работой на оборонных предприятиях, было дано право свободного посещения лекций. Лабораторные работы, семинары, занятия по иностранным языкам преподаватели проводили с ними в вечерние часы, довольно часто при керосиновой лампе.

Напряженная работа профессорско-преподавательского коллектива университета в сложнейших условиях первого военного учебного года была положительно оценена Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР. В приказе ВКВШ от 30 января 1942 г. говорилось: «Несмотря на наличие неблагоприятных условий для работы в связи с изъятием из университета основных учебных помещений, учебный процесс проходит достаточно организованно. Большинство профессорско-преподавательского состава лекции читаются на высоком теоретическом уровне (акад. А. И. Белецкий, проф. П. И. Каган, проф. М. А. Большанина, проф. В. А. Халлов, проф. Э. Н. Ярошевский, проф. Ф. А. Хейфец и др.»¹

По распоряжению ректора учебные занятия во втором семестре 1941/42 учебного года были закончены 10—15 апреля. Во второй половине апреля — начале мая проводилась весенняя экзаменационная сессия, после которой студенты и научные работники, не занятые научной тематикой, имеющей оборонное значение, должны были работать в колхозах и на созданном университетском пригородном подсобном хозяйстве.

Студенческие бригады были отправлены также на лесозаготовки и в шахты. Так университет заготавливал топливо для будущего учебного года. В колхозы области выезжала университетская агитбригада с лекциями, докладами, концертами.

---

¹ ПАТО, ф. 80, оп. 2, д. 325, л. 83.

В подшефном госпитале летом 1942 г. регулярно проводились занятия с инвалидами войны, желающими поступить в университет. Занимались 12 человек. Все они после госпиталя стали студентами и успешно закончили ТГУ.

Об инвалидах Отечественной войны партийная организация проявляла особую заботу. Каждый из них был обеспечен бельем, ватной тужуркой, рубашками, брюками, варежками, некоторые получили валенки. В столовой университета для них выделили дополнительные первые и вторые блюда, установили трехразовое питание. Преподаватели математики, физики, иностранных языков вели с ними дополнительные занятия.

Второй военный учебный год начался 12 октября, на 12 дней позднее установленного ВКВШ срока. Основной причиной была задержка значительной части студентов и научных работников на сельскохозяйственных работах и на производственной практике, связанной с выполнением важных заданий оборонного характера (в геологических поисковых партиях, на сборе лекарственных растений, на рыбных промыслах). Да и транспорт был перегружен, сесть на поезд было нелегко.

Решением ВКВШ в университетах был восстановлен пятилетний срок обучения, введены вновь вступительные экзамены для поступающих. Деканаты факультетов перед началом учебного года срочно составляли переходные пятилетние учебные планы.

Вводились новые предметы: на историко-филологическом факультете — методика и организация политико-просветительной работы в Красной Армии и история международных отношений; на механико-математическом — баллистика, теория стрельбы, артприборы и управление артиллерийским огнем; на географическом — военная география и аэрофотосъемка; на биологическом — промысловая ихтиология. На всех факультетах и курсах, кроме выпускного, была введена военная подготовка.

В апреле 1943 г. университету возвратили бывшее студенческое общежитие по улице Никитина, 4 (это было единственное в городе пятиэтажное здание) и часть здания по улице Никитина, 17, которые занимал госпиталь. Это позволило перевести в пятиэтажку ректорат и управленческие службы, столовую, общеуниверситетские кафедры, историко-филологический и географический факультеты. В доме по улице Никитина, 17 раз-

местился ряд кафедр и лабораторий биологического и химического факультетов и музей почвоведения.

На начало 1942/43 учебного года в университете числилось 812 студентов, из них более 200 не явились к началу занятий. В чем же крылась причина столь массового отсева? Студентов, особенно новичков, пугало отсутствие жилья. В общежитиях размещалось не более 150 человек. Еще 170 университет устраивал «угловиками» в домах и квартирах горожан. Остальным приходилось самостоятельно подыскивать жилье в перенаселенном городе. Добавим к этому материальную необеспеченность студентов, плохое питание в университетской столовой. Директор столовой Голикова на партийном собрании 12 января 1943 г. говорила: «В основном, кормили студентов мороженой капустой. В централизованном порядке получили только девятьсот килограммов соленой рыбы».

Партийная организация университета старалась решить труднейшие задачи сохранения студенческого контингента. Было расширено подсобное хозяйство университета. 22 гектара вспаханной земли за городом были выделены под индивидуальные огороды. Рекомендовалось и студентам иметь коллективные огороды.

С начала весны до уборки урожая в подсобном хозяйстве университета работали постоянные группы научных работников и студентов. Для университетской столовой были выращены картофель, капуста, морковь, свекла, зерновые культуры для круп и муки.

Ректорат и партийное бюро университета при поддержке горкома и обкома ВКП(б) настойчиво ставили перед правительством вопрос о возвращении университету главного корпуса и здания биологического научно-исследовательского института, что позволило бы высвободить другие помещения под студенческие общежития.

К осени 1943 г. завод освободил главный корпус ТГУ, но сдал его в крайне неудовлетворительном состоянии: паровое отопление не действовало, полы и потолки в ряде комнат пробиты, внутренняя электропроводка испорчена, разрушено спецоборудование лабораторий и т. д. Зданию нужен был капитальный ремонт.

Партийное собрание, обсудившее 15 сентября доклад ректора Я. Д. Горлачева об освоении главного корпуса, приняло мудрое решение: начать переезд немедленно и собственными силами приводить здание в порядок. Это позволило использовать пятиэтажку и часть здания по улице Никитина, 17 под общежития студентов.

У университета почти не было своего транспорта. Студенты и преподаватели на руках переносили в главный корпус книги, шкафы, учебное оборудование.

Поскольку центральное паровое отопление в корпусе не действовало, в аудиториях и кабинетах сложили 70 печей. Истопников-уборщиц не хватало, топили печи в зимние месяцы лаборанты и сотрудники кафедр. Срочно делалась электропроводка. Неиспользуемые помещения были заколочены до начала капитального ремонта.

Как и полагалось, 1 октября 1943 г. в университете начались учебные занятия.

Несмотря на тяжелые условия работы в неотремонтированном корпусе, на холод в аудиториях, частые болезни преподавателей, отвлечение студентов на различные работы, учебный план был выполнен в среднем на 94 процента. По итогам зимней экзаменационной сессии было 135 отличников учебы.

Лекции читали на высоком теоретическом уровне. В университете тогда было 28 профессоров, из них 22 имели ученую степень доктора наук, 35 доцентов — кандидатов наук.

Отсев за 1943/44 учебный год был меньше, чем в предыдущие годы, студенческий коллектив начал постепенно стабилизироваться. Выбывали из университета главным образом по одной причине: перевод в другие вузы. Это были члены семей эвакуированных или прибывшие в эвакуацию студенты старших курсов.

В 1944 г. правительство ассигновало на ремонт университета более миллиона рублей. В Томске в то время не было подрядных строительных организаций. Работы пришлось проводить хозяйственным способом. Кроме наемных рабочих привлекали студентов, преподавателей, служащих. Однако завершить ремонт к началу нового учебного года не удалось; не хватало строительных материалов, рабочих. 13 июля 1945 г. комиссия партийного бюро, проверявшая ход капитального ремонта, докладывала, что только в первом послевоенном, 1945/46, учебном году будут сданы в эксплуатацию подвальные помещения, первый и второй этажи.

Каждый коммунист университетской партийной организации считал себя мобилизованным до конца войны. Пересмотрены были планы научно-исследовательской работы, все силы ученых направлены на помощь фронту, промышленности, транспорту, сельскому хозяйству.

На городском собрании научных работников г. Томска 3 июля 1941 г. директор СФТИ профессор В. Д. Кузнецов с большим подъемом говорил: «Мы, томские ученые, должны немедленно организовать единый коллектив, объединенный страстной мыслью разгромить и уничтожить врага... должны все то, что есть лучшее у нас, отдать нашей Родине».

Характеризуя работу Комитета ученых в первый месяц войны, Б. П. Токин отмечал: «Среди ученых мы наблюдаем исключительный подъем и энтузиазм, характеризующий пламенные патриотические чувства и искренние стремления работать в дни великих испытаний наиболее интенсивно, наиболее плодотворно».

О научном вкладе ученых университета в победу написано много. Укажу только, что уже в 1941 г. профессора М. А. Большанина и А. П. Бунтин создали антиобледенитель для тросов, скоростной метод ремонта противогаза и велокамер предложила профессор В. М. Кудрявцева, доцент А. Б. Сапожников, ассистент Б. П. Кашкин и лаборант Одинцов сконструировали прибор для обнаружения металлических включений в теле раненого. Был предложен также метод использования в госпиталях фотобумаги вместо дефицитной рентгеновской пленки, разработана заменяющая вату всасывающая повязка для ран из мхов и специальной бумаги, сделанной из отходов томской фабрики карандашной дощечки. Наряду с этим проводились исследования сибирских лекарственных растений, дикорастущих лекарственных трав.

Ученые университета вели и фундаментальные исследования по специальным заданиям оборонной промышленности. Монография В. Д. Кузнецова и М. А. Большаниной «Физика твердого тела» в 1942 г. получила Государственную премию. Б. П. Токин в годы войны открыл мощные бактерициды растительного происхождения.

Оказывалась научно-техническая помощь хозяйственным организациям (внедрение дефектоскопа на железнодорожном транспорте, конструирование аппаратуры, разработка технологических процессов) и госпиталям (монтаж, ремонт и изготовление электролечебной аппаратуры). В университете готовили кадры крайне необходимых профессий: рентгенотехников, физиотехников, путевых дефектоскопистов.

Научные работники историко-филологического факультета писали популярные брошюры и статьи, которые широко использовались в лекционной пропаганде. Так, профессор А. И. Неусыхин, крупный специалист в области западноевропейской средневековой истории, написал в Томске две брошюры: «Исторический миф Третьей империи», «Кто такие древние германцы и существует ли «северная раса»?». Э. Н. Ярошевский подготовил и опубликовал серию брошюр под общим названием «Великие полководцы земли русской» («Александр Невский», «Дмитрий Донской», «А. В. Суворов», «М. И. Кутузов»). Академик А. И. Белецкий разработал текст лекции, использовавшейся в агитационно-пропагандистской работе: «Наша культурная старина и фашистское варварство».

Профессора и доценты университета (А. И. Неусыхин, Э. Н. Ярошевский, В. М. Кудрявцева, П. И. Скорospelова, Р. М. Самарин, В. Ю. Гессен и другие) часто выступали с лекциями на научно-популярные темы в госпиталях, на площадках в городском саду, в кинотеатрах перед началом сеансов и в других аудиториях.

Для населения города в 1942/43 учебном году открылся «Воскресный университет». Здесь только в течение одного года было прочитано свыше 50 лекций на политические, исторические и военно-оборонные темы. Ректором университета был профессор Г. Г. Григор.

Мне довелось в течение всей войны заниматься организационно-партийной работой в университете. С мая 1941 г. по январь 1943 г. я была партгором историко-филологического факультета (с начала июля 1941 г. сочетая эту работу с обязанностями декана), а с января 1943 г. и до окончания войны — членом партбюро университета.

В 1942 г. в составе первичной организации было немногим больше 50 членов и кандидатов в члены ВКП(б), в июле 1943 г. — 64, в июне 1944 г. — 75 и в феврале 1945 г. — 90.

Это был дисциплинированный, принципиальный, боевой коллектив, направляющий работу профессорско-преподавательского состава и студентов на решение главных задач, которые ставила обстановка военного времени.

На партийных собраниях, заседаниях партбюро, на частых митингах университетского и факультетских кол-

лективов подчеркивалась мысль, что фронт и тыл едины. Это подкреплялось коллективными проводами работников университета в Действующую армию, систематической перепиской партийного бюро и его секретаря А. Е. Абрамовича с бойцами и командирами, сражавшимися на фронте.

Письма фронтовиков, адресованные университету, хранились в научной библиотеке в специальной витрине, ими пользовались в беседах агитаторы и закрепленные за студенческими группами преподаватели. Иногда письма зачитывали на собраниях и митингах. Так, письмо бойцов, командиров и политработников 284-й стрелковой дивизии, в котором рассказывалось о мужестве и героизме сибиряков в боях под Сталинградом, читалось буквально во всех университетских подразделениях. Обращаясь к томичам, бойцы писали: «Работайте, товарищи, не покладая рук. Помните, что и вы своим трудом куете победу на фронте!»

Приезжавшие на побывку домой отличившиеся участники боев, как правило, приходили в университет, подолгу рассказывали о фронтовой жизни. Трудно переоценить воспитательное воздействие таких встреч.

Мне до сих пор помнится, как взволнованно проходило партийное собрание 22 декабря 1942 г., на котором председательствовал наш доброволец-коммунист Владимир Николаевич Кессених. Здесь было единодушно решено начать сбор средств на постройку эскадрильи «Советский вузовец», коммунистам внести в качестве первого взноса причитающуюся компенсацию за неиспользованный отпуск и призвать к этому всех научных работников, рабочих и служащих университета.

2 марта 1943 г. присутствовавшие на общем открытом партийном собрании, затаив дыхание, слушали сообщение приехавшего на побывку с фронта орденоносца Бориса Яковлевича Зубкова, участника Сталинградской битвы.

С глубокой скорбью мы узнавали о гибели на фронтах наших университетских товарищей: доцента В. П. Поддубного, заведующего кафедрой физической химии С. М. Петрова, ассистента А. Е. Алексеенко, аспирантов М. С. Вдовкина, Ф. М. Жданова, Е. Дурандина и других.

Члены партбюро считали своим долгом помочь всем,

чем было можно, семьям фронтовиков. При месткомпрофсоюзе действовала постоянная комиссия. Она взяла на учет все семьи фронтовиков, проводила обследование жилья, добивалась ремонта квартир, снабжения топливом, оказания помощи в посадке картофеля и овощей на индивидуальных огородах (вспашка земли, снабжение семенами, вывозка урожая). Особой заботой были окружены дети фронтовиков. Старались помочь им, в первую очередь направляли в пионерские лагеря... Всего у нас было 250 семей фронтовиков.

Как и все томичи, университетский коллектив участвовал в сборе и шитье теплых вещей для фронтовиков. Была создана комиссия в составе секретаря партбюро А. Е. Абрамовича, члена партбюро Т. Г. Доценко, Ф. А. Ткаченко. Теплые вещи (ватные брюки и телогрейки) шили из материалов, купленных на собранные в коллективе деньги. Организацию всего этого дела взяла на себя энергичная коммунистка, доцент химфака Л. Г. Майдановская. Из собранной и закупленной шерсти (3400 кг) женщины и девушки в свободное от работы время (чаще ночью) вязали носки и варежки. На фронт отправляли коллективные и индивидуальные посылки с подарками.

Активно участвовали сотрудники университета в пополнении фонда обороны. Подписка на первую и вторую денежные лотереи составила более 62 000 рублей. В 1942 г. ежемесячно все научные работники, рабочие и служащие отчисляли в фонд обороны однодневный заработок. 21 января 1943 г. на эскадрилью «За Родину» в Государственный банк было перечислено 129 000 рублей. В феврале 1943 г. коллектив университета собрал более 200 000 рублей (в том числе около 50 000 внесли студенты) на постройку боевых самолетов «Томский университет», о чем послали рапорт И. В. Сталину и получили его благодарность. Кроме того, все работники университета перечислили на эти же цели компенсации за неиспользованный летний отпуск — 57 000 рублей.

Вся жизнь, вся деятельность университетского коллектива, его учебная, научная, политико-воспитательная работа в годы Великой Отечественной войны были подчинены коренным нуждам страны, интересам сражавшейся на фронтах Советской Армии, потребностям оборонной промышленности, сельского хозяйства, транспорта. Каждый советский патриот считал своей непрелож-

ной обязанностью, своим священным долгом отдать всю энергию и силы, а если потребуется, и жизнь для достижения победы над врагом.

Люди моего поколения, кто пережил тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны, были суровыми и в то же время очень добрыми, чуткими к чужому горю. Чувство взаимопомощи, взаимовыручки, чувство «локтя», особенно ценное в беде, в те годы проявилось наиболее ярко. В нашем небольшом университетском коллективе мы стали ближе друг к другу, отзывчивее, гуманнее, человечнее.

Ненависть к врагу, горячее желание приблизить окончательный разгром фашизма, внести свою лепту в это благородное дело объединяли тружеников тыла и бойцов фронта, укрепляли сплоченность советских людей вокруг великой партии Ленина, под руководством которой была одержана всемирно-историческая победа.

**БИРЮКОВА
АНТОНИНА
МИХАЙЛОВНА**

Член КПСС с 1946 г. Родилась в 1920 г. в семье рабочего, в Томске. После окончания в 1943 г. Томского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта (ТЭМИИТ) работала старшим лаборантом факультета связи института и одновременно была секретарем комитета ВЛКСМ.

В 1945—1947 гг.— секретарь Томского горкома ВЛКСМ по пропаганде и агитации. С 1947 г. по 1961 г. заведовала кабинетом марксизма-ленинизма, затем была на преподавательской работе в политехническом институте, проректором по производственному и заочному образованию. С 1961 г. более 15 лет А. М. Бирюкова является членом партийной комиссии при Томском областном комитете КПСС.

С 1976 г.— персональный пенсионер республиканского значения. Награждена четырьмя медалями.

Рабочие руки студентов

Когда началась война, я была студенткой третьего курса электротехнического факультета Томского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта и готовилась к очередному экзамену... Помню митинг на площади Революции в первый день войны. Казалось, весь Томск, от мала до велика собрался здесь. Выступления были короткими. Со всех сторон неслись возгласы: «Давай винтовки!», «Где записы-

ваться на фронт?» Митинг закончился, а люди с площади еще долго не уходили...

Среди студентов все разговоры сводились в те дни к одному: сейчас не до учебы, надо на фронт; писали заявления, просили зачислить добровольцами в части. В армию брали далеко не всех. Большинство студентов продолжали учебу, но срок обучения в институте по всем специальностям был сокращен.

Выпускники 1941 г. в первые же дни войны поехали не по распределению, а были направлены на военные сборы, многие затем работали военными комендантами на железнодорожных станциях страны, особенно в прифронтовых зонах. Среди них были Александр Звонцов, Геннадий Кулаковский, Михаил Мордыга, Игорь Лопушанский и другие.

Нашу группу связистов после сдачи экзаменов, в соответствии с учебным планом, в июле 1941 г. направили на практику. В Томск мы вернулись осенью. Город жил уже по суровым законам военного времени. Многие преподаватели и студенты института добровольно уехали на фронт. Среди них были наши любимые преподаватели Борис Федорович Кондратьев и Александр Иванович Малышев. К счастью, они после войны вернулись в институт и долгое время работали доцентами на факультете связи. Среди студентов, ушедших на фронт, был Александр Лисовский, ныне профессор, ректор Омского института инженеров железнодорожного транспорта (ТЭМИИТ в 1962 г. переведен в г. Омск).

Хотела бы отметить, что нам, связистам, можно сказать, повезло. Осенью 1941 г. на факультет приехали эвакуированные из Москвы профессора, ученые с мировой известностью: Павел Андреевич Азбукин и Евгений Васильевич Китаев. По их учебникам мы учились, имели счастье слушать их лекции, под их руководством работали в лабораториях. Позднее очень большую помощь нашему факультету оказывали специалисты из Ленинградской военной академии связи, эвакуированной в Томск. Среди них были и ныне работающий в академии профессор Зелигер и крупный специалист по дальней связи Георгий Васильевич Малышев. На факультет поступило также оборудование лабораторий из Харьковского и Днепропетровского институтов инженеров железнодорожного транспорта. Монтировали оборудование студенты и лаборанты под руководством опытного электромеханика Всеволода Людвиговича Каминского.

С самого начала войны вся жизнь института, как и всего советского народа, была подчинена лозунгу: «Все для фронта, все для победы!»

Осенью 1941 г. студенты-транспортники участвовали в переоборудовании своего главного учебного корпуса под госпиталь, размещали в нем первых раненых бойцов, а затем были постоянными шефами этого госпиталя. Студенты помогали ученым института в разработке проектов, а потом по ним строили подъездные пути к промышленным предприятиям, в том числе к ТЭЦ-1, кирпичному, электроламповому и подшипниковому заводам, узкоколейную железнодорожную ветку к торфоразработкам, выезжали в Барнаул на строительство новых объектов железнодорожного узла.

Активными организаторами молодежи были секретарь комитета комсомола Григорий Бомбер и председатель профкома Николай Солянкин. В любое дело активно включались приехавшие к нам студенты Днепропетровского института инженеров железнодорожного транспорта.

Студенты-связисты под руководством Валерия Арапова телефонизировали заводы — электроламповый, манометровый, резиновой обуви и другие. Студенты-электрики работали на монтаже электрооборудования на эвакуированных заводах.

В трудное для страны время — осенью 1942 г. — наш город особенно остро ощущал недостаток топлива. Осень была дождливая и холодная. И в любую непогоду студенты шли на разгрузку барж с лесом и вагонов с углем.

Помню, я, как член комитета комсомола, однажды всю неделю подряд вместе с начальником института (тогда так назывался ректор) Андреем Даниловичем Белоусовым ночами ходила в общежития и поднимала спящих ребят на разгрузку барж с лесом. Нелегко было это делать. Мы хорошо знали, что многие работали днем, не отдохнули, не у всех успела высохнуть одежда и не все имели целую обувь. Но городу нужны были дрова, и ребята шли... Многие студенты длительное время работали на лесозаготовках.

В этот период организаторами всех трудных дел были комсомольцы Виктор Губенко, Вера Ерчак, Вера Алексеенко и многие другие.

Летом 1943 г. началось строительство понтонного моста через Томь. Строили понтоны в Моряковке. На-

чальником строительства был секретарь Томского горкома партии Лука Григорьевич Федосеев. Рабочими-строителями — в основном, студенты города. Я в это время уже закончила институт, работала на кафедре телеграфии. По решению партийного бюро института меня направили с группой студентов на это строительство.

Лука Григорьевич возлагал большие надежды на транспортников. Каково же было его разочарование, когда он увидел на пристани, что приехали из нашего института одни девушки. Отозвал меня Лука Григорьевич в сторонку и сказал: «Кого ты мне привезла? Где парни?» Я ему объяснила, что всех ребят отправили в Барнаул на паровозоремонтный завод, а что касается девчат, то они будут работать не хуже парней.

И действительно, девчата из 21-й группы второго курса не подкачали. Старостой группы была Саша Певнева (ныне Каминская), а комсоргом — Муся Заболотникова. Эти энергичные, сильные характером девушки стали душой коллектива, сплотили его.

На другой же день после приезда приказом по строительству нас выделили в отдельную бригаду. Меня назначили бригадиром, дали нам опытного плотника, и мы начали работать. Строили плашкоут, носили бревна, пилили, тесали лес. Многие из девушек до этого никогда не держали топор и пилу в руках. Но работали все отчаянно.

Вскоре наша бригада стала лучшей на стройке. Ребятам из индустриального института и университета неудобно было отставать от нас и пришлось подтянуться.

Свой плашкоут мы построили сами полностью. Вместе со всеми томичами очень радовались, когда мост через Томь был установлен и по нему осенью 1944 г. пошел транспорт.

Много, очень много дел легло в годы войны на плечи студентов, дел непростых и нелегких. А ведь редкий студент к тому же не работал на заводе — кто монтером, кто слесарем или монтажником, а кто и просто черноработчим. Такое совмещение было обычным. А это значило, что спать приходилось совсем мало. Днем в институте — занятия, а вечером или ночью — работа. Основным методом обучения была самостоятельная работа студентов. Очень часто лекции читались не потоку, а пяти-десяти студентам, так как остальные работали. Для отдыха совсем не было времени. Да и клуб института, где раньше проводилась вся культурно-массовая рабо-

та, был занят эвакуированным заводом, и там были установлены станки на бетонных плитах.

Нынешней молодежи нелегко даже представить быт студентов того времени. Не хватало топлива, трудно было с водой и освещением. Электроэнергия подавалась, в основном, заводам, чтобы обеспечить выпуск продукции для фронта. Поэтому студенты после рабочих смен выискивали удобные места в цехах и там занимались, делали чертежи. В общежитиях по вечерам зажигали копилки. Студенты-связисты чаще всего занимались в институтских лабораториях, которые освещались лампочками от карманных фонарей. Тетрадей не было, конспекты писали на старых журналах и газетах.

Скрудным было питание. Столовая института обеспечивалась, в основном, продуктами с подсобного хозяйства, где работали сами студенты, рабочие и служащие.

Студенческий коллектив переносил все трудности стойко, без хныкания и брюзжания. Ничего не жалели ради победы. Недоедали, недосыпали, иногда не имели самого необходимого из одежды, но добровольно отдавали деньги в фонд обороны, на постройку танков и самолетов, активно подписывались на государственные займы, посылали подарки на фронт.

Естественно, все это требовало большой организаторской работы партийной, комсомольской и профсоюзной организаций. Партийное бюро было штабом, который направлял и координировал всю работу коллектива в помощь фронту. Активным его помощником был комсомольский комитет.

Период моей работы секретарем комитета ВЛКСМ института (конец 1943 г.— октябрь 1945 г.) совпал с победным завершением войны. Правда, это были годы еще значительных материальных трудностей. Главный учебный корпус в то время госпиталь уже освободил, но не хватало мебели, оборудования, учебников. По-прежнему было плохо с питанием, одеждой, обувью. Но условия для учебы стали лучше. Большинство студентов училось только на «хорошо» и «отлично». Пример показывали наши комсомольские активисты: Михаил Шалимов (ныне профессор, проректор ОМИИТа), Рогвольд Медлин и Юрий Потееук (в настоящее время доценты ОМИИТа), Виктор Новицкий (ныне доцент ТИАСУРа), Галина Пантыгина и многие другие.

Летом 1944 г. завод освободил здание нашего клуба. Много потребовалось сил, умения и организаторской ра-

боты Карлу Вайно, председателю правления клуба (сейчас секретарь ЦК КП Эстонии), чтобы в короткий срок наладить культурно-массовую работу. В клубе стали проводить много различных мероприятий, организовали культурный отдых студентов.

В августе 1944 г. мне посчастливилось быть участницей совещания секретарей комитетов ВЛКСМ вузов страны. Проводилось оно ЦК ВЛКСМ в Москве. От Томска, кроме меня, были Михаил Петровский из университета (фронтовик, вернувшийся на учебу после ранения) и Александр Золотухин из индустриального института (ныне доцент ТПИ).

На этом совещании первый секретарь ЦК ВЛКСМ Н. А. Михайлов сказал, что партия ставит перед вузами задачу готовить хорошие кадры специалистов для восстановления народного хозяйства. Эти специалисты должны быть идейно воспитаны, культурно развиты, физически здоровы. Исходя из этих требований, комитет ВЛКСМ нашего института и строил свою работу.

За военные годы институт выпустил 635 инженеров железнодорожного транспорта. Для того времени и при тех условиях это был большой вклад института в общее дело победы нашей страны. Ведь транспорт служил связующим звеном фронта и тыла, он питал армию всем необходимым.

Воспроизводя в памяти те далекие годы, я, конечно, не могла перечислить все, что было сделано коллективом института, и тем более назвать фамилии студентов, отличившихся в труде и учебе в то тяжелое время. Скажу одно: студенты-комсомольцы института в дни великих испытаний не остались в долгу перед Родиной, перед партией, вместе со всем народом они «приближали, как могли», светлый и радостный День Победы.

**МАКОВЕНКО
ИВАН
ЕФИМОВИЧ**
(1909—1981)

Член КПСС с 1930 г. Родился в г. Боготол. Трудовую жизнь начал подростком на керамическом заводе в 1920 г. С 1930 г. находился на комсомольской работе, затем служил в Красной Армии.

С 1933 по 1939 г.—секретарь Убинского райкома ВЛКСМ и заведующий отделом рабочей молодежи Новосибирского обкома комсомола. С 1939 г.—на партийной и советской работе. Все годы Отечественной войны работал первым секретарем Шегарского райкома ВКП(б), а затем секретарем обкома партии. В 1947—1950 гг. учился в Высшей партийной школе, а после ее окончания снова был направлен секретарем обкома КПСС. С марта 1953 г. работал заместителем председателя облисполкома, начальником отдела Томского совнархоза. С 1963 г.—персональный пенсионер союзного значения. Награжден тремя медалями.

За Обью

В годы Великой Отечественной войны мне довелось работать первым секретарем Шегарского райкома партии. Я не понаслышке, не по книгам знаю, как самоотверженно, поистине героически трудились люди на колхозной земле, чтобы приблизить нашу победу.

В первые же дни после вероломного нападения фашистской Германии на нашу Родину почти все мужчины района, и в первую очередь механизаторы, были призваны в Действующую армию. Тракторы и комбай-

ны остались без водителей, хотя приближалась пора уборки урожая, который уже созревал на сорока тысячах гектаров.

Обстановка требовала срочно открыть курсы при МТС, чтобы обучить женщин вождению сельскохозяйственной техники. Добровольцев было много. С большим желанием будущие трактористки и комбайнерки изучали тяжелую технику, быстро прошли курс теоретической подготовки. А практику уже проходили непосредственно на полях. О том, как справлялись женщины с несвойственной для них работой, можно судить по письму старого колхозника (к сожалению, не помню имени-отчества) по фамилии Деньга, которое он отправил на фронт сыновьям-танкистам: «Работает у нас в Гынгазовской МТС инженером-механиком Маруся Таразанова. Там, где она появляется, словно оживает техника, днем и ночью кипит работа на полях, гудят моторы машин. Я так считаю, что если ее обучить военному делу, то она вполне могла бы в вашем танковом подразделении управлять танковым экипажем».

В августе 1941 г. в наш район приехала секретарь Новосибирского обкома партии Е. И. Песикина. С ней мы побывали в колхозах. На полях колхоза «Советская Сибирь» бригадир тракторной бригады коммунист А. Т. Никифоров и директор МТС Ф. А. Абраменко восторженно рассказали нам о том, как работают молодые трактористки Ирина Голубева, Тоня Гончарова и Ася Черногривова. Они не уходят с поля до тех пор, пока условия позволяют работать. Комбайнерки Саша Кухаренко, Мария Кузнецова и Аня Шабалина значительно перевыполняют установленные нормы выработки.

По дорогам, размытым осенними дождями, водители грузовых автомашин Маруся Лукова и Таня Галан ежедневно по три-четыре раза ездят за пятьдесят километров за горючим и смазочными материалами для тракторных бригад. Женщинам-водителям приходилось особенно трудно. Мне вспоминается взволнованный рассказ Тани Галан.

Однажды она долго не могла преодолеть на машине, груженной бочками с горючим, знаменитую Шегарскую гать, и, когда колхозники помогли ей выбраться из вязкой болотной трясины, выбившись из сил, в порыве гнева она сказала: «Если только живой доберусь до МТС, напишу письмо Михаилу Ивановичу Калинину. Попрошу, чтобы он категорически запретил продавать

автомашины тем районам и МТС, где нет нормальных проезжих дорог». В то время здесь находился председатель сельского Совета. Ей показалось, что он сказал с иронией: «На фронте тоже нет хороших дорог, однако там шоферы возят снаряды на передовую и никому не жалуются». Она не смолчала и говорит, что вот его послать бы на передовую возить снаряды или посадить за руль ее машины. Он замолк, подождал, когда Таня умоется водой из кювета, затем снял пиджак. Вместо правой кисти руки — култышка. «Было бы чем баранку крутить, без вашей рекомендации давно был бы на фронте. Жаль, что руку мне оторвало осколком мины еще во время финской войны». «Сгорела я со стыда, — рассказывает Таня, — попросила прощения. Он обиду быстро забыл. Всегда первым старался поздороваться со мной при встрече. Ну, а я письмо Калинину, конечно, не написала. Зато как только приехала в Маркелово, сразу зашла в контору МТС и взяла обратно свое заявление с просьбой о переводе в тракторную бригаду. С тех пор продолжаю возить горючее. Работаю без аварий».

Война на все наложила свой отпечаток. Даже, казалось бы, на такие совсем мирные профессии, как поварская. Во время поездки по району мы познакомились с бригадной поварихой Анной Леонтьевной Ерошкиной. Бригада была в поле, Анна Леонтьевна готовила ужин для трактористов. Нашу беседу с Анной Леонтьевной прервали звонкие голоса детей с берега Шегарки. Дети громко скандировали: «Тетя Аня, спасибо за вкусный обед!» Выяснилось, что она в бригаде повар, няня и воспитатель. Женщины в течение всего дня находятся в поле у комбайнов, а она взяла на себя еще обязанности присматривать за ребятами. Без всякой дополнительной оплаты, разумеется. Очень нам понравилось это начинание А. Л. Ерошкиной. И по ее примеру многие повара взяли потом шефство над детьми колхозниц.

Какое бы хозяйство мы ни посетили с секретарем обкома, везде видели, с каким героизмом трудятся наши женщины. Уезжая из района, Е. И. Песикина осталась довольна работой на уборке урожая. Вскоре после ее отъезда связисты доставили в районный комитет партии телеграмму следующего содержания:

«Передайте сердечное спасибо всем коммунистам, работникам МТС, председателям колхозов за их удар-

ный труд на уборке военного урожая и отеческую заботу о детях фронтовиков.

Секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М. Кулагин».

Спасли женщины урожай, убрали все до колоска. У всех было желание сделать как можно больше для фронта, для победы.

...Шел второй год Великой Отечественной войны. Вся страна жила в огромном напряжении. Невиданную стойкость и мужество проявили ленинградцы, оказавшиеся в блокаде. Из Новосибирского обкома партии нам сообщили о том, что в ближайшие дни в Шегарский район должны приехать женщины и дети из Ленинграда.

На Шегарской пристани задолго до прибытия парохода с эвакуированными было все подготовлено для встречи: пункты питания и санитарной обработки, белье, постельные принадлежности, дома для ночлега и отдыха, продукты питания и транспорт. Ленинградцы прибыли на пароходе «Дмитрий Пожарский». Их встречали все жители районного центра. Осторожно и бережно выносили мы детей из кают парохода, помогали сойти на берег обессилевшим женщинам.

После трехдневного отдыха ленинградцам предстоял еще один переезд — к местам постоянного жительства. Эвакуированных детей сопровождали учителя. Они и рассказывали нам, как проходила их эвакуация по Ладоге и до Новосибирска, как оставшиеся в блокаде матери просили сохранить их детей и клали в карманчики одежды записки с фамилиями и именами, ленинградскими адресами.

По старому Шегарскому тракту, растянувшись на несколько километров, медленно двигался необычный транспорт из фургонов и парных повозок. В них ехали в села района женщины и дети, прибывшие из блокадного Ленинграда. Первый большой привал-отдых был подготовлен около мельничного пруда, неподалеку от с. Каргала. Бригадные повара заранее приготовили обед. Около повозок сидели женщины, о чем-то задумавшись. Возможно, о мужьях и братьях, оставшихся стоять насмерть, защищая Ленинград. А возможно, и о том, как начнется их жизнь в этом далеком сибирском районе — за Обью.

Ленинградцы поселились в селах Федораевке, Моностырске, в Гусеве и Новоильинке. А в Баткате, на бе-

регу озера, был открыт детский дом для эвакуированных детей Ленинграда.

На проходившей сессии районного Совета депутатов трудящихся председатель райисполкома М. М. Курзев от имени райкома партии и исполкома райсовета огласил благодарность участникам оперативной группы по организации встречи ленинградцев и сообщил, что все прибывшие женщины трудоустроены, обеспечены жильем, одеждой и продуктами питания.

Председатель Баткатского сельского Совета А. Л. Персиянов в своем выступлении сказал: «Мы честно и добросовестно исполним просьбы ленинградских матерей: не только сбережем их детей, но вырастим и воспитаем из них таких же стойких и мужественных людей, как их родители, защитники Ленинграда — города Октябрьской революции». С большим одобрением были встречены слова председателя колхоза «Молот» Ф. И. Сусина, бывшего матроса крейсера «Аврора» и участника штурма Зимнего дворца, о том, что все колхозы Гусевского сельского Совета взяли прибывших ленинградцев на полное обеспечение и сделали заказы на изготовление для них зимней одежды и валяной обуви.

По предложению депутата Верховного Совета РСФСР У. Ф. Озеровой было принято решение исполкома назвать одну из улиц нового районного центра Ленинградской (она есть и теперь), а Баткатский детский дом именовать 1-м специальным домом эвакуированных детей Ленинграда.

Трудящиеся Шегарского района, как и все сибиряки, испытывали огромное чувство гордости от сознания того, что сибирские полки и дивизии героически сражались на всех решающих участках битвы с немецко-фашистскими захватчиками, что Сибирь стала мощным арсеналом Советской Армии. Они самоотверженно несли трудовую вахту в течение всех лет войны. В письме слета передовиков сельского хозяйства района воинам Воронежского фронта в марте 1943 г. говорилось: «Дорогие наши воины, бейте беспощадно немецко-фашистских захватчиков, а мы еще больше умножим помощь фронту, добьемся максимального роста поставок продуктов сельского хозяйства, проявим отеческую заботу о семьях фронтовиков, об инвалидах Отечественной войны».

Свои обещания фронтовикам шегарцы подкрепляли практическими делами. Из хозяйств района шли на го-

сударственные приемные пункты обозы с хлебом, мясом, маслом, сыром, сибирскими пельменями, посылки с теплой одеждой и валенками. В канун 1943 г. колхозы района доставили в Томск 300 ц пельменей, 200 ц свежей рыбы и 100 ц меда. Это был их новогодний подарок эвакуированным рабочим и раненым, находившимся на излечении в госпиталях города. В течение 1943 г. шегарцы внесли из своих личных сбережений 2 000 000 рублей на производство боевых машин, отправили на фронт 3000 посылок.

Всю работу по организации помощи фронту направляли райком партии, руководители партийных, советских, комсомольских и хозяйственных организаций. Назову лишь некоторые фамилии: секретари райкома партии М. Ф. Подшивайлов, М. Д. Козлов; секретарь райкома комсомола Е. В. Бормотова; заместитель председателя райисполкома, депутат Верховного Совета РСФСР У. Ф. Озерова; председатели сельских Советов П. В. Кудрявцев, М. И. Сваровский, А. Л. Персиянов; председатели колхозов И. М. Осипов, Д. А. Кононов, М. Г. Лодяев, А. П. Мельников, Ф. И. Сусин.

Трудно перечислить все, что было сделано ими для того, чтобы приблизить нашу победу. Пройдут годы, но их с глубоким уважением будут вспоминать как людей труда, патриотов, которые в столь трудное для страны время честно и самоотверженно служили своей Родине и Коммунистической партии.

Тимирязевский леспромхоз. Коновозчик И. Ивлев на трелевке бревен.
Фото 1942 г.

Р. Г. Сергеев, лучший вальщик-лучкист Тимирязевского механизированного
лесопункта. Фото 1945 г. Ф. И. Хитриневича.

Представители Кировского района г. Томска, победителя в областном соревновании в честь XXV годовщины Октября, у Красного знамени Новосибирского обкома ВКП(б). Фото 1943 г.

Из письма Томского ГК ВКП(б), ВЛКСМ и горисполкома землякам на фронт 21 января 1944 г.

Телеграмма Нарымского окружкома ВКП(б) о ходе сбора теплых вещей. 11 октября 1941 г.

ЗЕМЛЯКАМ-ФРОНТОВИКАМ— СЛАВНЫМ ГВАРДЕЙЦАМ-СИБИРЯКАМ

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Через ваших делегатов мы подробно узнали о ваших боевых делах, о массовых героизме, мужестве и отваге солдат наших земляков-сибиряков, которые в горячих сражениях с ненавистным врагом оставляют свободу и независимость нашей Родины, ищут врага телами узлами и шаг за шагом, совместно со всей Красной Армией, освобождают святолюбимую советскую землю от вражеско-фашистской логии.

Наша сердца преполнены радостью и гордостью за вас. Мы поздравим себя как славных патриотов нашей великой Родины. Вы быте врозь так, как истре воины сибиряки. Вы с честью выполняете наш боевой наказ.

И мы здесь—в далеком тылу, за много тысяч километров от фронта, живем движением ваших сражений. Все наши мысли и чувства направлены на то, чтобы самоотверженным трудом помочь героической Красной Армии усилить удары во врагу, приблизить нас нашей победой над нечуждым фашистским захватчиком, осмелевшим временно захватить нас советские земли, города и села.

За годы войны наш город Томск вырос в крупный научно-промышленный центр Сибири. Рабочий класс и советская интеллигенция города—племенице патриоты Родины—все силы прилагают к тому, чтобы еще больше увеличить помощь фронту, родной Красной Армии.

В ответ на ваши боевые дела мы хотим кратко рассказать о том, как мы трудились в прошлом 1943 году. За прошлый год промышленные предприятия города дали только ширпотребной продукции в Сталинский фонд победы на 20.000.000 рублей.

НОВОСИБИРСК СЕКЦИМАРТ НАВН

Состояние счетов октября округу всего собрано вещей шкур мех 10808 шерсть 6486 килограмм готовых теплых вещей белья 68299 том числе дичь полушубков тулупов мех 3742 меховых халатов 2000 валенок 6442 меховых рукавиц 2190 шерстяных перчаток шерстяных 5352 носков чулок шерстяных 2002 шерстяных теплых 3066 белья теплого 2690 пар носов 6560 курток летних 4610 шерстяных летних шерстяных 3747 шапур хлопчатобумажной гимнастерок 1095 одежд 1097 каталогов белья 7972 пар полотенец 6980 выделочек меховых шерстяных 6147 выделочек тулупов 1127 простыней 2600 портянок летних 6640 пар прочих вещей 12811 тчи шерсть переработанная на месте тчи овечьей шкуры мехи которые на успешно переработать охоты шерстяных отгужав овечьих узлами Сибирского Томск выдоху шкуры тчи

Отгужаво шкуры 72314 вещей комхозаходу охоты шкуры мех 786 штук Сбор теплых вещей белья продолжается

НАВН

Коллектив госпиталя № 1505. Август 1941 г.

Моряки подшефного Северного флота в гостях у трудящихся г. Томска.
Фото 1943 г.

Смерть немецким захватчикам!

ВОИНСКОЕ

Куда Новосибирская обл
Тарковский округ
Александровский
р-к ВКП(б)
Кому Волкову А. Н.

С 26-й годовщиной Красной Армии!
ЗА СКОРЕЙШУЮ ПОБЕДУ!

Адрес отправителя: Подарка почта,
05885.

И. А. Фриланов
(Фамилия, имя и отчество) Указано номер почтовой почты
По заказу УВПП Цена 10 коп.

Открытка с фронта с извещением о смерти воспитанника Александровской комсомольской организации Н. А. Гутова. Погиб 19 февраля 1944 г.

Удостоверение о награждении медсестры М. Г. Чернышевой медалью «За оборону Сталинграда». Погибла в феврале 1945 г.

В. П. Акаченко (Панова) в военные годы добросовестно трудилась на полях колхоза «Просвет тайги» Пышкино-Троицкого района. В последующие годы — ударница швей-фабрики № 5 и завода «Манометр».

За нашу Советскую Родину

* УДОСТОВЕРЕНИЕ *

За участие в героической обороне
СТАЛИНГРАДА

Гвардии Старший сержант

Чернышева Мария Григорьевна
Указом ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
от 22 декабря 1942 г. награжден
медалью

«ЗА ОБОРОНУ СТАЛИНГРАДА»

От имени ПРЕЗИДИУМА
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
медаль «За оборону Сталинграда»
вручена 20 Июня 1943 г.

В № 42093

*Командир 79 гвардейской Краснозна-
менной стрелковой дивизии*
Варвиль Тимофей Иванович
Баткин Андрей

Н. П.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

За доблестный и самоотвер-
женный труд в период
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Акаченко

Валентина

Гетрова

УКАЗОМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР от 6 июня 1945 года
НАГРАЖДЕН МЕДАЛЬЮ

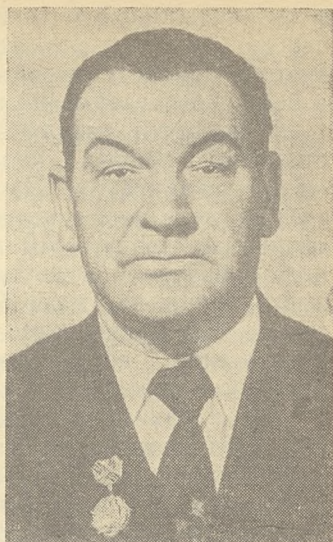
«ЗА ДОБЛЕСТНЫЙ ТРУД
В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ВОЙНЕ 1941 - 1945 гг.»

От имени ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО
СОВЕТА СССР и далее ВРУЧЕНА

6 мая 1943 г.
Гетрова Валентина
(Фамилия, имя, отчество)
М. П. *Гетрова Валентина*
Вручена медалью

**ГАЛКОВ
МИХАИЛ
ГРИГОРЬЕВИЧ**

Член КПСС с 1940 г. Родился в 1916 г. в с. Кошкарово Сергачского района Горьковской области, в семье крестьянина-бедняка. Трудовую деятельность начал в 1933 г. рядовым колхозником, потом работал кочегаром, масленщиком на пароходе Верхневолжского речного пароходства. В 1937—1940 гг. — курсант-краснофлотец Балтийского флота, затем политрук роты в Белорусском военном округе.

С первых дней Великой Отечественной войны находился на фронте и участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками. После тяжелого ранения был демобилизован из армии.

С марта 1943 г. М. Г. Галков на партийной работе в Пышкино-Троицком, Васюганском, Кривошеинском, а затем опять в Пышкино-Троицком райкомах КПСС в должностях заведующего военным отделом, секретаря райкома КПСС. С 1962 г. персональный пенсионер республиканского значения.

Награжден орденом «Знак Почета» и девятью медалями.

Эти долгие, долгие военные годы

Перед началом Великой Отечественной войны в Пышкино-Троицком районе (ныне Первомайском) насчитывалось 62 колхоза и леспромхоз. Население, в основном, занималось сельским хозяйством, заготовками леса, охотой и рыбной ловлей. Трудящихся здешних мест отличала верность славным революционным и боевым традициям, родившимся и окрепшим в борьбе

с колчаковщиной и антисоветскими бандами. В Вознесенске, Туендате, Зимовском до сих пор бережно охраняются братские могилы красных партизан, погибших в боях с белогвардейцами.

О верности революционным традициям говорили и названия первых колхозов: «Красный партизан», «Смерть капиталу», «За власть Советов», «Красный Октябрь», да и песни, которые пели в селах: «Спускается солнце за степи», «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем» и другие. Эти песни принесли кто откуда: например, дядя Яша Полозов — революционный моряк — из Петрограда, а дядя Фадей Дубров — беглый каторжанин, потом один из организаторов колхоза «Красный партизан» — с о. Сахалина.

Вот с таким революционным настроем, с великой преданностью советскому строю трудящиеся Пышкино-Троицкого района встретили Великую Отечественную войну. Эту преданность пронесли они через все годы тяжких испытаний, проявив великий патриотизм во имя победы над врагом.

Партийная организация района была небольшой, насчитывала около 150 коммунистов. Поэтому состав райкома партии избирался не на районной партийной конференции, а на районном отчетно-выборном собрании коммунистов.

Первым секретарем райкома партии был Камышев Александр Павлович, вторым — Ворошилов Алексей Иванович. В состав бюро райкома партии входили также председатель райисполкома Круглов Егор Ефремович, заведующий райземотделом Буевич Григорий Прокопьевич и другие товарищи.

Перед райкомом партии и райисполкомом в связи с войной возникло множество проблем, с которыми раньше сталкиваться не приходилось. И, надо сказать, райком партии по-боевому решал новые задачи. Первая проблема — как отправить людей на фронт.

В половодье Чулым разлился небывало: от Асина до Пышкино-Троицкого все затопило. Еще в конце июня стояла большая вода. Переправа нарушилась. Мобилизованных до Асина можно было доставить только на лодках. Этим пришлось заняться председателю райисполкома Е. Е. Круглову и райвоенкому Алексею Репину. За три дня на лодках они отправили в Асино несколько сот человек,

Говорят, Е. Е. Круглов в то время работал дни и ночи. На своем Мальчике (его выездная лошадь) он ездил по деревням, выступал в колхозах и в организациях на митингах и собраниях о перестройке хозяйства на военный лад. Не знали отдыха и другие члены бюро, работники райкома.

Очень остро с первых дней войны встала вторая проблема: кем заменить ушедших на фронт мужчин-механизаторов? Решение этой важной задачи взяли на себя руководители Пышкино-Троицкой МТС: директор Бахарев Иван Павлович, главный механик Рыжаков Павел Петрович, заведующий машинно-тракторной мастерской Данилкин Илья Семенович и другие. В с. Крутоложном (колхоз «Ударник») были организованы женские курсы механизаторов. Райком поддержал этот почин.

На курсы пришли Дубакова и Драчева из Успенки, Тазарачева и Картавых из с. Ежи, Лезнева из с. Куяново, Августинович, Корнеева, Ушакова из с. Сергеево, Вешторг из с. Ломовицк, Борсагаева из с. Пышкино-Троицкое, Якушевич, Клокова, Якименко из пос. Майского, Трубилова из Вознесенки, Молошенок из д. Бурбино, Курзенева из Заречного выселка и другие. Это были девушки 16—18-ти лет. Они пошли на курсы с глубоким желанием помочь фронту быстрее разгромить врага.

Но кадры механизаторов — одна сторона дела. Не могла техника работать и без запасных частей. Выйдет из строя какая-либо деталь — стоит трактор или комбайн, а запчасти в деревню не поступали: заводы выпускали продукцию для фронта.

Работники Пышкино-Троицкой МТС стали реставрировать старые и изготавливать новые детали. Более 160 видов деталей реставрировала и поставляла МТС. Зачинателями этого дела были И. С. Данилкин, С. Т. Трутнев, А. К. Ильиных. Случалось, они ездили на оборонные заводы, привозили бракованные гильзы для снарядов и делали из них поршневые кольца для комбайнов, тракторов НАТИ и другие детали.

Мужчин-механизаторов в деревне осталось очень мало — лишь те, кто по болезни или возрасту были не годны для фронта. Имея за плечами немалый опыт, они служили примером в труде и помогали новичкам.

Грахов Иннокентий Максимович — комбайнер колхоза «Новый мир» — на комбайне «Коммунар» убирал за сезон по 600—700 га. Убрав хлеб в своем колхозе, он

еще помогал другим колхозам, а вечером собирал комбайнеров и учил, как надо регулировать комбайн. Свой комбайн часто оставлял жене Анне Васильевне (она была его помощником), а сам садился на другой, чтобы научить новичка.

Самоотверженно работали комбайнеры Билибин Федор Иванович из колхоза «Красный партизан», Кукушко Андрей Фатеевич из колхоза «Путь к социализму», Матюшин Сергей из колхоза «Красная искра» и многие другие.

Не могу не сказать доброго слова о Полозове Якове Алексеевиче, работавшем машинистом на молотилке МК-1100. Революционный моряк Петрограда, участник Октябрьской революции, он за сезон обмолачивал хлеб в десятках колхозов Вознесенского, Ежинского и других сельских Советов. Как колхозники услышат, что «дядя Яша» едет к ним, все оживляются, зная, что он обмолотит весь хлеб, что колхоз выполнит свой долг перед фронтом.

Не уступал в труде дяде Яше и Молошенок Дмитрий Абрамович из с. Бурбино. Ему было более пятидесяти, но какой это был неутомимый труженик! Закрепленная за ним молотилка все время была на ходу. Он ухитрялся вместо вкладышей под барабанный подшипник подкладывать кожу, и это помогало избегать простоев.

Своим примером Дмитрий Абрамович увлекал других, вокруг него всегда кипела дружная работа, возникала такая обстановка, когда лентяям, ловчилам спуска не было.

Молотилку вращал трактор ХТЗ (колесник со «шпорами»). Работавшим на нем трактористам давали бутылку бензина. Перед работой надо было слить немного бензина в камеру сжатия, чтобы трактор завелся.

И вот однажды после обеда эта бутылка с бензином куда-то исчезла, трактор завести было нельзя, и дело оказалось под угрозой. Все были возмущены. Женщины потребовали проверить сумки и нашли бутылку у одного пожилого мужчины. Взял он ее для того, чтобы дома добавить в бензин соль и использовать для освещения. Надо было видеть, какое это было судилище! Этого мужчину называли пособником врага, помощником фашистов...

Чем дальше шла война, тем сложнее становилось положение с кадрами. Ушли на фронт десятки опытных председателей колхозов, таких, как В. Е. Ковалевич,

А. Ф. Скурков, Н. М. Костень, А. И. Шалаганов и многие другие. Вместо них к руководству колхозами райком ставил женщин, а также пожилых мужчин, по возрасту не пригодных для фронта. Так, в колхоз «Красный Октябрь» был направлен коммунист Порядин Алексей Иванович, в колхоз «Красный партизан» — Грушинский Евстафий Иванович, в колхоз «Третий, решающий год пятилетки» — Субботин Петр Иванович, в колхоз имени Сталина — Истигечева Раиса Афанасьевна, в колхоз «Коминтерн» — Огнерубова Евдокия Ивановна.

Еще одну важную задачу поставила война перед райкомом: как регулярно информировать население о событиях на фронтах Великой Отечественной войны, о внутреннем и международном положении нашего государства, о хозяйственных делах в районе?

В селах и в деревнях не было радио, в отдаленные поселки газеты приходили на третий-пятый день. Этот вопрос обсудило бюро райкома. При отделе пропаганды и агитации была создана информационная группа. Ежедневно она передавала в ближние сельские Советы по телефону, а в отдаленные — по радию информацию о положении на фронтах, об основных событиях в стране, в мире.

Заведовал отделом пропаганды и агитации райкома Кузнецов Алексей Александрович, партийным кабинетом — Романчев Иван Григорьевич, пропагандистом была Субботина Мария Алексеевна. Вот на их плечи и легла эта работа. И, надо сказать, справились они с ней блестяще. А. А. Кузнецов и И. Г. Романчев в 1942 г. прибыли раненые с фронта. Они не понаслышке знали, с каким мужеством и отвагой сражаются с врагом советские воины, своими глазами видели разрушения и зверства фашистов. Поэтому их слово было действенным и убедительным. Им хорошо помогали учителя-активисты на местах: П. И. Волков, М. И. Рыжаков, М. И. Кислицына, П. Р. Кугуткова и другие.

Члены бюро, работники райкома, выезжая на места, обязательно выступали с лекциями и докладами перед населением.

Часто задумываюсь: какие невероятные трудности выпали на долю районной партийной организации в годы войны! Какие огромные усилия приходилось прилагать, чтобы справиться с теми исключительно сложными задачами, которые ставила напряженная обстановка военного времени! И тем не менее справлялись! Прежде

всего, считаю, потому, что среди руководящих работников, всех коммунистов на высоте была партийная и государственная дисциплина. Сама военная обстановка вырабатывала высокое самосознание. Заставляла идти на самопожертвование во имя быстреего разгрома врага.

Ежегодно для обсуждения важных вопросов два-три раза созывались районные партийные собрания, на которые являлись все коммунисты. Приходили, в основном, пешком, хотя до райцентра от Пролетарского сельского Совета было 170 километров, от Зимовского — 70, от Альмяковского, Апсагачевского — 100! Брала с собой охотничьи ружья и шли по два-три дня. Во время перерывов между заседаниями приходилось слышать, кто как добирался. Один говорит, ему повезло: в дороге убил рябчика, испек его и пообедал. Другой подстрелил косача. А кто-то нашел малину или смородину и тоже подкрепился. В любой деревне или селе купить ничего было нельзя, в магазинах все выдавалось по карточкам.

В годы войны регулярно работала сеть партийной учебы. Пропагандистами были политически грамотные учителя, руководители колхозов и сельских Советов. Об отношении слушателей к учебе можно было судить по тому, как организовано они являлись на занятия. Например, в политкружок при Ежинской территориальной партийной организации коммунисты вечерами приходили пешком из Успенки, Заречного выселка, Бурбина. Пешком добирались на занятия жители многих других деревень.

Каждый понимал свой долг и ответственность перед Родиной, перед партией, каждый считал себя на боевом посту. И если все же кто-то допускал непартийный поступок, то райком сурово наказывал виновного.

Шел сбор теплых вещей для фронта. В каждом коллективе восприняли это как свое кровное дело. На приемные пункты несли тулупы, полушубки, валенки. Не жалели ничего. Отвечал в районе за сбор теплых вещей Ч. Пользуясь служебным положением, он заменил несколько новых вещей, которые сдали другие, своими поношенными. Райком исключил его из партии. И в райкоме, и в парторганизациях непримиримо относились даже к малейшим отступлениям от Устава, нарушениям норм партийной жизни.

В 1944 г. первым секретарем райкома партии был Янин Дмитрий Игнатьевич. Человек глубоко принци-

альный, требовательный и в то же время очень чуткий к людям. На его долю выпало нелегкое время. Район экономически ослаб. Личное хозяйство колхозников, за которым не было времени ухаживать, пришло в упадок. Почти не было хлеба, не хватало картофеля, других продуктов. В некоторых семьях дети доходили до истощения, пухли.

Между первым секретарем райкома и руководителями на местах был даже условный сигнал. Если по телефону Д. И. Янину сообщали, что «в левую руку нечего взять», это значило, что кто-то находится в бедственном положении и надо немедленно вмешаться. Тогда Янин принимал срочные меры: изыскивал картофель, направлял гонцов в Томск на мелькомбинат за лузгой (овсяная шелуха), которую вымачивали в воде и из жидкости варили овсяный кисель.

Дмитрия Игнатьевича и сейчас в Первомайском районе вспоминают добрым словом за его неутомимую работу в годы Великой Отечественной войны. Прекрасный организатор, он умел правильно расставить людей и обеспечить успех любого дела. В прошлом ленинградский рабочий, строитель Новокузнецка, Д. И. Янин и в Пышкино-Троицком районе с достоинством нес звание верного сына Коммунистической партии.

Мы, в то время члены бюро райкома партии,— Коротких Виктор Кузьмич, Курочкин Александр Яковлевич, Галков Михаил Григорьевич, Адамович Николай Адамович, Мурзин Иван Александрович, Лесин Игнатий Иванович,— работая под его руководством, всячески старались ему помочь.

К 1944 г. людские и материальные ресурсы истощились до предела. Трудоспособных мужчин в хозяйствах почти не осталось. Вся мужская работа легла на плечи женщин. Им приходилось порой заменять и тягловую силу: больше половины лошадей район отправил на фронт.

Были случаи, в которые трудно сейчас поверить. Женщины на себе возили зерно на хлебоприемные пункты: нагружали на тележку по сотне килограммов и везли. Им предлагали вывезти зерно на своих коровах, но многим буренок было жалко. Чтобы получить молоко и накормить детей, они предпочитали возить хлеб сами.

В деревне Успенке крепко выручала колхоз шестнадцатилетняя комсомолка Галя Копанчук. Она сумела укротить своенравного быка, который был грозой всей

деревни, и приучила ходить его в упряжке. Каждый раз на телегу нагружали по тонне зерна, и бык послушно вез груз на приемный пункт. До конца войны работала Галя на быке, заслужила не одну благодарность и Почетные грамоты райкома и райисполкома, обкома комсомола за активную помощь фронту.

Нелегко пришлось в военные годы учителям. Не только на родителей, но и на них свалились заботы о том, как детей одеть, накормить, уменьшить то горе, которое каждый день в деревни приносили почтальоны. Учителя были и пропагандистами, и агитаторами, энтузиастами самодеятельности.

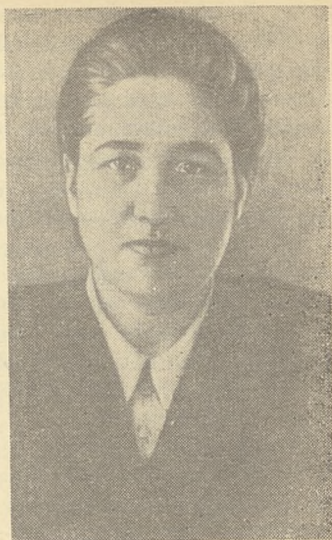
Школа в военное лихолетье жила не только своими делами, но и заботами колхозов. После уроков и учителя, и ученики шли в поле и на ферму — косили сено и хлеба, помогали молотить, убирали картофель. Некоторые школьники выкашивали по трети гектара за день.

В общем, легко никому не было. Но уже чувствовалось: война идет к концу. В 1944 г. многие фронтовики вернулись в деревни из госпиталей, некоторые были отпущены для работы в народное хозяйство. Так, прибывший с фронта Ф. Ф. Приставко возглавил Калиновский сельсовет, Тазарачев Карп Андреевич — колхоз «Большевик», Вертинский Франц Бернардович — колхоз «За власть Советов», Толкачев Яков Федорович — колхоз «Пролетарская крепость». Стало легче. Настроение людей поднималось: сводки с фронтов сообщали о том, что советские войска наносят врагу одно поражение за другим. Победа приближалась с каждым днем.

9 мая 1945 г. я был в командировке в с. Вознесенке, в колхозе «Третий, решающий год пятилетки». С утра выехал с колхозниками на поля. Только начали сев овса, как к нам примчался председатель сельского Совета Яков Бувевич и еще издали закричал: «Война кончилась!» Сколько тут было радости и слез! И с каким подъемом женщины принялись за работу! Евдокия Олещенко, Анастасия Попова, Мария Машнич и другие надели лукошки с овсом и сеяли с обеих рук, как заправские мужчины-сеятели. А потом запряглись в бороны и заборонили 11 га! Так был встречен День Победы.

ТУМАШОВА
ЕЛЕНА
ДМИТРИЕВНА

Член КПСС с 1938 г. Родилась в 1909 г. в с. Инковка Кирсановского района Тамбовской области в семье крестьянина-бедняка. В 1911 г. родители были сосланы в Сибирь.

В 1921—1929 гг. батрачила в кулацких хозяйствах, затем, вступив в колхоз, заведовала молочнотоварной фермой. После окончания в 1933 г. зооветтехникума в г. Барабинске работала председателем колхоза в с. Юдино Чистоозерного района Западно-Сибирского края. В 1935—1938 гг. училась в Высшей коммунистической школе в Новосибирске, затем была направлена на партийную работу.

С 1946 по 1950 г. — лектор Томского обкома КПСС, потом — на руководящей советской работе. С 1965 г. персональный пенсионер. Награждена пятью медалями.

Трудный хлеб

В 1942 г. Новосибирский обком ВКП(б) рекомендовал меня вторым секретарем Туганского райкома партии. Района этого теперь на карте области нет: он слит с Томским и Асиновским.

В районе насчитывалось 122 колхоза. До некоторых из них от райцентра было более 50 километров. И ни одной благоустроенной дороги.

Большинство колхозов находилось в земледельческой юго-восточной зоне. Их обслуживали Рождественская, Турунтаевская и Туганская МТС. А в лесной северо-за-

падной части района хозяйства занимались различными промыслами: одни вырабатывали пихтовое масло, другие варили деготь, третьи изготовляли мебель, кирпич, даже заготавливали тальниковую кору и поставляли в Томск для кожевенного производства.

Направлять партийную и хозяйственную деятельность в таких условиях было очень трудно. От райкома требовались большая гибкость и оперативность в работе. Между секретарями были разграничены обязанности. Первый секретарь А. Г. Мощинский осуществлял общее руководство и, кроме этого, более конкретно занимался делами так называемой промышленной зоны (северо-западная часть района). Мне поручили сельскохозяйственную зону. Секретарь райкома Г. И. Аверков ведал кадрами.

Главной заботой райкома и его бюро была живая организационная и политическая работа. Мы постоянно находились на местах, среди людей. Исключения составляли дни заседаний бюро — 2, 12 и 23 числа каждого месяца. На этих плановых заседаниях основными вопросами всегда были прием в партию и утверждение кадров. Пристальное внимание к этим вопросам диктовалось самой обстановкой. Из районной партийной организации шел огромный отлив коммунистов: люди уходили на фронт. Колхозы и МТС лишились основных кадров.

За полтора года войны из Туганской МТС на фронт ушло 60 процентов трактористов, почти все агрономы, а затем призвали директора МТС Д. А. Григорьева. Почти такое же положение было и в других МТС. За это время в колхозах района сменилась почти половина председателей (тоже были призваны в Действующую армию). Только в 1943 г. было утверждено 15 новых председателей сельсоветов. Без пополнения рядов районной парторганизации и выдвижения достойной замены ушедшим на фронт нечего было и думать о выполнении хозяйственно-политических задач.

В те трудные годы ряды партии пополнялись, как всегда, за счет лучших людей — тружеников колхозов, МТС и передовой интеллигенции. Вновь принятые в партию не только умом, но и сердцем чувствовали, что связали свою судьбу с передовым отрядом людей нашей Родины, старались во всем быть достойными высокого звания коммуниста.

Анна Емельяновна Баева, став членом партии, вывела животноводческую ферму колхоза «Прогресс» в число лучших ферм района. Молодой коммунист Анна Залевская возглавила Новожировский колхоз. Колхозница Ольга Ефимовна Кочегарова стала лучшим токарем МТС. Учительница Вера Думная была утверждена директором Рождественской школы, а затем стала партийным работником. Вот такие люди и делали все, что порой казалось невозможным.

На плановых заседаниях бюро райкома всегда было многолюдно, на них приглашали актив райцентра, секретарей некоторых сельских парторганизаций. Детально обсуждали деловые и политические качества выдвигаемых работников, сообща находили решения. Засиживались порой за полночь, и приглашенные из сел ночевали прямо в райкоме. На этих же плановых заседаниях бюро принимали решения об организации курсов механизаторов, животноводов, бригадиров-полеводов и так далее.

Вся полнота ответственности за подготовку и подбор кадров возлагалась на секретаря райкома партии Г. И. Аверкова, и ему неделями не приходилось бывать дома. То со специалистами МТС составлял планы курсовых занятий, подбирал преподавателей, то ездил по району, беседовал с людьми. У него была какая-то интуиция: поговорит с человеком и почти без ошибки определит, на что он способен и где его лучше использовать.

Не засиживались в кабинетах и другие работники. Ежедневно в райкоме оставались один из секретарей, заведующий отделом, заведующая партучетом, секретарь-машинистка. Все остальные находились на периферии и после десяти вечера выходили на связь с райкомом. Если какое-то дело требовало срочного решения, назавтра созывалось оперативное заседание бюро.

К примеру, однажды зимним вечером 42-го года заведующая орготделом райкома М. П. Кобякова позвонила из Бороковского сельсовета и сообщила, что плохо устроены некоторые эвакуированные ленинградские семьи, им не полностью выдается установленная норма продуктов. На следующий вечер решением бюро председатель этого сельсовета была снята с работы. Ленинградцы были устроены, и перебоев с питанием больше там не было.

Помню и второй случай. Я находилась в Турунтаеве, в 25 километрах от райцентра. Позвонил А. Г. Мощинский и сказал, чтобы приехала на заседание бюро. Выяснилось, что уполномоченный по заготовкам дал ложные данные по выполнению плана хлебозаготовок. Решением бюро его исключили из рядов партии.

Созывались «оперативки», как мы их тогда называли, и по другим вопросам. Принимали, например, решения о срочной помощи нуждающимся семьям фронтовиков и погибших на фронте. За три года войны семьям фронтовиков было выдано бесплатно более 200 ц картофеля, 15 телочек, 60 поросят и около 18000 рублей. Тем семьям, где дети были очень ослаблены, помогали мукой, крупой (из фонда закупок зерна у трактористов).

Решали на таких срочных и коротких заседаниях также вопросы о проведении фронтовых декадников по сдаче хлеба государству, о вывозке спецдревесины, сборе средств в фонд обороны, теплых вещей для фронта и многие другие.

Какое-то время мне пришлось исполнять обязанности первого секретаря (А. Г. Мощинский был призван в армию). Позвонил первый секретарь Новосибирского обкома Михаил Васильевич Кулагин, спросил, как идут дела в районе. В заключение как бы мимоходом бросил:

— Триста шапок за десять дней сумеешь организовать?

— Постараюсь,— ответила я.

— Добро,— сказал он и повесил трубку.

В райком сразу же были приглашены члены бюро, я сообщила им о звонке Михаила Васильевича. Посоветовались, как лучше организовать дело, приняли решение. После бюро я немного задержалась, а когда стала собираться домой, увидела на вешалке в приемной пять шапок. Их оставили члены бюро. Потом я узнала, что сделано это было по инициативе начальника райотдела НКГБ Василия Ильича Аникина. На следующий день первыми пришли на приемный пункт и сдали шапки другие партийные активисты райцентра. За 10 дней мы пошли и собрали среди населения более 400 шапок.

Всего за годы войны Туганский район отправил на фронт два вагона с теплой одеждой, более 1500 шерстяных носков, 1450 пар варежек. К 26-й годовщине Красной Армии мы послали фронтовикам 500 ц мяса. А когда наша армия начала гнать врага с временно оккупир-

рованных земель, надо было помочь освобожденным районам.

23 июля 1943 г. на бюро райкома было принято решение о помощи воронежцам. Комиссию по организации этой работы было поручено возглавить мне. Нас было пять человек. Решили начать с собраний колхозников. Хозяйства выбирали более или менее крепкие, где выдавалось хотя бы немного хлеба на трудодни, содержалось приличное количество скота.

В девяти колхозах, в которых мне пришлось проводить собрания, не было ни одной отрицательной реплики. Люди даже с какой-то торжественностью говорили: «Надо!» Коров выделяли колхозы, овец давали колхозники. Случалось, поднимался кто-то из колхозников и предлагал колхозу взять по себестоимости (колхозной) из его личного двора телочку. А это означало тогда отдать почти бесплатно.

Помню тот августовский день, когда отправляли поезд в Воронеж. На станции Туган собралось более ста человек. Состоялся короткий митинг. Комсомолки Сима Ясюкевич и Паля Тумашова писали мелом на вагонах: «Возрождается Родина, долой фашизм! Томичи едут на помощь воронежцам восстанавливать колхозы!» А какой-то мальчик, вытягиваясь на носочках, старательно выводил: «Привет воронежским пионерам от туганских учеников!»

Из Туганского района было отправлено в Воронежскую область шестьдесят коров, двести овец, вагон картофеля, большое количество художественной и политической литературы.

Серафима Федоровна Ясюкевич, работающая ныне агентом Госстраха, вспоминала, как торжественно и трогательно встречали их жители Воронежской области. Слезы, объятия, поцелуи — все было так, будто приехали из Сибири родные, с которыми не виделись много лет.

Трудно, очень трудно жилось в войну нашим людям. Но святым долгом они считали поделиться всем, что имели, с теми, кому было еще труднее. В этом проявились высокая сознательность советских людей, великая сила патриотизма. Тысячекратно подтвердились крылатые ленинские слова о том, что государство сильно сознательностью масс. Идейная убежденность коммунистов, готовность всех людей отстоять завоевания Ок-

тября, сделать все, что в их силах, для победы — именно это помогло нам в те тяжелые годы решать самые важные задачи.

В повседневной текучке дел райком никогда не забывал о марксистско-ленинской закалке коммунистов, об идеологической работе среди населения. Регулярно, дважды в месяц, по субботам с 6 вечера до 12 ночи, проходили занятия в системе партийной и комсомольской учебы. Изучали историю партии, вопросы текущей политики.

Ежегодно бюро райкома утверждало группу докладчиков. Состав ее менялся, но некоторые товарищи работали все военные годы. Это Яков Федорович Шестопапов, Александра Ивановна Филюшина, Мария Потапова Кобякова, Татьяна Ивановна Зюзина.

За каждым политинформатором закреплялись два сельсовета. Добраться до многих деревень, особенно весной и осенью, можно было только верхом на лошади. А так как политинформаторы были, в основном, женщины, им пришлось осваивать верховую езду. Многие к концу войны стали лихими наездницами.

Я все годы войны готовила для докладчиков информационные листки, а уезжая в колхозы, всегда брала с собой карту с пометками, где проходила линия фронта, и выступала перед колхозниками и работниками МТС с докладами. И каждый раз убеждалась, что сказать вовремя людям правдивое партийное слово, разъяснить им задачи дня — это гораздо действеннее, чем приказ и простое требование. Сошлюсь на два примера, хотя можно было привести их десятки.

Самым трудным годом для района был сорок третий. Мужчин осталось очень мало, техники и лошадей — тоже. Приходилось почти все время быть в селах, разговаривать с людьми, организовывать и помогать.

Наступила сенокосная пора. Однажды я приехала в Мазалово, осведомилась у сторожа, где работают люди, и поехала искать. Подъехав к стоянке, расседлала коня, подошла к женщинам. Вид у них усталый, некоторых вместе со взмахом косы бросает в сторону. Я долго пробыла на лугу, подменяя то одну, то другую. Когда сели обедать, увидела, что женщины принесли с собой в узелках. Только в одном из восемнадцати была краюшка, похожая на хлеб, в остальных — по три-четыре картофелины, а в горшках и тесках — запаренные и забеленные молочком листья (срывались молодые листья ка-

пусты, свеклы). Для меня это не было дивом: мои трое детей тоже весной парили в чугушке то крапиву, то лебеду, пока не вырастали овощи на огороде. Но тут — тяжелый, изнурительный труд — косовица вручную, и ни грамма хлеба!

После обеда меня попросили рассказать о положении на фронте. Я прикрепила к веткам березы карту, рассказала о героизме наших воинов, очищающих страну от коричневой чумы — фашизма, который нес с собой смерть и порабощение советскому народу. Показала им снимок замученной Зои Космодемьянской с веревкой на шее и изуродованной грудью. Многие женщины вытирали слезы. А одна, постарше, — лет пятидесяти — резко поднялась и сказала: «Слезам делу не поможешь, до Берлина еще далеко, солдат кормить надо». Развернулась и пошла.

— Анастасия Федоровна, подожди, пойдем вместе, — окликнула ее молоденькая женщина.

Затем все встали и снова принялись за работу.

Когда я на следующий день возвращалась из дальнего сельсовета и заглянула в Мазалове в контору, на доске был вывешен список бригад и там значилось, что вчерашние мои знакомые выполнили дневное задание на сто восемьдесят процентов.

Еще один пример. Начиналась подписка на военный заем. Из райкома и райисполкома на места поехали почти все работники. Мне достался Песоченский сельсовет. Приехала во второй половине дня, побывала на ферме, в бондарной мастерской. К 9 часам вечера стали собирать людей. В годы войны население по первому зову сходилось и на лекции, и на собрания. И в этот раз собралось человек 150. Председатель сельсовета спросил:

— Есть желание послушать доклад: как там у нас дела на фронте?

Из зала гулко прозвучало:

— Конечно! Просим!

Я рассказала не только о том, как дела на фронте, но и о разрушенных городах и сожженных селах в освобожденных районах страны и в самом конце сообщила, что выпущен новый военный заем, средства от которого пойдут на то, чтобы разгромить врага, восстановить разрушенное хозяйство. Назвала сумму подписки, установленную району, сказала, сколько нужно собрать наличными,

Первым к столу подошел семидесятилетний старик и показал в зал рукой:

— Вон моя старуха, Агафья Степановна. Мы согласны сдать в «Заготскот» корову и эти деньги внести на облигации.

Кто-то спросил:

— Ну как, Агафья Степановна?

— Пусть тому косому Гитлеру моими облигациями глотку заткнут, скорее война кончится!

Раздались бурные аплодисменты.

В тот вечер больше половины колхозников подписались на заем. В последующие два дня подписка была закончена.

Всего с сорок первого до конца сорок третьего года по Туганскому району собрано наличными по подписке на военные займы почти два с половиной миллиона рублей. Внесено на танковую колонну и эскадрилью более четырех миллионов.

Труженики сел помогали фронту всем, чем могли. В деревне к 1943 г. остались, по существу, одни старики, женщины да дети. Все трудоспособные мужчины ушли на фронт. Война взяла и почти всю технику. Не хватало лошадей: они тоже нужны были фронту. А планы сдачи хлеба, мяса, масла, других продуктов не уменьшались, да и думать об этом не приходилось. Какой же непомерно тяжкий труд лег на плечи людей, особенно женщин!

Каждая вторая женщина на селе была солдатской вдовой, у многих росло четверо-пятеро и более детей. И приходилось управляться и в колхозе, и дома. Бывало, приедешь весной на поле, и от одного зрелища голова кругом пойдет: два-три старика вручную разбрасывают зерно, в бороны впряжены коровы. Коровы с непривычки мычат, упираются, не идут на полосу, женщины их погоняют, неистово ругаются, плачут и хохочут.

А потом кто-то придумал такой способ: мальчонка лет 10—12-ти с небольшой вязанкой сена за плечами идет впереди, корова тянется за сеном и тащит борону. Так вот покружат по полю часа три, а затем приводят других коров. Люди передохнут часок и снова идут бороновать пашню. Впоследствии коровы так привыкли ходить в упряжке, что осенью, когда подстынет и выпадет первый снег, на них женщины возили хлеб на пункты приема зерна, дрова для школы. Но когда наступала

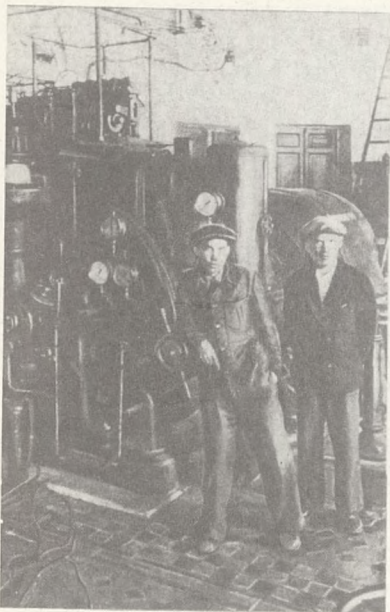
Члены Томского комитета ученых: справа налево — В. Д. Кузнецов, А. Г. Савиных, К. А. Водопьянов. Вторая слева — Печеных М. И. — ответственный секретарь правления Томского отделения общества «Знание». Фото 1948 г. (Личный архив П. А. Кондратьева, ТГУ).

Томский университет. Профессор доктор физико-математических наук М. А. Большанина. В годы войны удостоена Государственной премии.

Профессор Б. П. Токин, председатель Томского комитета ученых в годы войны.

Доценты (ныне профессора) ТПИ И. Д. Кутявин (справа) и В. Т. Юринский у смонтированного и запущенного ими в июле 1942 г. турбогенератора электростанции института, питавшего завод «Сиб-электромотор» до 1945 г.

Делегаты Шегарской районной партийной конференции. Март 1945 г.

«КО ВСЕМ УЧЕНЫМ, ИЗОБРЕТАТЕЛЯМ,
ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИМ
РАБОТНИКАМ, СТАХАНОВЦАМ
ПРОМЫШЛЕННОСТИ, ТРАНСПОРТА
И СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Ученые Томска с первых дней Великой Отечественной войны с озерелой фашистской бандой Титлера показали себя пламенными патриотами нашей великой социалистической Родины. Каждый временно находящийся в тылу знает, что тыл неотделим от фронта. Профессия ученого сейчас — военная профессия. Каждый ученый должен незамедлительно направить свои силы, знания, волю на обслуживание практических задач обороны, промышленности, транспорта и сельского хозяйства. Комитет ставит своей задачей — содействие перестройке науки на службу обороны нашей страны. Комитет поможет инженерно-техническим работникам, изобретателям, стахановцам в разрешении возникающих у них научно-технических вопросов. Связывайтесь с Комитетом, выдвигайте инициативные предложения, предлагайте свои силы на наиболее боевые участки работы, организуемые Комитетом.

Члены комитета ученых».

Из обращения Томского комитета ученых. 1941 г. (Высшая школа СССР за 50 лет. М., 1967, с. 87).

Электромонтер Кетского лесозавода Д. П. Пашинцева заменила мужа, ушедшего на защиту Родины от фашизма. Фото 1941 г.

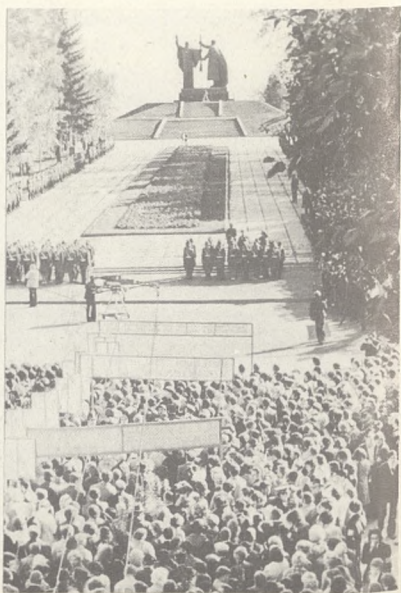
Учащиеся Нарымской окружной школы механизаторских кадров осваивают комбайн. Слева направо: Е. М. Бугрова, инструктор производственного обучения Н. М. Кармастин и А. Ф. Обидина.

Секретарь Пышкино-Троицкого райкома партии М. Г. Галков проверяет готовность почвы к посеву в колхозе «Ударник». Фото 1944 г.

Открытие в Томске мемориала боевой и трудовой славы томичей в годы Великой Отечественной войны. 9 сентября 1979 г. Фото Е. К. Лисицина.

распутица, нельзя было проехать, женщинам приходилось заменять тягло. Сорок третий год для хозяйств района был самым трудным, некоторые колхозы не засыпали семенное зерно. Ранней весной сорок четвертого таким колхозам была дана ссуда. Часть зерна до распутицы была вывезена, но ранняя весна как-то сразу залила лога, расквасила дороги, и тогда женщины делали из мешков рюкзаки, насыпали в них зерно и несли за плечами от пунктов «Заготзерно» до колхоза. Если расстояние превышало 10 км, насыпали 15—20 кг, если меньше — 25.

Однажды 20 женщин из Александровского колхоза¹ тоже направились за семенным зерном на станцию Туган. Я из окна райкома видела, когда они пошли. Часа через два запрягла лошадь и поехала в том направлении. От райцентра километра на три тянулась небольшая грива, по ней можно было проехать. Решила, как только женщины подойдут к гриве, часть их ноши переложить на дрожки.

Не успела доехать до назначенного места, вижу: две женщины несут третью — хрупкую, молоденькую. Побежала навстречу, помогла донести ее до дрожек. Когда усадили, она стыдливо сказала:

— Выкидыш, наверно, будет... А Сеня, когда из госпиталя приезжал, говорил мне: «Ты, Маруся, смотри, ежели забеременеешь вторым, не вздумай что-нибудь сделать, ребятишкам вдвоем легче расти».

— Зачем же вы пошли? — спросила я.

— Да не говорила я никому, что беременна. Тошная, не видно, вот бригадир и решил послать меня.

Привезла я ее в больницу, вызвала врача, та пригласила акушерку, больную увели в палату. Все обошлось хорошо. Маруся пролежала две недели и вышла снова на работу, но тяжести ей поднимать запретили. В начале августа родилась у нее дочь, собрались к ней женщины, с которыми она ходила за зерном, пригласили и меня. Мы сообща решили дать девочке имя Виктория (Победа).

...Сердце и сейчас болит, когда вспоминаешь, какой ценой доставался военный хлеб.

Особенно тревожная обстановка сложилась осенью 1943 г. Хлеб с большим трудом убрали, заскирдовали, обмолотили не весь. В двух колхозах Дунинского сель-

¹ Александровское было центром Туганского района.

совета необмолоченные скирды занесло снегом. Одним женщинам и подросткам расчистить тока, дороги, обмотить хлеб было не по силам.

Поехала я за помощью в Томск, к начальнику Ленинградского зенитного артиллерийско-технического училища (ЛАТУЗА), которое занимало тогда здание политехнического института. Через ленинградцев, эвакуированных в район, у нас завязалась с этим училищем крепкая дружба, и латузовцы не раз нам помогали.

Генерал Белан меня принял очень вежливо, выслушал и, недолго раздумывая, сказал: «Хлеб — наша общая забота. Подсчитайте на месте, сколько надо людей, и сообщите. Курсантов направим двумя группами. Первая расчистит дороги, тока, скирды. Вторая поможет обмолотить хлеб. Каждая группа должна работать не более трех дней».

Вернувшись из Томска, я позвонила в Дунинский сельсовет, поговорила с председателем, и мы условились, что на расчистку будем просить 50 человек. Доложив об этом генералу Белану, на следующий день мы с А. И. Филюшиной — секретарем райкома комсомола — выехали на станцию Туган встречать курсантов. Парни вышли из поезда с лыжами и вещмешками за спиной. Мы познакомились, Филюшина скомандовала: «На лыжи становись!» и сама первая двинулась вперед.

Появление парней в деревне вызвало огромную радость. На расчистку пошли все женщины и подростки. За три дня были расчищены и дороги, и ток и даже завезена молотилка с конным приводом.

Из Дунина до Томска курсанты пошли на лыжах. Этим же путем в деревню пришла вторая группа — 30 человек — молотить пшеницу. Филюшина каждый вечер звонила в райком, докладывала о ходе молотьбы. В день окончания работ поехала я в Дунино поблагодарить курсантов за помощь.

Вечером в клуб собрались все жители села и курсанты со своим баянистом. Провели короткое собрание, на котором я вручила воинам благодарственное письмо райкома и райисполкома. Потом начались танцы под баян. Протанцевали два или три круга, вдруг выпорхнула низкорослая девчонка, на вид лет шестнадцати, и выкрикнула:

— Пятки чешутся, плясать хочу!

Баянист заиграл «Барыню», девчонка, поведя пле-

чами, отбила каблучками дробь. Кто-то из зала крикнул:

— А ты, Маня, с припевками.

Она птицей пролетела по кругу, приостановилась и звонко пропела:

Я в Берлин завтра лечу,
видеть Гитлера хочу.
Спрошу, помнит ли он, гад,
про Москву и Сталинград,
про дугу про Курскую
и храбрость нашу русскую.

— Вот это Маня! — раздалось среди курсантов,
А она обошла круг и снова запела:

Геббельс брешет на луну,
разошелся, ну и ну...

Я точно не помню следующие слова, но они о том, что Маня готовит для Геббельса кляп из льняных отрепьев. В зале смеялись и хлопали в ладоши.

— Ты, Манюха, про наших-то что-нибудь сочини, — попросила пожилая женщина. Зал сразу притих. В Дунине в каждом втором доме к этому времени была либо похоронка, либо сообщение «пропал без вести».

Маня замедлила движение, затем остановилась. Она совсем стала непохожей на ту озорную девчонку, которая только что летала по кругу. Но выполнить просьбу ей, видно, хотелось. Вдруг в глазах у нее снова сверкнул огонек, и она пропела:

Мы Россию возродим,
Гришек, Мишек народим,
Наши корни не умрут.
Ну а Гитлеру — капут!

Возвратилась я домой глубокой ночью. Трое моих детей и Дуся-ленинградка спали. Дуся жила в нашей семье все годы эвакуации, работала истопником-уборщицей. Без меня была полной хозяйкой в доме, строго распределяла продукты, по счету на каждого варила картошку в мундирах, следила, чтобы всем поровну досталось хлеба. В этот вечер она подумала, что я не вернусь, и разделила мой вечерний паек среди детей.

Я разожгла примус, вытряхнула из кармана полущубка на стол горсть пшеницы, которую взяла на току, сварила с солью и поужинала. Настроение было хорошее: хлеб все же удалось спасти.

ТЮДЕЛЕКОВА
ЕЛИЗАВЕТА
ВАСИЛЬЕВНА

Член КПСС с 1941 г. Родилась в 1920 г. в семье крестьянина д. Першино Кривошеинского района Томской области. В годы Отечественной войны работала первым секретарем Колпашевского райкома ВЛКСМ и вторым секретарем Нарымского окружкома комсомола. После войны — заведующей отделом Томского обкома ВЛКСМ, затем — на партийной и журналистской работе. С 1976 г. на пенсии. Член Союза журналистов СССР. Награждена четырьмя медалями.

Комсомольцы — беспокойные сердца

Город Колпашево до августа 1944 г. был административным центром Нарымского округа, объединявшего 13 северных районов Новосибирской области. (С образованием Томской области Нарымский округ был упразднен.)

Полнокровной, радостной жизнью жил центр округа Колпашево. Прилежно трудились и учились, весело отдыхали жители северного города. И вдруг эта мирная светлая жизнь нарушилась.

Воскресенье 22 июня 1941 г. выдалось теплым, солнечным. В этот день на пристань, к лодочной переправе, спешили юноши и девушки с песнями, гитарами и балалайками, с волейбольными сетками и мячами, удоч-

ками. Мы уже возвращались домой после отдыха, когда из репродукторов прозвучало необычное тревожное сообщение: сегодня в 4 часа утра фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз...

У столбов с черными четырехугольными громкоговорителями, как их тогда называли, скопились толпы людей. Гнев, возмущение, проклятия фашизму раздавались всюду. Окружком и Колпашевский райком партии сразу же после правительственного сообщения объявили по радио о том, что на стадионе состоится митинг трудящихся.

Митинг открыл секретарь окружкома партии Сергей Иванович Паршин. Каждое слово его яркой, взволнованной речи наполняло сердца участников митинга решимостью с честью отстоять свободу и независимость нашей Родины.

В заключение С. И. Паршин сказал, что, какие бы трудности и суровые испытания ни пришлось пережить нашему народу в смертельной схватке с фашистскими полчищами,— победа будет на стороне Страны Советов. «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!» Эти вещие слова Александра Невского за всю многовековую историю существования русского государства оправдывались. Будет так и теперь!

На митинге выступили ветераны партии и гражданской войны, окрвоенком, секретарь окружкома комсомола, стахановцы промышленных предприятий.

Только закончился митинг, и к трибуне устремились десятки парней, девушек, мужчин. Они просили направить их на фронт добровольцами. Со всех концов стадиона неслось: «Смерть фашизму!», «Да здравствует свобода и независимость нашей Родины!», «Руки прочь от Советской державы!..»

23 июня окружком комсомола собрал комсомольский актив Колпашева. Вместе с работниками окружкома и райкома были здесь секретари крупных первичных комсомольских организаций города, молодые учителя и пионервожатые средних школ, активисты оборонных и спортивных обществ.

И теперь, спустя 40 с лишним лет, хорошо помню, что было решено на этом совещании: все комсомольцы должны считать себя мобилизованными. Недисциплинированность и неприлежность в производственной работе и в военной подготовке, невыполнение решений комсомольских организаций совершенно недопустимы в усло-

виях военного времени. Каждый комсомолец в любую минуту должен быть готов к отправке на фронт.

Комсомольцы во всех делах проявляли свою инициативу, показывали пример, не отставали от коммунистов. Многие коммунисты и комсомольцы добровольцами ушли на фронт. В их числе были секретарь окружкома партии С. И. Паршин, секретарь Кривошеинского райкома партии С. Ф. Двоглазов, инструктор окружкома ВЛКСМ Леонид Попов, ряд секретарей райкомов комсомола, десятки других коммунистов и комсомольцев Нарымского округа. Уже к концу 1941 г. большинство райкомов ВЛКСМ возглавляли девушки.

Секретарем Колпашевского райкома комсомола была Евдокия Сергеевна Петрова. Опытная, инициативная, энергичная, она пользовалась большим авторитетом в районе. В сентябре 1941 г. Е. С. Петрова (по мужу Макарова) была переведена на работу в окружком ВЛКСМ. А секретарем райкома комсомола избрали меня.

Мне было тогда 20 лет. Никакого опыта комсомольской работы районного масштаба. А район-то вместе с городом был самым крупным в Нарымском округе. В первые месяцы приходилось чрезвычайно трудно. И отчаяние, и боязнь, что не справлюсь, и скоропалительное, необдуманное решение некоторых вопросов, и неумение распределить свое время так, чтобы его на все нескончаемые райкомовские дела хватало,— все было. Но хорошо помогали советами инструктор райкома партии Анна Федоровна Январева (впоследствии Пшеничникова), бывший секретарь райкома комсомола Евдокия Сергеевна Петрова, первый секретарь райкома партии Сара Евгеньевна Калинина, секретари окружкома комсомола.

В 1942 г. первым секретарем окружкома ВЛКСМ был избран коммунист Николай Алексеевич Акулов, посланец Новосибирского обкома комсомола (на фронт его не пустили из-за болезни). Толковый, тактичный, исполнительный и требовательный к себе, он также умел и спрашивать с «девичьего батальона», и помогать нам, секретарям райкомов комсомола.

Неутомимыми, принципиальными, непримиримыми к недостаткам, инициативными были такие колпашевские комсомольские активисты, как Петр Поспелов — учитель истории Колпашевской средней школы № 1, член бюро райкома комсомола; Валентина Андреева (после войны — Корнеева) — член райкома комсомола,

заместитель начальника политотдела по комсомольской работе Чажемтовской МТС; Любовь Абакумова — заведующая начальной школой с. Новоильинки, секретарь сельской территориальной комсомольской организации; Августа Тюина — нештатный инструктор райкома комсомола (в 1942 г. Гутя добровольцем ушла на фронт, за ратные подвиги удостоена боевых наград); Валентина Яблокова — секретарь комсомольской организации Нарымской селекционной станции.

Славными производственными и общественными делами отличались десятки и сотни других комсомольских активистов. А дел и забот у райкома комсомола и его везде успевающего актива было столько, что даже простое их перечисление заняло бы несколько страниц.

На первом плане была, конечно, повседневная забота о всемерной помощи фронту. Так, сбором теплых вещей, упаковкой и отправкой их на фронт были заняты буквально все комсомольцы колхозов, предприятий, учреждений, школ. На пункте сбора теплых вещей в Колпашеве было установлено круглосуточное дежурство, где часто работали по 12 часов в сутки работники окружкома и райкома комсомола, секретари первичных комсомольских организаций города.

Уже к осени 1941 г. райком ВЛКСМ стал боевым штабом по организации комсомольско-молодежных воскресников в фонд обороны. Заработанные средства на заготовке дров для электростанции, выгрузке угля с барж, погрузке лесоматериалов с Кетского лесозавода, на сборе грибов и ягод перечисляли в отделение Госбанка на эскадрильи боевых самолетов «Комсомолец Нарыма».

Затем началась активная работа среди молодежи по сбору личных средств в фонд обороны. С 1941 по 1945 г. первичные организации г. Колпашева и Колпашевского района перечислили в фонд обороны около 800000 рублей.

За первые два года войны райком комсомола проводил в армию более 70 процентов членов ВЛКСМ, в том числе 15 девушек. Районная комсомольская организация пополнялась, в основном, подростками.

В сентябре 1941 г. по инициативе окружкома и райкома комсомола создали лыжный отряд из 60 комсомольцев Колпашева. После короткой подготовки в одной из прифронтовых воинских частей наш добровольческий отряд принял боевое крещение в жестоких боях.

под Москвой в ноябре-декабре 1941 г. В формировании лыжного отряда очень активно участвовал Дима Яковлев. Ему было тогда 18 лет. Невысокий, коренастый, общительный и бойкий, он быстро завоевал симпатии своих сверстников. На время следования отряда до пункта формирования воинской части Дима был назначен старшиной.

Воевал Дима отлично. Он получил два ордена Отечественной войны, орден Красной Звезды, медаль «За боевые заслуги» и другие фронтовые награды. Демобилизовавшись в звании старшего лейтенанта, коммунист Дмитрий Ильич Яковлев многие годы работал в областном управлении внутренних дел, стал полковником милиции.

Но ряды ветеранов комсомола, мужественных защитников Родины, к сожалению, редуют...

Д. И. Яковлев умер в 1981 г. скоропостижно. Но память об этом славном человеке останется в сердцах всех, кто его знал, на всю жизнь.

С огромным патриотическим подъемом встретили колпашевские комсомольцы сообщение о формировании Сибирской добровольческой дивизии. Поступали сотни заявлений в военкомат, в райком партии и райком комсомола с просьбой зачислить в дивизию. Однако просьбу всех желающих невозможно было удовлетворить. Кому-то надо было выращивать хлеб и скот, добывать рыбу, производить продукцию для фронта. В эту дивизию отбирались наиболее физически закаленные и имеющие военную подготовку коммунисты и комсомольцы.

Райком комсомола и все первичные комсомольские организации с первых же дней войны уделяли особое внимание обучению комсомольцев и молодежи военному делу. При окружном управлении связи были созданы курсы телефонистов и радистов. На этих курсах обучались более 50 комсомолок. Была также организована подготовка медсестер и санинструкторов. Обучение велось под руководством опытных врачей, фельдшеров и медсестер Колпашевской поликлиники и больницы, ряда медицинских пунктов крупных сел района.

Все комсомольцы в обязательном порядке занимались лыжным спортом, осваивали приемы передвижения попластунами, участвовали в военизированных походах. Освобождались только больные, имеющие врачебные справки. За недисциплинированность строго наказывали.

Помнится, зимой 1942 г. пришла в райком комсомола мать одной студентки пединститута. (Этот институт был временно перебазирован из Новосибирска в Колпашево в связи с острой нехваткой помещений под военные госпитали и для других неотложных нужд.) Мать студентки умоляла секретаря райкома отменить решение первичной комсомольской организации института об исключении ее «хрупкенькой» дочери из комсомола за невыход на лыжный кросс. Это, пожалуй, был единственный случай недисциплинированности такого рода. Поэтому он и запомнился.

В организации оборонно-спортивной работы большую помощь райкому комсомола оказывала мастер спорта по лыжам Валентина Кондратьевна Крюкова. Ни одно спортивное мероприятие в городе не проходило без ее участия. Она была неизменным председателем оргкомитета или членом штаба на массовых соревнованиях и по другим видам спорта. С образованием Томской области В. К. Крюкова возглавила областной совет спортобщества «Динамо», а затем была назначена председателем комитета по физкультуре и спорту при облисполкоме.

Очень инициативно работал окружной комитет Осоавиахима. Работники окружного добровольного оборонного общества ежедневно бывали на местах, в первичных организациях, помогали молодежи овладевать военными знаниями: приобретать навыки меткой стрельбы из винтовки, правильно пользоваться противогазом, усваивать приемы самообороны в условиях химического нападения и во время вражеских бомбардировок.

Все мы жили прежде всего событиями на фронте, жадно ловили каждое слово из сообщений Совинформбюро. Самый горячий интерес вызывали лекции о положении на фронтах Великой Отечественной войны, беседы о бессмертных подвигах Зои Космодемьянской, Николая Гастелло, героя-земляка Феоктиста Трифонова, о стойкости и мужестве комсомольцев и молодежи осажденного Ленинграда.

Невозможно представить себе жизнь молодежи далекого Нарымского края в тяжелые военные годы без общения с искусством. Без песен не обходились ни воскресники, ни массовые военно-спортивные соревнования, ни собрания. Боевая песня. Это верный спутник бодрости и жизнестойкости!

В 1942 г. создали комсомольско-молодежную агитхудожественную бригаду. В ней было 15 человек: лектор, певцы и танцоры, баянист, сочинитель сатирических куплетов. Ни лютые морозы, ни бездорожье весной и осенью не были преградой для бригады. На попутных подводах, на лыжах и обласках, а то и просто пешком добирались колпашевские артисты к рыбакам и охотникам, лесозаготовителям и колхозникам. И везде их встречали тепло и радушно. Агитбригада весьма успешно работала все военные годы.

Летом 1941 г. в Колпашево был эвакуирован украинский театр имени Т. Г. Шевченко. Артисты театра быстро освоились в северной обстановке. Кроме спектаклей, они давали концерты в городском кинотеатре и клубе Осоавиахима, несколько раз выезжали в с. Тогур. Колпашевцам запомнились также концерты артистов Ленинградского театра драмы имени А. С. Пушкина, который был эвакуирован в Новосибирск. Группа артистов этого славного театра на пароходе «Пролетарий» курсировала по Оби, выступала с концертами в крупных селах Приобья. Нарымчане восторженно приветствовали В. Качалова, Н. Симонова и других популярных артистов.

Чем дальше шла война, тем меньше в районе оставалось трудоспособных мужчин. На плечах стариков, женщин и подростков в годы войны держались предприятия, леспромхозы, сельскохозяйственные и рыболовецкие артели.

В сенокосную пору 1942 г. я несколько дней находилась в селе Новоильинка, помогала комсомольской организации провести сбор теплых вещей для армии.

...Набегавшись по домам, тащимся с секретарем комсомольской организации Любовью Абакумовой с охапками одежды в сельсовет. По дороге пылит телега. Подходим ближе. Лошадью управляет шустрая девчушка, везет «раненого бойца». Ему лет 10. Придерживая ногу, замотанную тряпицей, сквозь которую выступает кровь, мальчик приговаривает:

— Вот отстану от ребят. Поди-ка дед Миколай их сегодня хорошо научит сено косить...

— А что с тобой случилось? — спрашиваем малого.

— Эх, кочку не заметил в траве, и как махну литовкой, а она, острющая, прямо по большому пальцу. Но я живо буду на покосе. Сейчас дома приложу алойцвет, и до завтра нога заживет...

Не только в поле и на лугах работали ребята. Учащиеся старших классов на время каникул приходили в коллективы промышленных предприятий, чтобы заменить ушедших на фронт. Случалось, эти подростки от усталости и недоедания еле держались на ногах. Но никто из них не покидал своих рабочих мест, старались работать наравне со взрослыми. Школьники очень гордились тем, что продукция, сделанная их руками, крайне нужна для победы над ненавистным врагом.

Выходных дней практически не было. Дружно выходили наши комсомольцы и молодежь на воскресники по заготовке топлива для школ, по погрузке лесоматериалов на баржи для фронта (крепезж для блиндажей, траншей). Решения райкома комсомола по вопросам неотложных работ были предельно лаконичными, как военный приказ:

«Обязать комсомольские и пионерские организации средних и неполных средних школ в течение мая и июня с. г. обеспечить силами учащихся 6—10 классов заготовку дров в полной потребности на весь отопительный сезон 1942/43 учебного года.»

В целях безопасной работы ребят в лесу просить директоров школ установить в дни заготовки дров дежурство учителей.»

Секретарям комсомольских организаций школ не позднее 5 июля 1942 г. выслать отчет в райком ВЛКСМ о выполнении настоящего постановления.»

В октябре 1943 г. представители комсомольских организаций собрались в Колпашево на расширенный торжественный пленум окружкома ВЛКСМ, посвященный 25-й годовщине Ленинского комсомола. Секретари райкомов рапортовали с трибуны пленума о самоотверженном труде комсомольцев и молодежи в колхозах и МТС, в рыболовецких и охотничьих артелях, в леспромхозах.

Сколько гордости за нашу молодежь, сколько патриотизма, беззаветной любви к Родине, к ленинской партии и к Красной Армии звучало в их выступлениях! И никаких сетований на огромные трудности.

На этом торжественном юбилейном пленуме я ближе узнала всех секретарей райкомов комсомола. Да и по роду своей работы мне надо было иметь с ними тесный контакт, так как я уже была утверждена секретарем окружкома комсомола по идеологической работе. Это

были настоящие комсомольские вожаки, неутомимые организаторы и пропагандисты.

Вот Елизавета Прокопьевна Орлова — секретарь Тымского райкома комсомола. Волевая и бесстрашная, она могла пешком зимой обойти все деревушки и рыбацкие карамо своего болотистого, «звериного», малонаселенного, но очень обширного района. И везде она умела подметить добрые дела, подбодрить уставших, выступить с докладом о событиях на фронтах и в тылу, показать на местных примерах, как надо работать и преодолевать трудности. За веселый нрав и неутомимость любили в районе Елизавету Прокопьевну.

Надежда Титова — секретарь Чаинского райкома комсомола. Красивая, серьезная и требовательная, она неизменно добивалась успешного выполнения и производственных, и общественных задач, стоящих перед комсомольцами района. Чаинская районная комсомольская организация в годы войны была в числе самых сплоченных и инициативных. И трудно было поверить, что обаятельной и неутомимой Надежды Титовой не стало в возрасте 24 лет. Она простудилась, спасая детей во время наводнения, и умерла от скоротечного туберкулеза летом 1945 г.

С огоньком, не щадя своих сил, работали секретарь Васюганского райкома ВЛКСМ Александра Мокроусова, Верхнекетского — Анастасия Жукова, Парабельского — Лидия Бочкарева, Колпашевского — Александра Панова (Еремина) и другие.

Среди комсомольских вожаков Нарымского округа в первые годы войны было, пожалуй, только два юноши. Это Александр Калинин и Алексей Мальцев. На фронт их не взяли по состоянию здоровья. Зато среди комсомольского актива не было стопроцентного девичьего «засилия». Александр был очень тихий и застенчивый, а Леня (так ласково звали А. Н. Мальцева) — весельчак и шутник. Оба успешно справлялись с комсомольской работой.

В связи с острой нехваткой в северных районах рабочих, учителей, воспитателей детских домов Новосибирский обком ВЛКСМ по заданию обкома партии осенью 1941 г. направил в Нарымский округ 200 комсомолок-добровольцев. Нытиков и «хлюпиков» в этом боевом отряде не было.

...Совершив экскурсию по центральным улицам нашего городка, в райком комсомола быстрыми шагами

зашла худенькая, но очень стройная и шустрая де-
вушка.

— Ты кто? — спросила я.

— Я Зинаида Остроумова. Меня направляют в са-
мый далекий район — Васюганский. Буду работать ры-
бачкой.

Разговорились.

— А знаешь ли, Зинаида Остроумова, что там ле-
том тучи комаров с паутами, а зимой морозище до со-
рока восьми градусов? Среди рыбаков почти все ханты.
Они плохо говорят по-русски. У них свои привычки,
нравы. Старики очень любят огненную воду (водку) и
курят махру, курят из огромных трубок, и дым валит,
как из труб паровозных. Это они от гнуса откуривают-
ся. А по берегам Васюгана часто прогуливаются мед-
веди под ручку с молодыми рыбачками. Вот! Не бо-
ишься, Зинаида Остроумова?

— Нет, не боюсь! Я сама попросилась в самую
глухую тайгу...

Мне показалось, что в ее улыбке, в добром прищуре
глаз — и твердая решимость, и грусть по родному до-
му. Но вот она встряхнула кудрями, заговорщически
подмигнула и прикрыла дверь. Затем налила из гра-
фина полный стакан воды и опустилась на пол. Как
пластично, как красиво передвигалась она со стаканом
воды на лбу! Минуты три продолжался этот цирковой
номер. Я даже испугалась: а вдруг циркачка свернет
себе шею?

— Здорово, Зина! Где научилась?

— Тренировки. Желание было большое. Вот и вы-
ламываюсь иногда, — просто, без всякого бахвальства
сказала она. «Оседлое» пристанище Зины Остроумовой
находилось в маленькой Черемшанке, в 200 километ-
рах от районного центра — с. Средний Васюган. Сезон-
ное, а оно стало главным, — примерно в 40 километрах
от Черемшанки, у озер и реки Васюган, в тесных из-
бушках с нарами и матрацами, набитыми сеном, с се-
тями и прочими рыболовными снастями, с охотничьими
лыжами. Сначала Зина была политруком комсомоль-
ско-молодежной бригады, а затем, когда наловчилась
рыбачить, ее утвердили политруком участка.

Рыбаки любили свою бесстрашную «командиршу,
танцорку и фокусницу Синку». Дважды спасали и ле-
чили ее от простуды, когда в сильную бурю на реке оп-
рокидывался ее шаткий обласок.

За перевыполнение планов по добыче рыбы и активную культурно-политическую работу среди рыбаков Зина Остроумова награждена почетными грамотами райкома партии и райисполкома.

В 1943 г. Зина была отозвана из Васюгана и утверждена инструктором окружкома комсомола. Однажды, вернувшись из командировки в Каргасок, она рассказала о том, что натворила там в соавторстве с секретарем райкома комсомола. Обдумывали они, как лучше и убедительнее доказать, что каждый комсомолец на воскресниках, в свободное от работы время может увеличить вылов рыбы. И пришла в голову мысль: пусть комсомольцы райцентра на совещании в райкоме подпишутся под обязательством по образцу священной клятвы молодогвардейцев Краснодона. Так и сделали. Были в тех обязательствах и такие слова: «...И если я нарушу комсомольское слово и не выловлю один центнер рыбы до конца этого года, то пусть мое имя будет навеки проклято, а меня самого покарает суровая кара товарищей и всей нашей Родины».

Здорово попало Зине Остроумовой за такую вот импровизацию. Но почти все комсомольцы Каргаска сдержали слово, успешно справились со своими обязательствами, увеличили вылов рыбы.

Да, рыба! Сотни тысяч центнеров было добыто ее рыбаками Нарымского округа за годы войны. Консервы для фронта выпускали круглосуточно как на Колпашевском рыбоконсервном заводе, так и на Керченском, эвакуированном в Нарымский округ в первые месяцы войны. Но не только рыбу поставляли фронту нарымчане. Все годы войны зимой уходили до Томска груженные обозы с мясом, салом, сливочным маслом, а с весны рыбу и другие продукты нарымчане отправляли с пароходами.

В сентябре 1943 г. Нарымский окружком партии одобрил инициативу колхозов Колпашевского и ряда других районов о выделении коров в дар колхозам Воронежской области, разоренным дотла фашистскими ордами. Для сопровождения скота была создана бригада из коммунистов и комсомольцев. В нее вошли и комсомольские активисты Екатерина Панова и Валентина Крюкова.

Скот до Томска везли в баржах, а дальше — по железной дороге. Трудностей наши посланцы испытали предостаточно: частые и длительные задержки из-за пе-

регрузки дороги, нехватка сена для коров, которое с великим трудом приходилось доставать в пути, и почти никакого продовольственного пайка, кроме молока, для бригады. Вернулись домой они только через полтора месяца, уставшие, но счастливые от сознания благополучного завершения своей очень трудной, но благородной миссии.

Все свои силы и жар сердец отдавали комсомольцы и молодежь борьбе за победу над фашизмом в годы Великой Отечественной войны. Самоотверженно работали они на предприятиях и в колхозах по 12-14 часов в день, дружно выходили на субботники и воскресники; неустанно закаляли свой характер в спортивных состязаниях и военных учениях, чтобы в любую минуту быть готовыми к отправке на фронт.

Небогат был продовольственный паек, поизносились одежонка и обувь. Но трудности и лишения преодолевались с величайшей стойкостью и верой в победу нашей социалистической Отчизны.

И выстояли! И победили!

НОВОКШОНОВ
ВАСИЛИЙ
АНДРЕЕВИЧ

Член КПСС с 1952 г. Родился 20 декабря 1927 г. в д. Луговое Тегульдетского района Томской области. В годы войны учился в с. Тегульдет и работал в колхозе, в лесной промышленности. После Великой Отечественной войны окончил Томский лесотехнический техникум (1950 г.), Новосибирскую высшую партийную школу (1965 г.) Работал лесостроителем, заместителем редактора тегульдетской районной газеты «Коммунист Севера», редактором районной газеты «Северная звезда» Александровского района. С 1973 г. он работает редактором многотиражной газеты «На стройках Томска».

Награжден медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина». Член Союза журналистов СССР.

У далеких истоков Победы

Весной 1941 г. мне шел 14-й год. Я закончил семь классов Тегульдетской средней школы и вольготно жил в большой семье в деревне Тутальская Горка, в 10 километрах от районного центра с. Тегульдет. Помогал дома по хозяйству, катался с друзьями по разлившейся реке. В тот год вода была очень высокая и наша речка Чемча, незаметная осенью, соединилась с Чулымом. От деревни к Чулыму простерлось сплошное море с островами купающегося в воде леса, кустарников. Тихо было ве-

черами у этого огромного моря, далеко разносились голоса, окликаясь эхом.

И вот война. Радио в деревне не было. Из райцентра прискакал уполномоченный от райкома партии, чтобы собрать митинг, вручить повестки. Я на Пегашке боронил колхозный огород. Кто-то прибежал из конторы правления колхоза:

— Васька, распрягай Пегашку и скачи на гарь (так называли наши колхозные поля), всех кричи в деревню! Война началась. Фашисты на нас напали!

Раздумывать было некогда. Распряг Пегашку, молодого, но хилого конька, которого не брали в плуг, вскочил на вспотевшую спину его и погнал на поля. По пути около маленького дегтярного заводика догнал отца. Он тогда работал в колхозе кладовщиком и шел на кулестан, где тоже были склады и подотчетное имущество.

— Тятка, война! — крикнул я ему. — Всех в деревню собирают.

Отец повернул назад. На полях в то время пахали пары и пропальывали хлеба. Подъехал я и закричал:

— Война с Германией началась! Домой! Домой! Фашисты напали!

И весть о войне покатила по полям, от пахарей к пропольщикам, ехать дальше не пришлось. Мужчины очень быстро распрягли лошадей, оставив сбрую возле плугов, и без седел поскакали в деревню. Мой Пегашка отстал.

Когда я приехал в деревню, небольшая контора колхоза была полна, стояли в дверях. Шел митинг. Шесть колхозников получили повестку о призыве в Красную Армию. Получил повестку и отец.

Уходили они 2 июля. Ехали подводы с мобилизованными, провожающими их из Байгалов, Алтайки и других деревень. В райцентр мы поехали всей семьей. Лишь дед остался следить за хозяйством. Мама навзрыд плакала. Уезжали наши отцы по Сусловскому тракту, словно специально на этот случай отремонтированному в 1940 г.

...С фронта шли тяжелые вести. Все ясней было, что война скоро не кончится. На нас, мальчишек, легли мужские заботы, тяжелый физический труд. Косили мы с мамой утром, вставали рано, а когда солнце и ветерок высушивали траву, шли на колхозный стан. Началось стогование сена. Ростом я был мал и возил копны на лошади.

Осенью работали на уборке урожая, на севе озимых. Приходилось боронить пашню, возить снопы к скирдам или на ток, где шла молотьба. Во время молотьбы на току часто поручали погонять лошадей, с помощью которых двигался привод.

Летом 1941 г. нас еще берегли. Но мужиков в деревне становилось все меньше и меньше, и следующим летом нагрузка возросла. Как только хлеба пошли в рост, нас направили на прополку. Очищали поля от сорняков руками. Лишь колючие стебли осота срезали серпом. Жарко, много гнуса. К утру лишь наступает благодатная пора, опускается прохлада, утихает гнус. Только бы спать, а нас будят. Спим в колхозном амбаре, на топчанах, в 9 километрах от деревни. Приходит бригадир Иван Терехов, садится на край топчана и начинает играть на гармошке. Жаль ему будить нас, но надо. Утром трава мягче, даже осот легче вырывать, не так печет солнце.

— Поднимайтесь, хлопцы. Тетка Акулина уже чай с медком приготовила,— соблазняет он нас.

Значит, сходил на пасеку, что за мостиком, принес колхозного меда для ребятишек. Таким он и запомнился: белобрысым, играющим на гармошке. Долго его не призывали в армию, не ладилось со здоровьем, но пришел и его черед. С фронта он не вернулся...

После прополки — сенокос, затем уборка урожая, скирдование. С начала уборки меня, грамотного паренка, поставили весовщиком на колхозную сушилку. Обязанностей у меня было много: взвешивать, принимать (или, как говорят, приходовать) зерно, которое привозили с полей, фактуровать сухое зерно, что везли в райцентр в счет государственного плана хлебопоставок. Кроме того, я был и коногоном, погонял в приводе Серуху. Когда не хватало возчиков, то ехал вместе с другими ребятами в «Заготзерно». Тогда уже наравне со взрослыми работали Вася Колеватов, Пронька Тазырачев, Шурка Кучумеев и другие.

1 октября началась учеба в 9 классе. В средней школе, в райцентре, нас из деревни училось всего двое. Мать отрывала от семьи последнее, чтобы я мог окончить школу. Однажды в марте, когда в воскресенье я пришел за продуктами, мать сказала:

— Нечего тебе дать. Хлеба нет, картошка кончилась, корова не доится. Хоть в землю зарывайся... Что будем делать, не знаю,

Мать очень похудела, глаза ввалились, припухли. Нас, ребятшек, было в семье четверо. Я залез на теплую печь и стал думать, что делать.

Утром прибежала Маша Покрепова. Их семья приехала с запада, быстро прижилась в деревне. С Машей мы одногодки. Крепкая, среднего роста, с живыми темно-кариими глазами, Маша, несмотря на молодость, уже работала бригадиром.

— Вася, я слышала, что ты дома. Поедем на гарь: овес, горох молотить надо. Людей не хватает... Собирайся, поедем!

Маша подсказала мне выход. Я уехал на гарь. На молотье мне поручили отвозить солому к скирдам. Давали хлеба, был приварок.

...На лето меня взял в подпаски пастух Николай Сорокин. Для фронта он не годился: хромой. Труд пастуха тяжелый, не спешили мальчишки стать подпасками, лишь большая нужда заставляла. Вставать надо до рассвета. Целый день на ногах, лишь поздним вечером плетешься домой. Общее колхозное и деревенское стадо пас я до глубокой осени.

Шло время. На фронте одерживали победы, врага гнали из родной страны. Это радовало. Но рабочих рук в деревне становилось все меньше. Мама и все женщины работали, пока руки держали косу, серп, вилы. Некоторые за день выкашивали вручную по гектару хлеба — Настя Ямщикова, Евдокия Новокшонова, мама. За такую высокую выработку мама однажды получила премию — пол-литра керосина. Ценился он тогда на вес золота. Помню, нашу избу освещали лучина да разные жировички.

Хлеб жали серпами. Были мастерицы, выжинавшие по 25 соток. Работали от восхода до заката солнца не разгибаясь.

Пришел как-то к нам домой член правления колхоза Иван Платонович Белоусов, еще крепкий старик, заговорил:

— Думали мы, Марья, в правлении, решили вот твоего Василия на курсы послать. К чему его грамоте пропадать? Пусть учится.

Мечта учиться меня не покидала.

— На кого учиться-то?

— На пчеловода. Некого посылать. Молод Василий-то, но парень серьезный. Семье подмога будет, — говорил Иван Платонович.

Мне тогда исполнилось 16 лет. Курсы были в Тегульдете. Учился я охотно. Но из месяца 10 дней был на военных сборах, которые запомнились ночными подъемами, марш-бросками. И — приемом в комсомол.

После курсов — вновь работа в колхозе. Помогал пчеловоду на пасеке, убирал хлеб.

...Этой же осенью меня вызвали в райком комсомола и предложили работать с инвалидом Великой Отечественной войны Алексеем Михайловичем Чухниным.

Алексей Михайлович родился и вырос в д. Байгалы. В 1929 г. вступил в комсомол, работал в лесной промышленности. Перед войной стал кандидатом в члены партии, а в июле 1941 г. был призван в армию. Коммунистом стал уже на фронте. 21 ноября 1942 г. в наступательном бою под Воронежем подорвался на mine. Потерял правую руку, глаза, весь изрешечен осколками... Товарищи взяли у него документы, в том числе и партбилет: не верили, что сможет выжить.

Но сержант выжил. В апреле 1943 г. вернулся домой, в чулымские края. Пришлось ему ходатайствовать о восстановлении в рядах партии, что было удовлетворено.

Вскоре Чухнина избрали председателем райкома профсоюза рабочих леса и сплава. До меня у него уже было два личных секретаря: Иван Бережнев и Леня Демин. Оба ушли в армию.

Работать с Чухниным было интересно. Приходилось делать все: читать ему документы, газеты, журналы, писать за него, подписывать деловые бумаги, вести документацию, быть поводырем, кучером и конюхом во время дальних поездок. В районе были Берегаевский мехпункт и Тегульдетский леспромхоз с несколькими лесоучастками.

В феврале 1945 г. мы с А. М. Чухниным ездили в Кандатский лесоучасток. В Кандате я встретил семью Покреповых, уехавшую из нашей деревни. Сестры Мария и Ксюша работали в лесу. После этой командировки в газете «Большевик Севера» появилась заметка, первая в моей жизни: «Три нормы в день». «Комсомольско-молодежное звено Кандатского лесоучастка, — писал я, — которым руководит Мария Покрепова, добилась высокой производительности труда на валке леса. В звене трое. Вместо нормы 57 кубометров они сваливают по 120—130 кубометров леса за день. Звеньевая Мария Покрепова личным примером увлекает за собой осталь-

ных членов звена. За высоко поднятую производительность труда Мария Покрепова премирована».

Чулымский лес шел не только на стройки и шахты, но и непосредственно на оборону. Заготавливали такие ценные сортаменты, как ружейная и лыжная болванки, авиасосну, аккумуляторный шпон, пиловочник и т. д. Помогали лесозаготовители и деньгами. В декабре 1944 г. в Москву на имя Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина пошла телеграмма, в которой говорилось, что рабочие, работницы и инженерно-технические работники Тегульдетского леспромхоза собрали из своих сбережений на строительство боевого самолета 98 170 рублей облигациями госзаймов и 2897 — деньгами.

Люди военных лет... Запомнился мне парторг обкома ВКП(б) в леспромхозе Залман Самуилович Тарант, коммунист с 1939 г. Низкорослый, худой, остролицый. Здоровье у него было плохое, но он не жалел себя. Помню директора леспромхоза Леонида Ивановича Артемьева. К нему притягивали основательность, подтянутость, умение работать с людьми. И его точила болезнь.

В леспромхозе работало много женщин: технорук З. П. Попова, начальник отдела лесного хозяйства А. И. Иванова, М. И. Булыгина и многие другие, чьи фамилии память не сохранила.

За годы войны район добыл стране около 500 000 кубометров древесины. Это настоящий подвиг, ибо почти все делалось вручную.

...9 мая 1945 г. В тот день я прибежал к Чухниным, услышав по радио весть о Победе. Торжественно звучали слова И. В. Сталина: «...Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимы лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, не прошли даром и увенчались полной победой над врагом».

Мы поспешили на митинг. Чухнина попросили подняться на трибуну. Он говорил речь. Небольшого роста, с тросточкой, в черных очках, с пустым правым рукавом, он говорил о великих жертвах и о радости Победы. Люди, глядя на него, плакали. Этот человек ради Победы отдал многое... Потом выступали начальник милиции Пугачев, райвоенком Жарков, секретарь райкома комсомола Колеватова. Они тоже говорили о цене Победы...

ПЕРЕМИТИН
ДМИТРИЙ
АНДРЕЕВИЧ

Член партии с 1945 г. Родился в 1909 г. в с. Зырянское Зырянского района Томской области в семье крестьянина. Окончил три класса и занимался крестьянским трудом в хозяйстве родителей, с 1931 г. — колхозник. В 1939 г. в г. Анжерке окончил курсы комбайнеров и работал в Зырянской МТС комбайнером до 1950 г., а затем комбайнером Громышевской МТС, механиком колхоза «Прогресс», мастером-наладчиком откормсовхоза «Зырянский». С 1969 г. — пенсионер. Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и пятью медалями.

Хлеб — фронту

Я — хлебороб. И, поверьте, ничто не запомнилось мне так ярко, как уборочная страда. Их в моей памяти немало — более двадцати. Почти каждая оставила свой след в моей душе. Хлеб не только праздник на столе — это прежде всего большой труд многих людей.

Молодым, конечно, неизвестно, как трудно он доставался в годы прошедшей войны. Люди старались сохранить каждую крошку из тех немногих граммов хлеба, которые выдавали по карточкам.

Хорошо помню 1941 г. ...Я — бригадир тракторной бригады. Один за другим уходили на фронт механизаторы, самые лучшие трактористы и комбайнеры. На смену им встали женщины, подростки. Они и взвалили

все тяготы нелегкой работы на свои плечи. Первыми в хозяйстве сели на тракторы Аксинья Камынина, Татьяна Ложникова (Кырнова).

Хорошо работали женщины. Трудно измерить по достоинству, оценить силу их духа, их трудовой энтузиазм. Старенькие колесники ХТЗ умолкали лишь тогда, когда темнота поглощала все кругом. Пахать за смену три-четыре гектара стало для них нормой. Чтобы ускорить работу, к тракторному плугу цепляли конный. С благодарностью вспоминаю плугарей-мальчишек: Колю Торшинова, Витю Елькина. Вместе с нами находились они все время в поле. И за всю войну мы не слышали от подростков жалоб на трудности.

Пришло время, когда в колхозе вообще не осталось механизаторов. Подумал, решил посадить на колесники мальчишек. А было им по 15—16 лет. В работу включились Володя Гольцев, Толя Глушков, Ваня Пятков. Под моим присмотром ребята быстро осваивали трактор. Нередко прямо в поле у нас были серьезные, деловые разговоры. «Ребята,— обращался я к ним,— пахать вы знаете как, но не перевыполняйте норму в ущерб качеству. Наворочаете пластов— не будет от земли должной отдачи». И они не подводили.

Июль 1943 г. Районное совещание передовиков сельского хозяйства. Внимательно слушаем докладчика, аплодируем успехам в артельных делах. Но вот называют мою фамилию. Мне предоставили слово. Встал за трибуну, сказал коротко: «На комбайне «Коммунар» обязуюсь убрать за сезон шестьсот гектаров». Некоторые из сидящих в зале не поверили. Сами судите: малопроизводительные машины, недостаток горюче-смазочных средств, запасных частей...

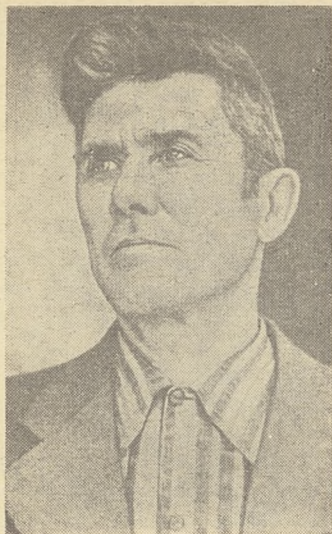
К концу третьей декады сентября я скошил и обмолотил 650 гектаров зерновых и сэкономил около 200 килограммов горючего. Работал вместе с женой. Марина Григорьевна была штурвальной.

Нередко наши колхозники быстрее всех в районе заканчивали полевые работы. И тогда мы по собственному желанию выезжали убирать выращенный урожай в другие колхозы.

Почти 40 лет минуло с тех пор. Но военные годы не забыты. Закрою глаза и вижу родные поля, исхоженные мною вдоль и поперек.

Литературная запись В. Яковлева

**ШИРЯЕВ
ПАВЕЛ
ИВАНОВИЧ**

Член партии с 1948 г. Родился в 1920 г. в семье крестьянина в с. Новониколаевка Асиновского района Томской области. Здесь же закончил начальную школу. В 1938 г. начал трудиться в колхозе. В 1941 г. работал в МТС комбайнером. В октябре 1941 г. призван в Действующую армию. В июле 1942 г. демобилизован по ранению.

После выздоровления снова трудился в колхозе комбайнером. В 1956 г., после реорганизации МТС, стал заместителем бригадира тракторной бригады, в 1960 г.—бригадиром в колхозе. С 1980 г., после выхода на пенсию,—заведующий мехдвором совхоза «Коммунист» Асиновского района.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени и пятью медалями.

Как бы трудно ни приходилось

Мне уже перевалило за шестой десяток. Возраст пенсионный. Но, пока позволяет здоровье, продолжаю работать. Может быть, еще смогу принести пользу своему совхозу. Все-таки больше сорока лет связан с ним, практически всю сознательную жизнь хлеборобским делом занят. Многое пришлось испытать за эти годы. Но особенно памятны, конечно, сороковые.

Весна 41-го мало чем отличалась от предыдущих весен. В моей жизни, правда, произошла важная перемена. Я перешел работать из полеводческой бригады на

машинно-тракторную станцию и самоучкой освоил профессию комбайнера. Мечтал об этом давно и теперь с большим старанием помогал трактористам в посевной, готовил к будущей жатве выделенный мне «Коммунар» (был такой прицепной комбайн).

Виды на урожай слагались неплохие. И все помыслы и заботы земледельцев были об урожае, о кормах. Мирные заботы. А 22 июня радио принесло тревожную весть: фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. Война! Я не хочу называть это известие «страшным». Иногда, правда, приходится читать такие слова в литературе. Но их нельзя признать точными. Среди всех чувств, которые пришлось пережить каждому из нас в те дни, страха, как такового, не было. Была тревога, когда мы с волнением ждали каждого известия с фронта, была ненависть к врагу, когда мы узнавали о разбомбленных городах и сожженных селах. Если и был страх, то только за судьбу своих родных и близких, сражавшихся на фронте. А главные мысли и чувства, которые владели тогда людьми, — вера в несокрушимость нашей страны, в силу партии, переполнявшее каждого святое чувство патриотизма, когда все личное отодвигается куда-то в сторону, а на первый, самый главный план выходит судьба Родины.

Это чувствовалось во всем, и прежде всего в труде. Каждый работал с полной отдачей сил.

В первых числах октября меня призвали в Действующую армию. Вместе со мной уходила большая часть мужчин из нашего села. При формировании я попал во 2-ю гвардейскую пехотную бригаду минометчиком. После соответствующей подготовки 1 января 42-го наше подразделение прибыло на Северо-Западный фронт, под Старую Руссу. Бои там шли тяжелые.

Нередко за один день по нескольку раз переходили из рук в руки отдельные деревушки, названия которых сейчас уже и не вспомнишь. Впрочем, одна — Васильевка — в памяти на всю жизнь. Помню белое заснеженное поле перед ней, за ним — лог, на противоположной стороне которого мелькают фигуры, вспыхивают искры оружейных выстрелов, чтобы через секунду вырасти перед нами ослепительными всполохами разрывов, — там враг. А рядом разгоряченные от бега лица товарищей, охваченных единым порывом — в атаку, вперед. И на самом краю ложбины близкий разрыв мины опрокинул и оглушил меня.

Уже в госпитале, очнувшись, узнал, что тяжело ранен осколками в ногу. Это было 25 марта. А после трехмесячного лечения вернулся домой с медицинским заключением: инвалид второй группы.

Вначале пришлось отлеживаться дома, пока не поправил здоровье, а как только почувствовал, что могу работать, пошел к директору МТС А. М. Котову:

— Принимайте на работу.

— Ну что ж, фронтовик, садись на комбайн. Сам видишь, механизаторов нет, парнишек да девушек обучаем, а у тебя уже опыт есть. Мутовкин Петро хоть с одной рукой пришел, но управляется, бери и ты свой «Коммунар». Прямо сейчас и приступай...

Так я снова взялся за хлебоборобское дело. Теперь уж на всю жизнь.

Коллектив МТС обновился. Почти никого не было уже из тех многоопытных механизаторов, у которых я учился обращаться с техникой. Теперь ко мне самому приходили молодые девчата или парни и спрашивали совета, а то и просто помощи.

Техника тогда, конечно, была не чета сегодняшней. Чтобы на тракторе день пахать, с ним надо было не один час прокопаться, пока все подтянешь, отрегулируешь. Тут не то что парнишке или девчонке, а и взрослому мужчине нелегко управляться. А ведь жали от росы до росы, пока колос не намокнет, при фарах, а до зари и техход нужно было сделать, так что поспишь несколько часов — и снова за работу. И ведь управлялись, и женщины от нас не отставали, а были и такие, что и мужика в работе за пояс заткнет. Имена наших трактористок Марии Чуприковой из Казанки, Григорьевой (к сожалению, забыл, как звали) из Филимоновки весь район знал.

Отлично работали на отвозке зерна от комбайнов молодые парнишки Афанасий Пепеляев, Василий Чешуин. А потом, когда им подошло время на фронт идти, на смену новая молодежь пришла и трудилась не хуже. Что и говорить, призыв «Все для фронта, все для победы!» у каждого в душе жил. Он и заставлял работать, не считаясь ни с какими трудностями.

А с нас, фронтовиков, особый спрос был. Да и сами с себя мы по-особому спрашивали. С одной стороны, смотрели на нас люди с особым уважением, а его не оправдать нельзя было, с другой — мы сами знали, как там, на фронте. Не вправе были мы, раз уж в тылу ока-

зались, в чем-то чувствовать в долгу себя перед теми, кто на передовой.

Вспоминая то время, не могу не сказать о той огромной роли, которую играли в мобилизации людей на каждодневный трудовой подвиг наши партийные работники. Оценить это в полной мере я смог, наверное, уже позднее, когда сам стал членом партии. А тогда все это считал само собой разумеющимся, неотъемлемой частью каждого дня.

На каком бы участке мы ни трудились (а ведь обслуживали с десяток деревень), чуть ли не ежедневно к нам приезжали на поле представитель райкома партии или секретарь парторганизации Митрофановской МТС И. С. Тутьнин. Приедут, расскажут о положении на фронте, о делах в районе, в МТС, о наших задачах. И после такой беседы сделаешь все, чтобы эти задачи выполнить.

Однажды с ремонтом техники у нас дела шли неважно: специалистов не хватало. Собрал нас И. С. Тутьнин, говорит: «Все понимаю, знаю, что людей не хватает, что и так от темна до темна работаете, но ведь война идет...» Я не припомню, какие еще он слова говорил, но только с того дня до конца ремонта мы даже домой появлялись только перекусить. Подремлешь возле машины — и снова за инструмент берешься. До срока все сделали.

И не было случая, чтобы мы с посевной, с уборкой в срок не уложились, потери допустили, как трудно порой ни приходилось. И в победоносном завершении войны есть вклад каждого из нас.

Сейчас гляжу иногда на мощные «Кировцы», «Нивы», которые пришли в наш совхоз, — какие прекрасные машины, работать на них одно удовольствие. Но, вспоминая те далекие годы, думаю не о том, на чем мы работали, а как мы работали. Ведь все зависит от человека, а война наглядно показала, на какой подвиг способен советский человек.

АСТАФЬЕВА
ВЕРА
ИВАНОВНА

Член КПСС с 1940 г. Родилась в 1906 г. в с. Салма Ромодановского района Мордовской АССР в семье крестьянина-бедняка.

В 1931 г. окончила первый Ленинградский медицинский институт и была оставлена ординатором на кафедре общей хирургии.

С 1933 г. работала в железнодорожной больнице в Ярославле.

В декабре 1941 г. эвакуирована в Томск, где была ведущим хирургом эвакогоспиталя № 3615 все годы войны. С 1946 г. до ухода на пенсию в 1970 г. работала ассистентом и доцентом в Томском медицинском институте на кафедре общей хирургии.

Майор медицинской службы в отставке, В. И. Астафьева награждена орденом «Знак Почета» и многими медалями, а также — значками «Почетный донор СССР» и «Отличник здравоохранения».

Снова бойцы уходили на фронт

Главное, что определяло лицо Томска в годы войны, — это заводы и госпитали. Заводы размещались, в основном, на окраинах, госпитали — в центре. Летом из открытых окон многих зданий с любопытством смотрели на улицы незнакомого города группы выздоравливающих бойцов, соскучившихся по воздуху, по делу.

В клиниках мединститута — госпиталь, в здании нынешнего ТИАСУРа¹ — госпиталь, в общежитии универ-

¹ Томский институт автоматизированных систем управления и радиоэлектроники. До 1962 г. в этом здании находился уже упоминавшийся ТЭМИИТ.

ситета напротив почтамта и в прилегающих домах — госпиталь. Под госпитали были заняты здания, где теперь размещены художественный музей, Дом творческих организаций, гостиница «Северная», многие школы, техникумы, учебные корпуса и общежития вузов.

Незабываемая заслуга Томска в годы войны состоит и в том, что он поднял на ноги, вернул в боевой и трудовой строй тысячи и тысячи раненых воинов. Многие сотни врачей, медицинских сестер, санитаров выполняли внешне неброскую, но очень важную работу: спасали людей от смерти, возвращали им здоровье, вершили свой особый подвиг — подвиг милосердия¹.

Наш эвакуогоспиталь № 3615 был создан в сентябре 1941 г. Меня назначили ведущим хирургом. Других хирургов, кроме меня, не было, хотя госпиталь был переполнен тяжелоранеными бойцами, которым требовалось хирургическое лечение. Одной справиться с такой работой было невозможно. Пришлось срочно готовить хирургов из терапевтов, детских врачей и даже физиологов. Учились, как говорится, на ходу: помогали мне во время операций. Постепенно они овладевали хирургическими навыками и заменяли меня при несложных операциях.

Медицинские работники трудились, не считаясь со временем, любовно выхаживали больных, отдавая им сердечное тепло и душевную доброту. Иногда сутками не уходили из госпиталя медсестры Рая Малкина, К. А. Моисеева, Ф. А. Шварц, М. Чеснокова, М. Ф. Промская и другие. Предельно внимательные к раненым, они всегда находили доброе слово, умели поддержать, успокоить человека, если ему тяжело, читали раненым книги, писали письма по их просьбам. Самоотверженно трудились врачи С. Л. Нарович, Р. Л. Невлер, А. Э. Иванова и другие. За хорошую работу они много раз были отмечены в приказах начальника госпиталя, а также Почетными грамотами Наркомата здравоохранения, награждены значками «Отличник здравоохранения» и

---

¹ Все имеющиеся эвакуогоспитали Томска обеспечены соответствующим оборудованием и квалифицированными специалистами. Привлечены для работы в госпиталях профессора, доценты, ассистенты клиник мединститута в качестве консультантов, начальников отделений и ведущих хирургов. В их числе профессора: Савиных, Серебров, Шубин, Яблоков, Черепнин, Адамов и др.» («Из отчета Томского горкома ВКП(б) за 1944 г.— ПАТО, ф. 607, оп. 1, д. 40, л. 36).

медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» и «За победу над Германией».

С 1943 г. наш госпиталь стал профильным: мы стали лечить раненых в бедро. Больные были крайне тяжелыми, прикованными к постели, с различными осложнениями: укорочением конечности на 10—15 см, а иногда и больше, деформациями бедра, остеомиелитом (гнойным воспалением костей). Им требовалось не только хирургическое лечение (исправление деформаций, удлинение бедра, ликвидация остеомиелита), но и общеукрепляющее. В таких случаях хорошо помогает переливание крови, после чего восстанавливаются силы больного, быстрее заживают раны и срастаются кости.

Городской донорский пункт не всегда мог удовлетворить наши запросы на кровь, ведь в городе было много госпиталей. Вот и пришла мысль создать в госпитале свой донорский пункт. А натолкнул нас на нее такой случай.

Однажды ночью меня вызвали к больному, у которого открылось сильное кровотечение из раны на бедре (чаще всего такие «вторичные» кровотечения появляются у раненых ночью, во время сна, и они не всегда это сами замечают). До моего прихода больному наложили жгут на бедро — временно остановили кровотечение и наладили вливание физиологического раствора внутривенно. Но состояние раненого вызывало большую тревогу. Необходимо было немедленно перелить ему кровь, а потом уже делать операцию.

В госпитале совместимой крови для больного не оказалось, а у меня — кровь одной с ним группы. Раздумывать было некогда. 300 граммов моей крови перелили раненому. Состояние больного улучшилось, он был взят на операцию. Кровотечение удалось остановить. После операции раненому перелили еще 200 граммов крови, которую взяли у медицинской сестры, находившейся в это время в госпитале. Жизнь больного была спасена.

Вот после этого случая я и взялась за создание донорского пункта в своем госпитале. Сдавать кровь стали все здоровые работники госпиталя: врачи, медицинские сестры, санитарки, служащие и даже пять человек из шефской организации — всего набралось 47 доноров.

Конечно, организовать дело было не так просто: требовалось провести детальное обследование всех доноров, приспособить помещения, где брали и хранили

кровь, мыли и стерилизовали посуду. Всем этим пришлось ведать мне, как главному хирургу. Зато мы смогли полностью обеспечить кровью своих раненых бойцов, а иногда выручали и другие госпитали.

Кровь сдавали охотно и, конечно, безвозмездно. Около ста литров крови было взято от работников госпиталя и перелито раненым. Некоторые доноры — А. Э. Иванова, Краскова, Суходолина и другие — сдали по пять-шесть литров и были награждены значком «Почетный донор СССР». О работе донорского пункта в госпитале мне было поручено сделать сообщение на межгоспитальном совещании врачей Томска. Наш опыт одобрили.

Расскажу еще об одном новшестве, которое помогло нам улучшить лечение больных с тугоподвижностью суставов на раненой конечности. Возникла тугоподвижность оттого, что нога долго была в гипсовой повязке. Таких больных обычно лечат грязями на курортах. Но послать на курорты мы могли единицы, а нуждающихся в этом были сотни. Вот и решили мы наладить в госпитале торфоглинолечение, которое могло, хотя и не полностью, заменить курортное лечение грязями. Торфа и глины в Сибири предостаточно!

Организация торфоглинолечения потребовала немалых усилий и смекалки. Но идеей загорелись все медицинские работники, охотно откликнулся и хозяйственный аппарат. Мы ездили в лес на торфяные болота, набирали торф, очищали его, мыли, сушили. За городом добывали глину.

В госпитале оборудовали для такого лечения три смежные комнаты. Одну — для приготовления торфа и глины; в ней была сложена плита с вмазанным котлом и решеткой на дне его (торф и глина нагревались паром). Во второй комнате проводились сами лечебные процедуры, а в третьей — лечебная гимнастика.

При такой последовательности лечения мы добились неплохих результатов. Только за полгода 1943 г. (после того, как начали применять торф и глину) было выполнено более 3 300 процедур почти 250 больным. А лечили мы этим методом вплоть до расформирования госпиталя в 1946 г. Кстати, торф мы использовали и как заменитель ваты при перевязках ран, предварительно обработав его. Ведь ваты тоже не хватало, все лучшее отправляли на фронт.

Как стойко переносили 18—20-летние ребята тяжелейшие испытания, выпавшие на их долю! Многие из

раненых вернулись с фронта калеками — без ног, а иногда и без ног и без рук. Однако они не теряли мужества, боролись за жизнь, хотели быть полезными обществу, людям (иначе жизнь бессмысленна!).

В 1942 г. в наш госпиталь поступил Саша Пушкин. Со школьной скамьи он ушел на фронт, был ранен.

В полевом госпитале пришлось ампутировать ему обе ноги и кисти обеих рук, так как начиналось омертвление их. В таком состоянии он прибыл в наш госпиталь. Культи его заживали плохо, он совершенно был беспомощным.

В госпитале мне пришлось сделать Саше несколько операций, которые он мужественно переносил. Удалось достичь многого. Хорошие опорные культи ног позволяли твердо встать на протезы.

Затем произвела ему костно-пластическую операцию на предплечьях: на каждой руке из локтевых и лучевых косточек сделала по два «пальца». После того как зажили раны, больной начал тренировать эти «пальцы», научился двигать ими, брать предметы — вначале крупные, а потом и мелкие; вскоре стал самостоятельно одеваться, есть и, наконец, встал на костыли, которые держал этими же «пальцами». И вот впервые пошел по коридору. Это было великое счастье для больного и для нас, медиков.

Потом Саша Пушкин научился свободно ходить на костылях, обходиться без посторонней помощи. Выписавшись из госпиталя, учился, работал судьей в Кемеровской области, писал и приезжал к нам. Женился, имел детей. Он стал полезным обществу, людям.

Саша Пушкин дважды проявил незаурядное мужество: когда воевал и когда утверждал себя в жизни, будучи тяжело изувеченным.

Мне часто вспоминается наш госпиталь, дни, до предела заполненные работой, когда люди в буквальном смысле слова чуть не валялись с ног от усталости, нервного напряжения. Но выполняли свой патриотический долг, не жалея усилий, чтобы восстановить здоровье раненых, вернуть их в строй — боевой и трудовой.

ТОРОП
АЛЕКСАНДР
ЛЕОНТЬЕВИЧ

Родился в 1919 г. в крестьянской семье в Гомельской области. В тридцатые годы работал учителем. В 1939 г. призван в ряды Красной Армии. Воевал под Москвой, где был ранен. После госпиталя — снова фронт. В боях под Витебском в 1944 г. снова тяжело ранен, попал в томский госпиталь, где судьба его свела с замечательным хирургом Б. А. Альбицким.

В 1949 г. А. Л. Тороп окончил Гомельский педагогический институт и продолжает педагогическую работу.

Хирург

Не так давно пришла мне неожиданная открытка:

«Дорогой товарищ А. Тороп! В «Сельской газете» прочитал вашу заметку. Решил написать, может быть, и дойдет. Поздравляю с праздником!» Обратный адрес: г. Томск, профессор Б. А. Альбицкий.

Оказалось, Борис Александровичу в Томск послал мою статью, в которой я с благодарностью вспоминал о нем, минский профессор, доктор медицинских наук Б. С. Гудимов. Коротенькое послание из Томска несказанно обрадовало меня. Да и как было не обрадоваться, не взволноваться! Ведь Борис Александрович Альбицкий летом 1944 г. дважды оперировал меня!

...И сейчас, спустя столько лет, я во всех подробностях помню тот чудесный летний день, когда впервые

мне разрешили выйти из палаты во двор госпиталя № 2483. Санитарка Дуся доводит до ближайшей скамейки в тени деревьев, усаживает и нарочито строго приказывает:

— Ты смотри, сам никуда не ходи и не вздумай за девушками бегать! Ты же знаешь, я страшно ревнивая.

Посмотрел я вокруг и такую увидел красоту, какой, кажется, не видел никогда. Долго, слишком долго смерть следовала за мной по фронтовым дорогам, а потом не отходила от носилок и кроватей в госпиталях. Поэтому сейчас мир казался мне таким невообразимо великолепным!

Не прошло и несколько минут, как меня окружили выздоравливающие. Разговоры, расспросы о том, кто, откуда, где кто служил, на каких фронтах воевал, — словом, то, с чего начинались знакомства, а потом и дружба во всех госпиталях.

— Тише, хлопцы, посторонитесь, — сказал один из выздоравливающих.

Мимо нас, приветливо поздоровавшись, прошел человек в белом халате и колпаке.

— Кто это? — спросил я.

— Ты разве не знаешь? Это же хирург, доцент Альбицкий, — сказал один.

— Если мне еще раз придется ложиться на операционный стол, буду просить, чтобы операцию делал только Альбицкий, — заявил второй.

— Надежно оперирует, и рука у него легкая: быстро рана заживает, — подтвердил третий.

В то время я не особенно разбирался в мастерстве хирургов и не слышал, чтобы можно было выбирать между ними. А насчет «легкой руки», так это мне казалось верой, не согласующейся с наукой. О разговоре выздоравливающих я назавтра рассказал начальнику нашего отделения Юзефе Константиновне Липницкой.

— Вы сами понимаете, что всемогущих нет, — ответила она, — но Борис Александрович действительно очень хороший хирург, растущий ученый и редкой доброты человек.

Не знаю, кто повторно оперировал того раненого товарища, с которым мы познакомились, а меня потом доцент Альбицкий оперировал дважды. Я убедился, что он действительно был замечательным хирургом и человеком великой доброты, сострадания к людям.

На всю жизнь останется в памяти маленькая, на две кровати, комнатуха, в которой меня и старшину Арсеньева готовили к операции. Мы с Арсеньевым сидим на кроватях, смотрим в единственное узкое окно.

— Красивый вечер, ребята? — говорит вошедший Борис Александрович.

— Эх, покататься бы сейчас на лодочке, подышать свежим воздухом! — размышлял мой товарищ.

— Не тужите, придет время, будете кататься на лодочках с девушками.

Хирург шутит, смеется, но я чувствую, что он пришел не для того, чтобы повеселить нас, вместе помечтать. Цель его прихода другая, но он почему-то не говорит сразу. Вскоре я понял: то, о чем пришел сказать Борис Александрович, сказать было ох как нелегко.

— Товарищ Арсеньев, я должен вас огорчить. Долго мы не решались на это, но дальше откладывать нельзя.

— Что нельзя дальше откладывать? — встревожился Арсеньев.

— Вам надо ампутировать ногу...

— Почему вы не сделали этого сразу? Ведь я столько мучился! — Арсеньев не выдержал, на глаза навернулись слезы.

— Отрезать ногу, Арсеньев, и дурак умеет. Мы хотели вам сохранить ее. Пусть она была бы короче, не сгибалась, но все же своя нога. Все возможности мы использовали, сейчас другого выхода нет...

Борис Александрович, видно, тоже не выдержал, отошел к окну и долго смотрел на догорающий закат.

Уже темнело, под потолком тускло горела небольшая лампочка. Борис Александрович продолжал сидеть, говорить, убеждать несчастного моего товарища. Ушел он только тогда, когда тот понял необходимость ампутации и смирился с неизбежным.

Томск во время войны был городом госпиталей. Здесь лечились десятки тысяч раненых. Русские, белорусы, украинцы, узбеки, казахи, грузины, армяне, киргизы — представителей каких только национальностей и народностей здесь не было! Как никогда, во время нависшей над Родиной смертельной опасности проявилась прочность дружбы всех народов, вставших на защиту общей Родины — СССР.

Нас лечили не только скальпелями в умелых руках и медикаментами. Нас лечило душевное отношение вра-

чей, медсестер, санитарок, сострадание и участие всех томичей. Люди от своих, и без того скудных, пайков отрывали и приносили нам то, что повкуснее. Комсомолки-шефы приходили в госпиталь, помогали медработникам, снабжали раненых бумагой и самодельными конвертами, писали письма родным тех, кто сам писать не мог.

Борис Александрович рассказывал:

— Нередко хирургам приходилось стоять у операционных столов по восемнадцать часов в сутки. Молоденькие санитарки поднимали на носилках на второй и третий этажи мужчин, запеленатых в толстый панцирь из гипса от пяток до шеи. Каждому четвертому раненому была перелита донорская кровь. Когда готовой крови не было, делали прямое переливание от медсестер, санитарок, врачей и других доноров. Трудно было, но никто не жаловался.

Б. А. Альбицкому надо было не только оперировать, лечить раненых, но и учить студентов и врачей и при этом заведовать кафедрой. На этой должности замечательный хирург-практик и ученый находился сорок лет. Его книгой «Клинические лекции по хирургическим болезням» пользуются и сейчас во всех медицинских вузах и больницах страны. Кроме того, им написаны работы по отдельным проблемам хирургии. Одна из них — о лечении огнестрельных остеомиелитов — удостоена премии на конкурсе работ, посвященных лечению раненых в Великую Отечественную войну.

Доктор медицинских наук профессор Борис Александрович Альбицкий не был призван по состоянию здоровья в армию военным комиссариатом, не носил шинели. Его призвали война, совесть советского человека, и он честно выполнил долг гражданина и патриота в годину тяжелых испытаний.

СТОММА
ЗДЗИСЛАВ
ФРАНЦЕВИЧ

Член КПСС с 1963 г. Родился в 1907 г. в Минске. С 1923 г. работал в строительных организациях пильщиком, плотником, бетонщиком-арматурщиком. Окончив в 1929 г. театральную студию Белорусского государственного польского театра, ушел служить в ряды Красной Армии. С 1931 г. по 1933 г. — актер Белорусского польского театра, затем два года сверхсрочно служил в Красной Армии в г. Минске. С 1940 г. актер Белорусского государственного академического театра имени Янки Купалы.

В 1966 г. З. Ф. Стомма удостоен звания лауреата Государственной премии БССР, в 1968 г. ему присвоено почетное звание народного артиста СССР. Награжден орденами Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», четырьмя медалями, семью Почетными грамотами Президиума Верховного Совета БССР.

Разве можно забыть такое?

Война застала коллектив Белорусского государственного ордена Трудового Красного Знамени академического театра имени Янки Купалы в Одессе на гастролях.

Вражеские самолеты ежедневно появлялись в 5 часов утра в одесском небе, пытались бомбить город. Наши зенитчики держали немецкие бомбардировщики на большой высоте, и все же бомбы попадали, возникали пожары. Но театр работал. Каждый вечер открывался занавес, и зрители смотрели наши спектакли. Когда сигналы

воздушной тревоги извещали о приближении вражеской авиации, и зрители, и артисты спускались в бомбоубежище, которое было в том же театральном здании.

Велико было горе народа, подвергнувшегося внезапному нападению фашистских орд. Велико было и наше горе. Мы потеряли в первые дни войны свои семьи, родных и близких людей, оставшихся в Минске. Столица Белорусской республики была разрушена и сожжена на второй день войны.

Из Одессы мы чудом прорвались в Москву, из Москвы нас направили в Новосибирск, а оттуда — в Томск, добрый, родной город, приютивший наш коллектив.

С чувством огромной благодарности мы вспоминаем, как нас приняли, как согрели своим сердечным теплом томичи. Партийные и советские организации сделали все, чтобы нас разместить, одеть (мы были очень легко одеты, по-летнему), накормить и дать возможность работать. У нас не было театральных костюмов, декораций и реквизита — все осталось в Одессе...

Разве можно забыть, как томичи принимали другие эвакуированные коллективы? Как устанавливались машины и станки, подчас под открытым небом. На сибирской земле монтировались заводы и фабрики, вывезенные из западных районов страны, чтобы скорее начать выпуск военной продукции для фронта. Работали и мал и стар, и день и ночь. Мы, артисты Белорусского театра, встречались с этими героями труда и в театре, и в цехах. Мы выезжали в районы и показывали свое искусство колхозникам многих сел и деревень.

Не все места, не все районы вспомнил: прошло уже много лет. Но помню, что мы были в Зырянском районе, в Асине, в деревнях Семеновке, Мишутине, Громышовке, Дубровке, в Вамболах, Туендате, Окунееве и других. Выступали в сельских клубах и читальнях.

Коллектив театра посылал бригады артистов для обслуживания и на посевные, и на уборочные работы. Мы ежедневно приходили в госпитали, чтобы выступить перед бойцами и командирами, находящимися на излечении. Вкладывали всю душу в свои выступления, чтобы облегчить страдания тяжелораненых защитников Родины.

По решению Новосибирского обкома и Томского горкома партии концертная бригада театра летом 1943 г. целый месяц обслуживала население Нарымского края. Другая бригада была направлена на Калининский фронт,

а когда была освобождена Гомельская область Белоруссии, группа наших артистов выехала с концертами в родные края. В составе бригад были: народные артисты СССР Г. П. Глебов, В. И. Владомирский, Л. Г. Рахленко, автор этих строк, народные артисты БССР В. Н. Полло, С. М. Станюта, заслуженные артисты БССР Э. П. Шапко, Б. З. Ямпольский, П. А. Пекур, В. А. Кравцов, артисты Р. Шашалевич, Т. Шашалевич, Б. Докальская, Е. Зайчик, З. Скачковская и другие.

В репертуаре театра, кроме восстановленных старых спектаклей, на томской сцене шли «Русские люди» К. Симонова, его же «Парень из нашего города», «Крылатое племя» А. Первенцева, «Душа Москвы» Л. Никулина, «Фронт» А. Корнейчука, «Продолжение следует» А. Бруштейн, «Урок жизни» В. Г. Головчинера, «Партизаны» и «Кто смеется последним» К. Крапивы, «Павлинка» Я. Купалы, которая до сего времени сохраняется в репертуаре (спектакль был поставлен в 1943 г.).

Даже простое перечисление пьес говорит о том, чем жил коллектив театра, что он нес зрителю. Это были, в основном, «военные» пьесы высокого героико-патриотического накала, звавшие на подвиг, пробуждавшие святую ненависть к врагу. И мы тоже считаем себя в какой-то степени причастными к славным делам томичей в годы войны и гордимся этим¹.

В театре работали режиссеры: народные артисты БССР Е. А. Минович, К. Н. Санников, заслуженный деятель искусств БССР Л. М. Литвинов, народный артист СССР Л. Г. Рахленко. В составе труппы артистов

---

¹ «За 3 года Великой Отечественной войны эвакуированный в Томск 1 Белорусский драматический театр, несмотря на трудности военного времени, творчески окреп и поднялся на еще более высокую идейно-художественную ступень.

За это время коллектив театра внедрил в свой репертуар новую тематику пьес, отражающую борьбу народов Советского Союза с немецкими захватчиками. Помимо этого была представлена русская и западная классика. В стенах театра было показано 870 спектаклей. Их просмотрело 747 тысяч человек. Театр обслужил спектаклями и концертами Нарым, посылал бригаду на фронт. Периодически направлялись художественные бригады в село на посевную и уборочную кампании.

Широкая общественная деятельность является неотъемлемой частью работы театра. Театр дал 216 шефских спектаклей и концертов госпиталям, воинским частям и оказывал существенную помощь красноармейской и городской художественной самодеятельности». (Из постановления бюро Томского горкома ВКП(б) и горисполкома от 23 августа 1944 г. — ПАТО, ф. 80, оп. 2, д. 704. л. 13—14).

были также народные артисты СССР Л. И. Ржецкая, Б. В. Платонов, народные артисты БССР И. Ф. Жданович, О. В. Галина, С. С. Бирилло, Р. Н. Кошельникова, заслуженные артисты БССР В. А. Кудрявцев, Л. П. Шинко, С. Ф. Хацкевич, Б. Л. Алексеенко и другие.

Томичи полюбили театр и наших артистов. Многих сейчас уже нет в живых, кто был тогда в Томске,— городе богатой истории, городе науки, городе-труженике, встречи с которым навсегда остались в памяти. Я не могу не выразить глубокое уважение и признательность первому секретарю Новосибирского обкома партии М. В. Кулагину, первому секретарю Томского горкома партии С. С. Чернышеву и другим руководителям, которые среди множества дел, буквально захлестнувших партийные и советские организации, всегда проявляли трогательную заботу о нашем театре, находили время, чтобы создать ему необходимые условия для работы.¹

---

¹ В марте 1984 г. в дни культуры города-героя Минска З. Ф. Стомма и С. М. Станюта, народная артистка БССР, в годы войны тоже работавшая в Томске, посетили Томск и были тепло встречены друзьями (Красное знамя, 1984, 13, 18, 25 марта).

**МАЛЬЦЕВ
МАКСИМ
ВАСИЛЬЕВИЧ**

Член КПСС с 1941 г. Родился в 1917 г. в с. Белогородка Мариинского района Кемеровской области в семье крестьянина-бедняка, там же начал свою трудовую жизнь рядовым колхозником. В 1935 г. в г. Томске окончил курсы бухгалтеров, работал счетоводом в родном селе, а затем чертежником на машиностроительном заводе «Труд» в Новосибирске. В 1938 г. был выдвинут на работу ответственного секретаря Мариинской районной газеты. С тех пор и началась его журналистская деятельность, которой он посвятил свою жизнь.

М. В. Мальцев редактировал районные газеты в Мариинске, Тегульдете, Колпашеве и Шегарке, работал заведующим отделом и заместителем редактора томской областной газеты «Красное знамя». С 1978 г. — персональный пенсионер республиканского значения.

М. В. Мальцеву присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры РСФСР», он награжден орденом «Знак Почета» и тремя медалями. Член Союза журналистов СССР.

О чем напомнила газетная строка

В Тегульдет я приехал в середине августа 1942 г. Обком партии рекомендовал меня на должность редактора тегульдетской районной газеты «Большевик Севера» (так тогда она именовалась).

Район был создан недавно и являлся одним из самых глухих уголков в Западной Сибири. Огромная террито-

рия района только осваивалась. Весной по рекам и речушкам плыли к промышленным центрам плоты добротного леса. По Сусловскому тракту, который перед самой войной был реконструирован методом народной стройки, зимой и летом шли к транссибирской железнодорожной магистрали конные обозы, груженные хлебом, мясом, маслом, рыбой, медом, кедровыми орехами, сушеной ягодой и пушниной. Все это добывалось трудом жителей района.

— Прибыл, молодой человек? — встретил меня секретарь райкома партии Н. Г. Коренюгин. — Давно ждем. Районная газета сейчас стала выходить небольшим листом и только раз в неделю. Бумага в стране на вес золота. Но, как говорят, мал золотник, да дорог. И непременно нужен. Сам видел, как его читают, как ждут. Из рук в руки переходит. Перво-наперво про военные события читают, потом про районную жизнь, каждую строчку о людях схватывают. Вот и смекай: в листок надо много втиснуть, чтоб весомый был содержанием. Трудности будут. Кадры в типографии и редакции — в основном, молодежь, без опыта. Война и оттуда позвала людей. Впрочем, сам увидишь...

Наборщик Николай Каперский был призван в Действующую армию в первые месяцы войны. В декабре 1942 г. он пал смертью храбрых. Ушли добровольцами в «дивизионку» подружки — наборщица Клава Раевская и секретарь редакции Тоня Ретюнина. Затем был призван на фронт и редактор Иван Иванович Зорин. Коллектив пополнился совсем юными людьми.

К наборным классам встали 16—17-летние Мария Каперская (сестра погибшего Николая), Нина Салутина, Валя Гонина. Постарше были лишь печатница Лидия Коновалова и бухгалтер, бывшая наборщица Клавдия Буреева. Старейшиной коллектива являлась жена редактора Татьяна Андреевна Зорина. Она была и помощницей печатника, и истопником, и по хозяйству управлялась. Да еще воспитывала трех малых сыновей. Это была удивительно стойкая, жизнерадостная женщина, умевшая поддерживать дух коллектива.

Работать приходилось почти постоянно полуголодными. Пайка не хватало, почти во всех семьях не было кормильцев-мужчин, оставались лишь дети малолетние, братья и сестры да престарелые родители. Но коллектив был дружный, сплоченный, трудился, не считаясь со временем и силами. Очередной номер, как правило, де-

лался поздно вечером, а то и ночью. Обычно в день выпуска газеты никто не уходил домой. Хотелось всегда дать самый свежий материал о фронтовых событиях, о жизни района. Все вместе набирали гранки, читали корректуру, правили, а затем собирались в печатном отсеке, по очереди вращали маховик печатной машины (ночью местная электростанция останавливалась). Здесь делились горем и радостью, читали письма с фронтов, пели песни, порою плакали. Но чаще всего находилась кста-ти пришедшая затейливая выдумка, вспыхивала веселая шутка. Каждый член коллектива вкладывал в газету частичку своей души.

Просматривая теперь, более 40 лет спустя, страницы «районки», проникаешься духом, настроением того грозного времени. В каждом номере печатались приказы Верховного Главнокомандующего, важнейшие сообщения ТАСС и Совинформбюро под рубрикой «В последний час», краткие обзоры фронтовых событий за неделю. Вся остальная газетная площадь отводилась под местные материалы, в которых освещали проблемы хозяйственной жизни, показывали труд людей. Духу времени соответствовали газетные заголовки, «шапки». Хочется привести некоторые из них: «Лесозаготовитель! Тебя спрашивает воин: выполнил ли ты сегодня норму?» «Лес нужен армии и авиации. Лес нужен районам, порушенным врагом». «Товарищ, не будем у фронта в долгу, каждый пуд хлеба — удар по врагу!» «Колхозник и колхозница, помни: битва и жатва — родные сестры, братья — серп и штык острый».

В год перелома на фронтах Отечественной войны, в 43-м, когда воины Красной Армии шли вперед, ломая сопротивление врага, со страниц газет звучал призыв: «Ты слышишь, труженик тыла, как наступают наши славные воины? Так шире помощь фронту. Пусть наш героический труд видят и чувствуют бойцы, поднимаясь в атаку».

Одной из основных забот тружеников района была поставка леса. В причулымской тайге заготавливалась сосна для авиационного строительства, березовая болванка для ружейного производства. И вообще, лес ждали всюду: на шахтах и стройках, в освобождаемых районах. Газета отводила лесозаготовкам много места. В те годы основными лесозаготовителями были колхозники и колхозницы, которые отправлялись в лес со своим тяглом на весь осенне-зимний сезон. Лесорубами становились

женщины и девушки. Никаких механизмов на лесоразработках и в помине не было. Основные орудия труда: поперечная пила и топор. Вывозили лес на эстакаду к местам сплава на лошадях. Валка и разделка леса лучковой пилой (более прогрессивный метод в ту пору) только осваивались.

«Работайте, как Галина Горбунова!» — призывала в одном из номеров газета. Девушке было 18 лет. Она, сезонная работница из колхоза «Светлый путь», первой научилась работать лучковой пилой и ежедневно вырабатывала до трех норм. О ее опыте было подробно рассказано.

Почин Галины Горбуновой имел большое значение. Смелее брались за новое орудие многие лесозаготовители. Мы регулярно печатали подборки писем о развитии движения. Потом Галина стала инициатором внедрения звеньевой системы, что способствовало значительному повышению производительности труда лесозаготовителей.

В небольшой статье нет возможности подробно показать людей, о самоотверженном труде которых писала газета. Особенно славились слаженной работой комсомольско-молодежные звенья лесорубов Иры Микулич из колхоза имени Энгельса, Нины Лежниной из колхоза «Заря», Галии Араслановой из колхоза «Третья пятилетка». Шло становление коллективов профессиональных лесорубов. Возглавили стахановское движение на лесозаготовках кадровые рабочие Т. Гаврюшин, А. Каблукова, А. Медянцеv, И. Боличенко и другие.

В военное лихолетье поистине героически, самоотверженно трудились земледельцы и животноводы. В районе перед войной не успели создать МТС. Жители не видели ни тракторов, ни комбайнов, не было грузовых автомобилей. Конный плуг и борона, жатка и «лобогрейка», полусложная молотилка — вот основные орудия, которые были в распоряжении здешних земледельцев. А на животноводческих фермах полностью преобладал ручной труд. Главной тягловой силой были лошади. Да и их не хватало. Лучших лошадей отправляли на фронт.

Возвратившись в середине марта с лесозаготовок, колхозники спешно готовились к посевной. Чтобы ускорить сев, женщинам приходилось боронить, а то и пахать на своих коровах. Сердце сдавливало болью при виде этого тяжелого труда.

Готовясь писать воспоминания, я с волнением прочитал корреспонденцию о том, как Н. Кухта и Л. Кремлева из колхоза «Привет 2-й пятилетке», А. Ареданова и Г. Борисова из колхоза «Труд» боронили на своих коровах колхозные поля. И вспомнил исхудалые лица этих женщин, глаза, полные не только великой скорби, но и решимости сделать все во имя победы над заклятым врагом.

Главными пахарями были подростки. Газета писала об Алексее Лазареве, Валентине Дутове, Семене Акулове и других, которые весной не выпускали из рук плуг до глубокой ночи.

Начинался сенокос. Старики, женщины и подростки брали косы, грабли и вилы, дневали и ночевали на лугах, работая по 15—18 часов. А в уборочную страду снова шли в ход те же косы да еще серпы. Все те же женщины, старики и старухи управлялись в поле. С рассвета вставали, а с полей возвращались в потемки.

Через три-четыре часа по проселкам уже тарахтели подводы, слышались людские голоса. Это молодежные бригады выезжали работать ночью на скирдовании снопов или у молотилок. Порой приходилось изумляться: откуда силы берутся?!

В редакцию приходило много писем, в которых люди рассказывали о своем труде, о своих соседях, односельчанах. Эти письма печатали в газете. Приведу одно из них, опубликованное 7 августа 1943 г.

«В первый год войны проклятые фашисты убили моего единственного сына. Сердце мое полно ненависти к врагу. И жить мне стало тяжело. Здоровье мое плохое, имею инвалидность второй группы. Но я не могу сидеть дома сложа руки. В покос была звеньевой, вершила стога. Мое звено выполняло норму на 150—200 процентов. На косовице трав выкашивала по полгектара и больше. Не отставала и во время посевной. На своей корове пахала норму. Теперь мы начали уборку урожая. Хлеба у нас выросли хорошие. Будем стараться всеми силами до единого колоска убрать урожай. Пусть знают фашистские изверги, как наши матери мстят за своих сыновей. Мы своих воинов поддержим всеми силами.

Ефросинья Тарлаганова».

Постоянным был раздел «Письма с фронта». Он выполнял большую роль, поддерживая дух людей, рабо-

тавших в далеком тылу. Вот одно из писем. Александр Таначев писал жене Марии, колхознице артели «Путь Ленина»:

«Вот уже продолжительное время мы гоним врага с нашей советской земли, идем на запад. Скоро, дорогая Маруся, мы очистим нашу Родину от немецких захватчиков.

Фашист — это настоящий зверь. Отступая, он разрушает наши города, села, убивает наших людей. Много мы проходим сел, где немцы все сожгли. Людей нет. Ходят чудом спасшиеся курица да кошка, а скота нет: немец все угоняет...

Мы торопимся на запад. Мы отыщем всех виновников злодеяний, даже под землей. И тяжелое будет фашистам похмелье.

Вам без нас очень трудно. Мы это знаем. Но вы держитесь крепче друг за друга. В беде, в трудностях дружной семье легче. Ждите нас, мы скоро придем».

Единство Советской власти, Коммунистической партии с народом, единство армии и народа, фронта и тыла обеспечили нашему Отечеству победу. Мы, газетчики, бывая в поисках материала среди людей, видели: чем труднее положение на фронтах, тем больше напрягает народ свои усилия, работает с удивительной страстью, до изнеможения. А когда наши воины погнали фашистов с советской земли, работа пошла еще азартнее, еще сплоченнее.

В газете за 1 января 1944 г. приводились предварительные хозяйственные итоги по району за 1943 год, год великого перелома в ходе Отечественной войны. Итоги эти красноречивы... Посевные площади расширены по сравнению с довоенным уровнем на 110 процентов, урожайность зерновых с гектара возросла более чем на четверть. А хлеба в том году было сдано в два раза больше, чем в 1940 г. поголовье крупного рогатого скота возросло на 27 с лишним процентов, овец — на 42, свиней — на 70. Больше поставлялось государству продуктов животноводства.

В подборке материалов приведен такой пример: в колхозе «Красная Заря» в расчете на один двор сдано государству в среднем 180 пудов хлеба. Сами колхозники изумлялись: никогда в здешних местах не получали такого количества товарного зерна. Они воочию увидели в этом факте силу колхозного строя, которому едва на-

чался второй десяток, правильность аграрной политики родной Коммунистической партии.

Не могу не сказать об отдельных коммунистах района. Самые живые воспоминания у меня остались о первом секретаре райкома партии Николае Григорьевиче Коренюгине. Это был партийный работник, что называется, по призванию, обладающий особым даром проникать в души людей, сплачивать и мобилизовывать массы. Коренюгин органически не мог терпеть расхлябанность, нечестность, малейшую фальшь, трусость, увиливание от ответственности. Почти всегда безошибочно улавливал эти отрицательные качества и всегда был беспощаден к таким работникам.

Коренюгин никогда не повышал голоса, не ругал. Но если он встречался с работником, пытающимся словчить, увильнуть от ответственности, допустившим халатное отношение к делу, лицо его моментально менялось. Глаза делались колючими, неприступными. Характерное покашливание при разговоре не сулило ничего доброго такому работнику. Зато сколько тепла излучал его взор, сколько было сердечности в обращении, когда он встречался с людьми, работающими беззаветно! Тем он мог простить невольную ошибку, понять ее причину, помочь исправить ее.

Он всегда был среди людей, добирался до самых глухих мест. При этом никогда заранее не предупреждал о своем приезде, не назначал руководителям время встречи. Он считал нужным своими глазами, внезапно увидеть все, как оно есть в жизни. Приведу лишь один пример.

Мы едем с ним в отдаленную деревню, в колхоз имени Тельмана. Крепкая лошадь идет ходкой рысью. Вдруг встала как вкопанная. У нее уже выработалась привычка резко останавливаться перед встречным. У обочины дороги стояла сухонькая старушка с батожком. Николай Григорьевич сошел с ходка, поздоровался за руку, спросил имя, отчество.

— Далеко ли шагаете, мамаша?

— В Тегульдет, сынок, в больницу.

— А что же пешком?

— Так, видишь, пора какая, самое жниво. Лошадок в колхозе мало.

— В больницу бы нашел лошадку председатель. Не помогаешь колхозу, наверное. Вот и не посмела обратиться.

— Что ты, милый, у меня трудодней не менее, чем у молодых. И на покосе робыла, и хлеб жала, и лен тербыла. Вот занемогла. А о председателе говоришь, о нашем Сокерине, так он колхозников за людей не считает.

— Так уж и не считает... Он же ваш, деревенский.

— И-и-и!.. Как избрали председателем, на народ и не смотрит. И лодырь несусветный. Утром колхозников распределит по местам, а сам дома, на боковую. Или гулять зачнет. Колхозным добром, как своим, распоряжается. Присмотрелись бы к нашему Сокерину да избрали нас. За народ прошу.

Почти весь остальной путь Коренюгин молчал, зло и сухо покашливая. Подъехали к деревне. За околицей — все хозяйственные постройки: конюшни, скотные дворы, кузница — главный механический цех тогдашних деревень. Коренюгин обошел все, заглянул в каждый уголок, поговорил с каждым человеком, кто встретился. И уж потом стал искать председателя.

Вечером собрался народ. Словами трудно передать, какой состоялся разговор. Сокерин не успевал пот с лица вытирать.

На второй день Коренюгин послал в этот колхоз группу специалистов, чтобы досконально проверить состояние дел в хозяйстве, все сигналы колхозников. Факты подтвердились. Общим собранием колхозников Сокерин был снят с работы. Райком исключил его из партии. Председателем колхоза избрали фронтовика Григория Козлова, вернувшегося после ранения.

Должен сказать: подобных Сокерину работников были единицы. Помню еще, работал председателем колхоза «1-е Мая» Богомоллов. Он занялся очковтирательством, подавал ложные сводки о посевах, а поля оставались незасеянными. Подошло время сдавать хлеб государству, а везти нечего. До работников райкома доходили слухи о фактах очковтирательства, но никто не захотел вникнуть. После того как сигналы дошли до Коренюгина, была устроена детальная проверка. Очковтиратель понес суровое наказание: его исключили из партии, предали суду. Об этих фактах тоже писала газета.

Принципиальность, честность, беззаветную преданность делу Коренюгина высоко ценили все коммунисты района и шли за ним, преодолевая любые невзгоды. Когда наши **войска** освободили Прибалтику, Коренюгин был

направлен в освобожденные районы на партийную работу.

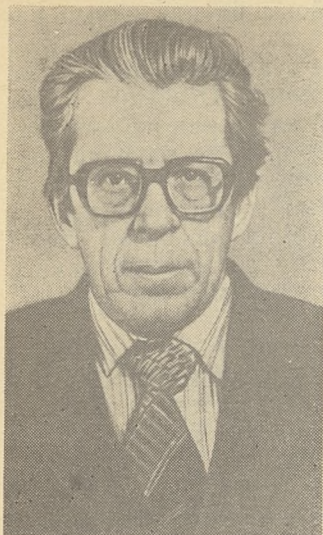
Партийный актив района в те суровые военные годы работал с величайшим напряжением. Особенно яркие впечатления сохранились о такой категории работников, как председатели сельских Советов. В те годы на территории каждого сельсовета находилось три-четыре и более колхозов. Председатель был за все в ответе: за жизнь и обеспечение каждой семьи, особенно семей фронтовиков, за посев и хлебосдачу, за лесозаготовки и рыбодобычу, за сбор средств по займам и другим платежам.

Бывая в сельсоветах в качестве уполномоченного райкома партии по каким-либо делам, приходилось задумываться: как только хватало у председателя сельсовета сил во все вникать, все организовывать? Буквально дни и ночи в бесконечных хлопотах. Прикорнул на каких-то два-три часа на полевом стане или в избушке лесозаготовителей — и снова в путь, снова за работу до глубокой ночи. Помнится, на пленумах райкома партии, на собраниях партактива, да и в районной газете особо отмечалась работа председателей сельских Советов: Покровоярского — Яковлевой, Пуштаковского — Видякиной, Тюзинского — Молниева. Последний был делегатом первой Томской областной партийной конференции.

За далекой далью видятся те годы. Это были суровые годы. Это была борьба, хотя и в далеком уголке Сибири, жестокая борьба за Победу нашей Родины в смертельной схватке с фашистскими ордами.

Дорога нашей Победы прошла через всю страну. Прошла она и через далекий Тегульдетский район.

АНДРЕЕВ
СЕРГЕЙ
НИКОЛАЕВИЧ

Родился 29 июня 1923 г. в Томске. В комсомоле состоял с 1939 по 1945 г. Член КПСС с 1945 г. После тяжелого ранения (в конце 1942 г.) на фронте работал инструктором Нарымского окружкома, Томского обкома ВЛКСМ, первым секретарем Томского райкома комсомола. С мая 1946 г. — журналист. Награжден 8 медалями, лауреат премии Союза журналистов СССР, заслуженный работник культуры РСФСР.

Публикуемые воспоминания относятся ко времени работы в Нарымском окружкоме ВЛКСМ.

На борту «Красного чума»

На закате шел Гусинов мимо чума своего...

Так переиначили известную захаровскую песню участники агитбригады Нарымского окружкома комсомола, которая в конце июля 1944 г. выехала в охотничьи и рыболовецкие колхозы, на лесозаготовительные участки. Цель поездки, как было записано в решении Нарымского окружкома ВКП(б) и Нарымского окружкома ВЛКСМ, — «горячим художественным словом и патриотической песней мобилизовать тружеников Нарымского края на самоотверженную работу, направленную на быстрейшую победу над врагом».

Гусинов — руководитель агитбригады, работавший главным администратором Нарымского отдела культуры. Спокойный, добросовестнейший человек, он обычно открывал наши концерты коротким обзором сообщений с фронта, рассказом о том, как трудятся нарымчане. А до концерта, получив наиболее интересные факты из жизни села или деревни, где мы остановились, сообщал их членам агитбригады. И факты тут же превращались в здравицы, в частушки.

Теперь о том, как сформировалась агитбригада. В июне того далекого года в Колпашеве проходил окружной смотр художественной самодеятельности. Победители его по самым различным жанрам и вошли в состав бригады. Я и Анна Постоева стали лучшими в области художественного слова. Роза Комарова (ныне Колотовкина), обладавшая сильным, красивым голосом, победила среди певцов. Иван Комаров, Антонина Большанина и Зоя Дудкина оказались лучшими танцорами. Аккомпаниатором взяли отличного баяниста Степана Савельевича Блинова из пос. Тогур. Как все музыканты, потерявшие зрение, это был отличный импровизатор, виртуоз.

Небольшой паузок с каютами для членов агитбригады, зрительным залом на 50 человек и крохотной сценой тянул за собой работяга-катерок. Все это вместе взятое называлось по-нарымски колоритно и романтично: «Красный чум».

Родившийся на севере области еще до военного лихолетья «Красный чум» в суровые годы войны сыграл заметную мобилизующую роль. Чуть приглушенная временными неудачами на фронте, культурная жизнь ни на час, ни на день не затухала. И когда приходил «Красный чум», в его зал набивалось людей втрое больше, чем было мест. А там, где был свой клуб, концерты проводили в нем. К гостям был двойкии интерес: хозяева ждали от них не только содержательного концерта, но и советов своим самодеятельным артистам. И, конечно же, мы делились с охотой всем, что умели сами...

Маршрут «Красного чума» летом 1944 г. пролегал через Колпашевский, Парабельский, Каргасокский, Александровский районы. Естественно, мы тщательно готовились к поездке, запаслись фактами, данными не только о трудовых делах людей того или иного селения, но и о боевых подвигах их земляков.

А рассказать было о чем. В нашем распоряжении были строки из рапорта нарымчан Верховному Главнокомандующему, отправленного в канун 1944 г. Колхозники Нарымского края в 1943 г. полностью выполнили хлебопоставки, дали стране и фронту хлеба больше, чем в довоенном 1940 г., — 732 000 пудов. Из личных запасов продали государству около 55 000 пудов хлеба. Вылов рыбы по сравнению с довоенным годом увеличился втрое. Нарым дал стране за 1943 г. 800 000 кубометров древесины (хотя в те годы основной тягловой силой в лесу была колхозная лошадка, а главным инструментом вальщика — лучковая пила). Только за 1943 г. Родина получила от нарымских охотников более чем на 1 000 000 рублей пушнины. Из своих доходов труженики Нарыма дали взаймы государству и перечислили в фонд Верховного Командования более 35 000 000 рублей.

За этими цифрами — поистине героический, самоотверженный труд подростков, женщин и стариков, отдававших все свои силы фронту, победе над ненавистным врагом. И мы в меру своих возможностей и способностей славим этих людей, работавших на пределе сил, а зачастую — выше этого предела.

Вспоминается один из первых концертов, который мы дали в Новоильинке, на родине Героя Советского Союза Феоктиста Андреевича Трифонова. Старший лейтенант Действующей армии, он в ноябре 1943 г. прислал своим землякам, труженикам Колпашевского района, письмо, которое закончил словами: «Товарищи нарымчане! Недалек час возмездия, час нашей победы! Трудитесь, не жалея сил. Общими усилиями добьем врага!»

Это письмо Феоктиста прибыло на место уже после того, как 18 ноября в Белоруссии оборвалась жизнь советского воина. Он вызвал на себя огонь наших артиллерийских батарей, чтобы не дать врагам возможности захватить позицию.

Известие о героическом подвиге Трифонова нарымчане восприняли с двойным чувством. Это было, с одной стороны, чувство горечи от невозполнимой утраты, а с другой — гордости за своего земляка, истинного патриота Родины, не пожалевшего ради нее своей жизни. И светлая память о Феоктисте звала их трудиться еще лучше.

Наш концерт в Новоильинке превратился в своего рода реквием Феоктисту. Агитбригада рассказала рыбакам этого села, что четырнадцати-шестнадцатилетние подростки из колпашевской артели «Строитель» назвали

свою комсомольскую бригаду именем Трифонова. И каждый из них в дни фронтовой вахты выполнял задания на 200 процентов, а бригадир Ваня Павленко давал до трех норм в смену. В те дни шел сбор средств на постройку самоходных орудий имени Феоктиста Трифонова. Эти орудия в начале 1945 г. были переданы войскам генерал-полковника Богданова и громили, как писала в те дни газета «Советский Север», «подлого врага на его земле».

Анна Постоева посвятила герою рассказ Леонида Соболева «Морская душа», Роза Комарова — две песни тех лет. Особо теплые слова нам хотелось сказать отцу Феоктиста Андрею Моисеевичу. Он был уже в том возрасте, когда даже по законам военного времени следовало находиться на заслуженном отдыхе. Однако он нашел в себе силы, чтобы работать в рыболовецкой бригаде. И как работать! Не уступая молодым, он за месяц вылавливал столько рыбы, сколько положено добывать двоим. И мы сказали теплые слова этому героическому труженику, вырастившему сына-героя.

Но каково же было наше разочарование, когда выяснилось, что Андрей Моисеевич на концерте не присутствовал по той простой причине, что находился на лове. Тогда «Красный чум» направился туда, где трудилось звено Трифонова-отца. В нашем зале в эти утренние часы находилось всего три зрителя — весь состав рыболовецкого звена. Но надо было видеть, с каким подъемом выступала вся агитбригада! Пожалуй, такого особого вдохновения, такого высочайшего накала у нас не было порой даже тогда, когда мы выступали в залах, вмещавших 500 и более человек. И звено заслуживало этого! Как заслуживали самых добрых слов, самых лучших концертных номеров все наши зрители, пришедшие в клуб или в зал «Красного чума» прямо с лесозаготовок, с рыбного или охотничьего промысла, с сенокоса или с животноводческой фермы.

Иванкино, Ласкино, Парабель, Нарым, Каргасок, Усть-Тым... Все ниже и ниже по Оби спускался наш «Красный чум». Порой мы давали по два и по три концерта в день. Остановки были не только в названных мною селах, но и на стрелевых песках, у охотничьих станов, на лесоучастках, расположенных вдоль Оби. Песни и рассказы посвящались пахарям и бороноволокам Васе Балабанову, Косте Родикову, Лене Рюмову, Алеше Малову, охотникам Михаилу Панову, Ольге Тугундиной, полеводу Анне Александровой, семидесятилетнему

конюху Афанасию Прокопьевичу Исаеву... Перечисляю только те фамилии, что остались в записной книжке. И пусть не посетуют, не обидятся на меня те, кого я не упомянул: ведь пришлось бы перечислять очень многих нарымчан: от подростков до людей самого преклонного возраста.

И, начиная концерт с сообщения об очередном Приказе Верховного Главнокомандующего, об очередном салюте в честь воинов, освободивших или взявших тот или иной город, мы не забывали сказать, что в этой очередной победе есть доля труда и тех, кто сегодня собрался в зрительном зале, и тех, кто несет ударную фронтную вахту в других районах Нарымского округа. Тех, кто крепил мощь вооруженных сил не только трудом, но и безвозмездными взносами на строительство боевой техники, и крупными суммами подписки на государственные займы; кто формировал обоз с продовольствием героическому Ленинграду; кто приютил у себя его эвакуированных детей; кто с такой душевностью собирал небольшую продуктовую посылку последнему ветерану Парижской Коммуны Адриену Лежену, жившему в годы войны в Новосибирске и приславшему нарымчанам самые добрые новогодние пожелания... Тех, кто помогал шахтерам и металлургам Кузбасса.

И, конечно же, тех, кто с оружием в руках защищал Родину на фронте. Стрелков Нарымской добровольческой снайперской роты, прошедшей путь от Калинина до Салдуса. Героев Советского Союза нарымчан Ефима Жданова, Александра Мусохранова, Николая Барышева, Григория Голещихина; героически погибших первого депутата Верховного Совета СССР от Нарымского округа бывшего батрака Петра Голещихина, разведчицы Земфиры Пивоваровой из Тогура, секретаря Нарымского окружкома партии Владимира Грикалова...

— Добрый вечер, дорогие товарищи! Агитбригада Нарымского окружкома ВЛКСМ, прибывшая на «Красном чуме», шлет вам, героическим труженикам тыла, свой горячий привет и самые лучшие пожелания, главное из которых — самоотверженным трудом помочь фронтовикам уничтожить фашистского зверя в его собственной берлоге...

Так начинался очередной концерт в очередном поселке. Приближенная полностью к военному времени, программа воспринималась особенно горячо. И отрывок из романа Михаила Шолохова «Они сражались за Родину»,

и рассказ Алексея Толстого «Русский характер», и интермедии фронтового репертуара, и песни тех огненных лет, и зазорные танцы. Однако особо бурными аплодисментами сопровождалась частушки на местные темы. Семь человек в агитбригаде, а концерт давали в двух отделениях и все время держали зал в напряжении. Конечно, это требовало и огромных физических сил, и большой затраты нервной энергии. Бывало, после концерта тут же валились пластом от усталости.

Мы все прекрасно понимали: наша поездка — не праздное гастрольное путешествие. Каждый наш концерт должен дать новый заряд энергии тем, кто находится в зале, помочь им с пользой отдохнуть.

Мы недоедали, недосыпали, уставали зверски. Но так же и трудились. Тоже для фронта, тоже для Победы. А горячие аплодисменты зала, теплые слова благодарности в путевом дневнике «Красного чума», записанные натруженными руками, еще больше вдохновляли нас.

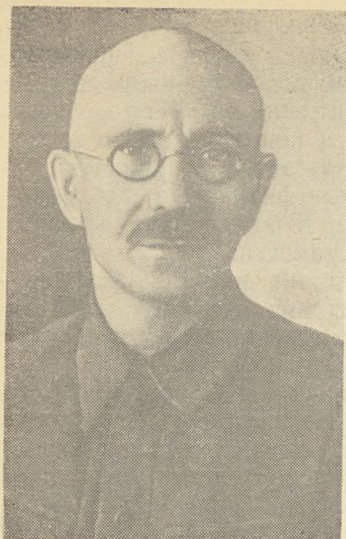
Закончился маршрут в Александровском районе концертом в средней школе райцентра. За 18 дней дано 37 концертов, обслужено несколько тысяч трудящихся.

Обратный путь был короче — неделя. И семь концертов: надо было спешить в Колпашево. Приближалась осень предпоследнего военного года. Вот и остров, расположенный ниже Колпашева. Наш небольшой катерок смело режет свинцовую гладь Оби. Пристаем у высокого яра. Спускаются сходни. Рейс окончен. Прощай, «Красный чум»! Ты подарил так много впечатлений мне, начинающему комсомольскому работнику и будущему журналисту.

Тепло прощаемся. Крепко сдружились мы все за эти двадцать пять дней. Как бы хорошо договориться не терять друг друга из вида! Но не договариваемся: молодости не свойственна предусмотрительность подобного рода. А жаль! Так бы здорово было встретиться, вспомнить былое...

Вот и Томск, где ждет меня новое назначение. Но это уже не относится к «Красному чуму». Его уже давно сменили несколько комфортабельных теплоходов для участников традиционного фестиваля «Северное сияние», который проводится ежегодно и в котором участвуют высококвалифицированные профессиональные и самодеятельные силы. А ведь мы, по сути, стояли у истоков этого движения. И когда! В самые тяжелые для Родины военные годы.

ВОЛКОВ
ПАВЕЛ
ИВАНОВИЧ

Родился в 1896 г. в д. Колесниково Костромской губернии в семье крестьянина-бедняка. Образование неоконченное высшее. Член партии с 1940 г. 60 лет проработал учителем, из них 50 — в рождественской средней школе Первомайского района Томской области.

Награжден орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и тремя медалями.

Школа в годы войны

Учебный год в 1941 г. закончился 10 июня: 10-го класса не было, школа только что была преобразована в среднюю. Ученицы 8-го и 9-го классов вместе с техперсоналом побелили и вымыли школу, а мальчики под руководством учителей покрасили полы. Школа подготовилась к новому учебному году.

Но вот в воскресенье, 22 июня, по радио пришла весть о вероломном нападении фашистской Германии на наше социалистическое Отечество и о мобилизации всех сил народа на борьбу с обнаглевшим врагом. Село, как встревоженный улей, сначала загудело, а потом улицы опустели. Военнообязанные стали готовиться к отправке на фронт. Все были уверены в скорой победе над коварным врагом. В ушах каждого еще звучали слова: «Наше дело правое. Победа будет за нами».

Вечером нарочный из райвоенкомата привез повести мобилизованным. Слез было мало. Ждали, что, как и с финской войны, наши воины скоро вернуться. От явки на сборный пункт освобождались трактористы и комбайнеры, председатели сельсоветов и колхозов, бригадиры.

В военные училища уехали старшекласники Юра Слонов, Вася Огнетов, Поликарп Пешкичев, Вася Ситнов, Коля Поздняк; Мария Пешкичева, Стеша Колдаева, Наташа Куваркина, Аня Совалкова, Оля Берлякова подали заявления о добровольном вступлении в ряды Советской Армии. Все они были на фронте до конца войны.

24 июля при МТС были организованы краткосрочные курсы трактористов и комбайнеров для девушек и женщин. Туда поехали Даша Швецова, Катя Кренева и Ольга Телкова, солдатка, женщина смелая и энергичная. Курсы готовили механизаторов к уборке урожая.

Педагогический коллектив школы, укомплектованный, в основном, мужчинами, значительно сократился. Проводили в армию Глебкина, Теряхова, Знатнова, Ситнова, Ефименко. В. П. Максимова, только 23 июля прибывшего к нам из Подмоскovie, 24 июля вызвали в райвоенкомат, и он больше не вернулся.

Перед директором школы встал вопрос о пополнении педколлектива новыми кадрами. А где же их взять? Он поехал в район, где решили лучших учеников будущего 9 и 10-го классов направить в школы района, оставшиеся без учителей, оформить их заочниками Томского педучилища, при нашей школе создать консультационный пункт, а о форме работы с ними договориться с заочным сектором педучилища.

Учителями стали ученики 9 и 10-го классов: М. Лапова, М. Кислицына, А. Дубровская, Ф. Шеститко, Е. Горбунова, В. Пангина, Е. Климина, Л. Теряхова, Е. Погребкова и А. Сабанцев, которому едва исполнилось 15 лет. (По просьбе директора его назначили в нашу школу преподавателем русского языка и литературы в 5—7 классах.) В райцентре опытные учителя провели с ними десятидневный семинар, и они с 1 сентября 1941 г. начали отсчет своего педагогического стажа. Многие из них проработали в школе по 30—40 лет, а Сабанцев до сих пор директор крупнейшей школы в п. Светлом. Это подлинный педагог-новатор. Награжден орденами, носит звание «Заслуженный учитель РСФСР».

Занятия на консультационном пункте проводились с заочниками раз в месяц по три дня, с отрывом от работы в школе.

Первый учебный военный год начался нормально. Число учеников пополнилось за счет эвакуированного населения из Белоруссии и Курской области. Каждый день перед началом занятий (а начинали в 8 часов утра) все ученики после утренней зарядки строились на линейку и дежурный по школе учитель зачитывал сообщение Совинформбюро о положении на фронтах, на карте СССР отмечал линию фронта, зачитывали письма, полученные от наших бывших учеников, или извещения о смерти. Все это отмечали в «Боевом листке».

Ученики всех классов во время сенокоса работали на лугах, старшие под руководством военрука Н. Щеглова — на конных сенокосилках и граблях, а пяти-шести-классники пололи пшеницу и окучивали картофель с учителями-женщинами. Об отпуске никто из учителей даже не думал.

Урожай 1941 г. убирали комбайнами. Возвратившиеся с курсов молодые трактористки и комбайнеры учились у старых, опытных комбайнеров и трактористов. С государством рассчитались по хлебопоставкам, засыпали семена, колхозники получили по 1,5 кг на трудодень.

В конце октября колхоз передал для фронта почти всех лошадей, кроме старых и маток с жеребятами, два трактора ЧТЗ. В колхозе остались три колесных трактора. Отправились на фронт и оставленные для уборки урожая военнообязанные: предсельсовета Лещин, председатель колхоза Шалаганов, трактористы Ошуевы Иван и Леонид, школьный военрук Щеглов.

1 сентября в Новосибирск на курсы военруков была направлена ученица 9-го класса Мария Окушко. Она заменила Щеглова. С курсов Маше Окушко дали прекрасную характеристику. Она хорошо вела военное дело, и учащиеся у нее строго соблюдали военную дисциплину. Она помогала с учениками 8 и 9-го классов в колхозе убирать лен и картофель, нередко устраивала военные игры. У каждого учащегося была деревянная винтовка, гранаты, несколько пулеметов-трещоток и лыжи.

С продовольствием было тяжело. Особенно нуждались учителя-одиночки и большесемейные. Учитель биологии Александр Семенович Шевнин имел трех малолетних детей и больную жену. По карточкам ежедневно получали в магазине сельпо на взрослого работающего

500 г хлеба, а на иждивенцев — 100 г. Семья голодовала. Директор нередко заходил к ним, приносил картошку, но больше помочь было нечем.

Договорились в сельпо, чтобы учителям выдавали паек мукой, и рекомендовали добавлять в тесто тертый картофель, свеклу, турнепс. Дело немного улучшилось. Колхоз помогал, чем мог.

Ученики всю зиму готовили и отправляли посылки на фронт. Девочки вязали шерстяные перчатки с двумя пальцами — большим и указательным, носки, вышивали носовые платочки, а мальчишки — приносили спички, районные газеты, папиросы, махорку. В каждую посылку вкладывали письма, которые составлялись коллективно.

Пионервожатая Зоя Лежнина и военрук Маша Окушко разбили село на участки, за каждым закрепили пионеров и комсомольцев — «звено помощи». Выявляли нуждающиеся семьи фронтовиков и помогали: очищали дорожки к дому от снега, носили воду, дрова, а иногда оставались с малышами, пока мать доила коров или кормила свиней на колхозных фермах.

В конце февраля 1942 г. мать Гриши Савина получила от командира роты капитана Смирнова письмо, что ее сын, старший лейтенант Григорий Иванович Савин, сторел в своем танке. Это письмо было зачитано на утренней линейке и помещено в «Боевом листке». На глазах девочек блестели слезы. Все на линейке дали клятву учиться отлично и хорошо, чтобы скорей попасть на фронт и беспощадно бить фашистов. И эти мальчишки и девчонки старались и учиться, и работать, несмотря на холод и голод, а зима была в тот год особенно холодной.

По заданию районной комиссии помощи эвакуированным и организуемому в г. Асино военному госпиталю школьники вместе с учителями собирали обувь, одежду, белье.

В конце третьей четверти, подводя итоги работы в первый год войны, учителя отметили, что значительно повысилась дисциплина и успеваемость, не стало отстающих, ученики увлеченно занимались общественным трудом. Дисциплина окрепла как бы сама собой. Мы называли это самодисциплиной, но это не так: воспитателями были партийные и советские работники, все колхозники, с которыми дети работали на полях. Особенно помню первого секретаря райкома Дмитрия Игнатьеви-

ча Янина и секретаря РК комсомола Яшу Челябинова, ушедшего позднее добровольцем на фронт. Они, посещая учеников на работе, не вели специальных бесед, а просто становились рядом, теребили лен, копали картофель, крутили веялку и т. д. Это и была замечательная воспитательная работа. Ребята говорили: «Вот как надо работать — как Янин, как Яша, ведь война, надо понимать!»¹

На педсовете решили: чтобы помочь фронтовикам, поощрять отправку посылок с детскими письмами, призывающими к борьбе, рассказывающими о жизни тыла. Решили посадить 200 корней табака для фронтовиков, посеять гектар овса с горохом, чтобы помочь детям воинов продуктами. Директору обеспечить школу через райком партии необходимым количеством семян табака, овса и гороха.

Последняя четверть прошла в подготовке к переводным экзаменам и закончилась совсем неплохо. В первых числах марта школа получила 200 г семян табака из Томской махорочной фабрики. Посеяли в ящиках рассаду и поручили пионерам вырастить ее.

Как только в колхозе начались полевые работы, ученики 8-го класса под руководством биолога Шевнина за пять дней одноконным плужком, на нашем старом рыжем коне, вспахали гектар земли на пришкольном участке и посеяли на нем 1,5 ц овса и 30 кг гороха, ручным способом, вразброс, по пластам и за три дня заборонили. В огороде вскопали лопатами гряды и посадили рассаду махорки. Уход за ней взял пионерский отряд (ст. вожатая Лежнина).

В колхозе уборка хлеба шла «со скрипом»: коней осталось мало, трактора часто выходили из строя, приходилось использовать «лобогрейки», а работать на них некому. Уполномоченный райкома и председатель колхоза снова обратились за помощью в школу. Начало занятий во всех классах установили в 8 часов утра, кончали в 2 часа дня. Один час отводили на обед и отдых, и в 3 часа организовано, по ранее установленному графику, ученики вместе с классными руководителями отправлялись кто убирать лен, кто жать хлеб и возить снопы, кто отвозить зерно от комбайна, кто веять и сортировать зерно. Вместе с учителями воспитателями и

---

¹ 36 учеников этой школы награждены медалями «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг»

организаторами труда были колхозники, трактористы, комбайнеры. Особенно много работал комбайнер Иннокентий Максимович Грахов, который знакомил ребят с работой комбайна, и под его наблюдением Саша Савин и Степа Булатов заменяли комбайнера. Вечером, после работы, часто молотили комбайном до глубокой ночи. Секретарь райкома Янин удивлялся: «Когда же они спят и готовят уроки?» Предколхоза Ф. К. Швецов частенько выдавал маленьким труженикам по 200 г печеного хлеба или устраивал прямо на полях скромный ужин.

Прикрепленная к пришкольному участку группа из двух мальчиков и трех девочек с биологом А. С. Шевниным вручную сжала овес и горох, подвезла к току и обмолотила комбайном. Долго бились над разделением овса и гороха. Пробовали откатывать на круто поставленных гладких досках, на машине, которую называли «Змейкой», но это все было очень медленно. Додумались применить веялку-сортировку «Триумф». Получили 12 ц овса и 4,5 ц чистого гороха. Горохом подкармливали нуждающихся детей и учителей. Выделили 1 ц гороха на заготовку дров для школы, 2 ц овса оставили школьному коню, а 10 сдали государству.

В ноябре закончили обработку табака и нарубили два мешка махорки. 23 посылки с махоркой вместе с кистетами и письмами отправили фронтовикам. На новогоднюю елку председатель райисполкома Егор Ефремович Круглов привез ящик (20 кг) маленьких, желтеньких конфет, поздравил ребят с трудовыми успехами, поблагодарил от имени Родины за их труд, вручил школе благодарственную грамоту.

Летом 1942 г. в наше село, как и в район, прибыли эвакуированные из многострадального Ленинграда. Много детей ленинградцев влилось в наш школьный коллектив вместе с учительницей начальных классов Елизаветой Александровной Лапшиновой, которая сразу же начала работать на пришкольном участке. Наши ученики очень тепло приняли детей ленинградцев. Ленинградцы рассказывали о суровых днях блокады, о героизме защитников города Ленинграда.

Эвакуированные в Томск заводы нуждались в рабочих кадрах. В порядке трудовой мобилизации на завод уехали Сережа Кондратьев, Миша Чесноков и несколько девочек. Миша Чесноков после войны, работая на заводе, окончил среднюю школу и медицинский инсти-

тут и сейчас заведует Ореховской больницей в нашем Первомайском районе, а остальные уже на пенсии.

В конце 1942 г. и начале 1943 г. на географической карте флажки на булавках быстро поползли от Волги к Днепру: линия фронта двигалась на запад. Это придавало новые силы, росла уверенность в скором окончании войны. В селе стали появляться фронтовики, выписанные из госпиталей. Первым прибыл старший лейтенант Волков, награжденный орденом Красной Звезды. Он двигался еще с трудом, но часто приходил в школу, рассказывал о фронте, о героизме наших бойцов, о зверствах фашистов, о разоренных городах, выжженных селах и деревнях. Провел вместе с военруком Машей несколько военных игр и занятий. Пробыл всего 18 дней, хотя имел месячный отпуск, и снова уехал на фронт.

Затем прибыли освобожденные из-за ранения политрук Василий Елчанин, Иван Ошуев и старший сержант Сергей Бобыкин. Они сразу же включились в трудовую и общественную жизнь села. Елчанин возглавил сельсовет, Ошуев заменил председателя сельпо, уехавшего на фронт, а Бобыкин — Окушко, которая уже несколько раз просила военкома отправить ее на фронт. После возвращения Бобыкина она уехала добровольцем в Действующую армию и воевала до конца войны.

Ученики снова вместе с учителями работали в колхозе и на пришкольном участке, выращивали табак, косили и убирали сено. В 1944 г. вместо коней в колхозе стали использовать как тягловую силу бычков-двухлеток и огромного племенного быка Перика. Все лето и осень школьники возили на быках солому и зерно, горячее и воду к тракторам. Помню, возчиком на Перике был Миша Сысоев, ученик 4 класса. Этот огромный бык слушал только своего маленького хозяина. Как-то в холодный день, пока разгружали воз, Миша побежал домой надеть телогрейку. Перик в это время забрался в огромный ворох пшеницы и начал есть зерно. Его тянули за поводок, били бичом, но все безрезультатно. Прибежал Миша, взял быка за поводок и сказал: «Пошли, Перик», и тот послушно пошел за своим другом. Хлебопоставки на элеватор возили девочки 9 класса, а старшим бычьего обоза всегда назначали Лиду Шевнину.

Нельзя не сказать, как школа встретила весть об окончании войны.

9 мая 1945 г. военрук школы Сергей Бобыкин поехал в село Сергеево, чтобы передать по телефону свод-

ку о посеве на пришкольном участке. Вернулся взъеро-
шенный, потный и сообщил: «Дорогие товарищи, кон-
чилась война. Германия капитулировала. Скоро наши
солдаты и офицеры вернутся к мирному труду». Дирек-
тор приказал построить всю школу на внеочередную ли-
нейку и объявил радостную весть. Что тут только было!
Ученики кричали «Ура!», обнимались. Вдруг ученики
9-го класса запели «Интернационал», а вся школа друж-
но подхватила. Но радость была смешана со слезами.
Плакали сестры Рыжаковы Шура и Зина, Лида и Саша
Шевневы, Саша Савин и др. Детей распустили домой.

Война окончилась, а трудовые традиции продолжа-
лись. И дети военных лет стали активными строителями
развитого социализма. Они и сейчас еще несут трудовую
вахту во всех отраслях народного хозяйства. Из их
среды вышли ученые: Юрий Иванов, Николай Сапунов;
инженеры: Волковы, Деулины, Коростелевы; врачи:
Михаил Чесноков, Виктор и Мария Путинцевы, Зина
Кислицина; учителя... Да разве всех перечислишь!

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Анциферова С. А. Второе рождение «Богатыря»	4
Тиркунов А. И. На передовой трудового фронта	25
Кашуткин П. В. Родники инициативы	32
Бомбер Г. И. Поезда пошли по улицам	37
Мальцев С. Т. Ради самой высокой цели	40
Будницкий Л. Д. Орден на знамени завода	45
Ратникова Е. А. Юность комсомольская моя	54
Полякова Г. С. Поклон вам низкий — до пояса...	60
Никифорова О. ОУ Вырос на пустыре завод	69
Фарстов А. Г. Имя этому — подвиг	75
Салий В. В. Мальчишки военных лет	85
Цехановский А. И. И лес — оружие победы	92
Майоров В. Н. В далеком таежном краю	98
Большаков А. М. «Красный обоз» из Нарыма	105
Радугин К. В. На разведку в тайгу	110
Кутявин И. Д. Проблема № 1 — электроснабжение	112
Надежницкий В. А. Надев рабочую блузу	116
Бояршинова З. Я. Университет: от первого дня войны до последнего	119
Бирюкова А. М. Рабочие руки студентов	133
Маковенко И. Е. За Обью	139
Галков М. Г. Эти долгие, долгие военные годы	145
Тумашова Е. Д. Трудный хлеб	153
Тюделекова Е. В. Комсомольцы — беспокойные сердца	164
Новокошинов В. А. У далеких истоков Победы	176
Перемитин Д. А. Хлеб — фронту	182
Ширяев П. И. Как бы трудно ни приходилось	184
Астафьева В. И. Снова бойцы уходили на фронт	188
Тороп А. Л. Хирург	193
Стомма З. Ф. Разве можно забыть такое?	197
Мальцев М. В. О чем напомнила газетная строка	201
Андреев С. Н. На борту «Красного чума»	210
Волков П. И. Школа в годы войны	216

**ВСЕ ДЛЯ ФРОНТА,
ВСЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ**

Редактор С. П. Федотов
Художник В. П. Кириллов
Художественный редактор А. Н. Тобух
Технический редактор Н. Т. Федорова
Корректор В. В. Туркевич

ИБ № 1663

Сдано в набор 27.06.84. Подписано в печать 26.11.84. МН00580. Формат 84×108/32. Бум. кн.-журн. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 11,76+0,84 вкл. Усл. кр.-отг. 12,81. Уч.-изд. л. 11,80+1,0 вкл. Тираж 10000. Заказ № 57. Цена 55 к.
Западно-Сибирское книжное издательство, 630099, Новосибирск, Красный проспект, 32. Полиграфкомбинат, 630007, Новосибирск, Красный проспект, 22.

1576649

55 КОП.